

Ассоциация исследователей Гражданской войны в России

АЛЬМАНАХ
АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

*Выпуск 2: Гражданская война в России в контексте
международных отношений первой четверти XX века*

Архангельск
САФУ
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612я43+63.3(2)534-68я43
А57

Редакционная коллегия:

В.И. Голдин (президент Ассоциации, гл. ред.),
С.Н. Полторак (вице-президент Ассоциации),
Т.И. Трошина (ученый секретарь Ассоциации, сост.),
А.М. Тамицкий

**Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в Рос-
сии.** Вып. 2: Гражданская война в России в контексте международ-
ных отношений первой четверти XX века / ред. кол.: В.И. Голдин
и др.; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архан-
гельск: ИД САФУ, 2015. – 178 с.: табл., рис.
ISBN 978-5-261-01075-3

Сборник содержит статьи, посвященные актуальным и дискусси-
онным проблемам государственной политики и международных от-
ношений на Севере Европы и в Арктике в первой четверти XX века.
В центре внимания исследователей – развитие событий и процессов
в регионе накануне и в годы Первой мировой войны, в период Граж-
данской войны и интервенции в России, особенности становления
здесь послевоенной системы международных отношений, опыт и
уроки урегулирования спорных вопросов для современной политики.

Издание предназначено для специалистов в области всемирной и
региональной истории и международных отношений.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612я43+63.3(2)534-68я43

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова, а также гранта Российского
гуманитарного научного фонда и Правительства
Архангельской области (проект № 15-11-29501z/С)*

ISBN 978-5-261-01075-3

© Трошина Т.И., составление, 2015
© Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, 2015

Содержание

Приветствие президента Ассоциации	4
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ	6
<i>Ипполитов Г.М.</i> «А где же были орлы?», или почему в Доброволь- ческую армию в период ее формирования поступило мало офицеров	6
<i>Исхаков С.М.</i> Борьба за Крым и татары (1917–1920 гг.).....	16
<i>Старков Б.А.</i> Советские и белогвардейские спецслужбы на завер- шающем этапе Гражданской войны	25
<i>Пилипенко С.А.</i> К вопросу о методах ведения боевых действий и укрепления морального духа красноармейцев в начальном периоде Гражданской войны (1917–1918 гг.).....	40
<i>Наумов Е.О.</i> Быт и повседневная жизнь солдат запасных частей 1-й ар- мии Восточного фронта в Саранске в 1918–1919 гг.	49
НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	59
<i>Ганин А.В.</i> Становление Красной армии во взаимоотношениях ее первых руководителей: М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис и С.С. Ка- менев.....	59
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА	112
<i>Разиньков М.Е.</i> Типология гражданских войн – Евразия (1900–1950 гг.): из дневника исследователя.....	112
ЛЮДИ И СУДЬБЫ.....	124
<i>Голдин В.И.</i> Великий князь Николай Николаевич: жизнь и судьба	124
ЛИКИ ПОВСТАНЧЕСТВА	155
<i>Канищев В.В., Баранова Е.В., Иванов Д.П., Посадский А.В.</i> Возмож- ности пространственного отображения крестьянского движения периода Гражданской войны средствами ГИС-технологий.....	155
<i>Савченко В.А., Дубовик А.В.</i> Батька Савон.....	163
<i>Ситников М.Г.</i> Троицко-Печорское восстание	165
КНИЖНАЯ ПОЛКА	168
ПАМЯТИ ТОВАРИЦА.....	173
Лев Григорьевич Протасов (1938–2015).....	173
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	176

Дорогие друзья, глубокоуважаемые коллеги!

Перед вами второй выпуск Альманаха Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Это отражает стремление руководства Ассоциации и редколлегии Альманаха сделать его издание постоянным и ежегодным. Это тем более важно, что мы приближаемся к столетию Гражданской войны в России и призваны внимательно отслеживать современные тенденции в ее изучении и стремиться к глубокому осмыслению и переосмыслению тех уже далеких, но во многом и сегодня остающихся актуальными, драматических событий отечественной и мировой истории, привлекая для этого новые источники и используя новые методологические подходы.

Представляется важным, анализируя исторический опыт Российской гражданской войны, не допустить повторения подобного в современной России, учитывая имеющиеся в ней сегодня противоречия, конфликты и эпизоды вооруженного противостояния (на Северном Кавказе), а также вызовы современного международного терроризма. Это тем более значимо в контексте событий 2014–2015 годов на соседней Украине, где развернулось вооруженное противостояние и уже погибли тысячи людей. В целом же, гражданские войны сегодня являются реалиями в целом ряде стран мира. К тому же, они нередко сопровождаются вооруженным вмешательством извне, часто под предлогом помощи мирным жителям и посредством проведения так называемой «гуманитарной интервенции», что, как правило, приводит не к прекращению гражданских войн, а, напротив, к обострению происходящего там противоборства. Поэтому международное сообщество должно быть предельно аккуратным в проведении миротворческих операций и делать это только при условии соответствующего решения Совета Безопасности ООН. Это особенно важно в условиях углубления конфронтации в современном мире.

Название этого выпуска Альманаха – «Гражданская война в России в контексте международных отношений первой четверти XX века». Это обусловлено тем, что это издание осуществляется в рамках подготовки к проведению в сентябре 2015 года в Архангельске, на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова международной научной конференции «Государственная политика по защите национального суверенитета и решению спорных вопросов международных от-

ношений на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и уроки для современности». В ходе этой конференции пройдет обсуждение широкого круга сложных проблем международных отношений рассматриваемого периода, в частности, кризиса и разрушения старой их системы в условиях Первой мировой войны и формирования после ее окончания нового мирового порядка. В числе обсуждаемых дискуссионных проблем этого периода будут и гражданские войны в России и Финляндии, их опыт и итоги, современное осмысление. На страницах этого выпуска Альманаха Гражданская война в России будет рассматриваться в более широком сравнительно-историческом и теоретическом контексте.

В этом номере Альманаха сохранен ряд рубрик его первого выпуска: «Дискуссионная трибуна», «Лики повстанчества», «Книжная полка». Но в данном выпуске появились и новые разделы: «Актуальные проблемы Гражданской войны», в котором публикуются статьи разной тематики и направленности, «Наше исследование», где помещена работа московского историка, доктора исторических наук А.В. Ганина, а также «Люди и судьбы» со статьей автора этих строк, посвященной великому князю Николаю Николаевичу. В этом номере, увы, появилась и рубрика «Памяти товарища», в которой помещен некролог, посвященный ушедшему из жизни в этом году выдающемуся историку революционного процесса и Гражданской войны в России профессору Л.Г. Протасову.

Хочется надеяться, что этот выпуск Альманаха покажется интересным как специалистам, так и всем интересующимся страницами истории Гражданской войны в России и исторического прошлого нашей страны.

Президент Ассоциации исследователей
Гражданской войны в России, главный
редактор Альманаха, доктор исторических
наук, профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации

В.И. Голдин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Г.М. Ипполитов

«А где же были орлы?», или почему в Добровольческую армию в период ее формирования поступило мало офицеров

Если дрессировать свою совесть, то
и кусая, она будет целовать нас.

Ф. Ницше

Процесс формирования Добровольческой армии (ноябрь 1917 – январь 1918 гг.) привлекает исследователей начала ХХI в. своей противоречивостью¹. Одно из таких противоречий вынесено в заглавие данной статьи.

Анализ проблемы, означенной выше, следует начать с такой констатации: по замыслу «Отца Белого Дела»² генерала М.В. Алексеева – основоположника Добровольческой армии – на Дону должно было собраться не менее 30 тысяч офицеров, призванных стать ядром антибольшевистской армии³. Действительность же оказалась, как выше отмечалось, иной.

Формирование армии шло медленно. В среднем, в день в неё записывалось, по сведениям американского исследователя Д. Футмана, 70–80 человек⁴. Солдат в армию поступало вообще мало. «Когда Корнилову приносили в Ростове списки добровольцев, –

¹ См., напр.: *Ипполитов Г.М., Казаков В.Г., Рыбников В.В.* Белые волонтеры. Добровольческая армия: зарождение, расцвет и первые шаги к закату (1917 – февраль 1919 гг.). М., 2003; *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005; *Ипполитов Г.М.* Деникин. М., 2006; *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Корнилов. М., 2012 и др.

² Так генерала М.В. Алексеева величали в белоэмигрантской историографии.

³ См.: *Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большевиками. Париж, 1931. С. 59.

⁴ *Footman D.* Civil War in Russia. L., 1961. P. 144.

пишет американский историк Р. Лаккет, – то он неистово восклицал: «Это все офицеры, ну, а где же солдаты!»¹. К началу 1918 г. в Добровольческой армии насчитывалось всего 235 рядовых, в том числе 169 солдат².

«К великому стыду русского общества, комплектование армии продвигалось крайне медленно, и количество ее не могло превысить даже трех тысяч бойцов. Индифферентное, а зачастую и враждебное отношение создавало тяжёлую обстановку для добровольцев, – с горечью констатировал в своих воспоминаниях один из первых добровольцев поручик В. Дончиков. Взрослое население Ростова отвернулось от армии. Но по иному отнеслась ростовская молодежь к призыву генерала Корнилова. Чистая идея нашла благодатную почву в чистых сердцах юношей, и, охваченные горячим порывом, пошли они пополнять ряды армии добровольцев...»³.

Увы, приток юнкеров, гимназистов не смог значительно усилить армию. Можно только отдать дань мужеству этих юношей. Не случайно генерал М.В. Алексеев на похоронах кадетов, погибших в первых боях с красными, сказал: «Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям. На горной скале – разоренное гнездо и убитые орлята. А где же были орлы?»⁴. Попробуем ответить на этот вопрос генерала Алексеева.

Итак, «орлов», то есть взрослых офицеров, поступивших в Добровольческую армию в период ее формирования, действительно было немного. Мало кто хотел взлетать в небо, чтобы там с большой долей вероятности погибнуть. Много было тех, кто хотел отсидеться в своих гнездах, лелея наивную надежду переждать бурю российской Гражданской войны. Только на Украине, например, к январю 1918 года было около 100 тысяч бывших царских офицеров⁵. Но они не проявляли особого желания вступать в когорту

¹ *Luckett R. The White Generals. An Account of the White Movement in the Russian Civil War. New York, 1971. P. 72.*

² *Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. М., 1988. С. 36.*

³ *Зарождение Добровольческой армии / сост., научн. ред., предисловие и коммент. С.В. Волкова. М., 2001. С. 510–511.*

⁴ *Цит. по: Суворин Б. За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии. Берлин, 1922. С. 21.*

⁵ *Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 36. Есть небезынтересные статистические обобщения в исследовании С.В. Волкова. Он утверждает, что в Москве к концу 1918 г. скопилось до 56 тысяч офицеров, в Киеве – 40 тыс.,*

белых волонтеров. Один из будущих добровольцев, находившийся в Киеве, вспоминал: «Я зашел в Аэро-фото-граммометрические курсы, где, я знал, было около 80 офицеров авиации. Они сидели, курили и обсуждали последние события. Я рассказал им сведения, полученные с Дона, и стал убеждать их ехать туда с нами. Увы! Мое многочасовое красноречие пропало даром... никто из господ офицеров не пожелал двинуться на соединение с формирующейся антибольшевицкой армией»¹.

Даже в самом Ростове не все офицеры хотели встать в строй белых волонтеров. Вот свидетельство одного из первых добровольцев: «Город Ростов поразил меня своей ненормальной жизнью. На главной улице, Садовой, полно фланирующей публики, среди которой масса строевого офицерства всех родов оружия и гвардии, в парадных формах и при саблях, но... без отличительных для Добровольцев шевронов на рукавах!... На нас – добровольцев – как публика, так и «господа офицеры» не обращали никакого внимания, как бы нас здесь не было! Но некоторые из них останавливали нас и требовали отдания чести! Получив же в ответ что-либо невразумительное, быстро отскакивали и исчезали в толпе...»². Другой белый доброволец вспоминал о том, что тысячи офицеров из разбежавшихся с фронта полков «бродили по городу и с равнодушием смотрели, как какие-то чудаки в офицерской форме с винтовками на плечах несли гарнизонную службу»³.

В начале февраля была предпринята отчаянная последняя попытка приобщить к Добровольческой армии офицерство Ростова. На собрание пришло всего 200 (!) человек. В сборнике воспоминаний офицеров-марковцев есть интересные свидетельства очевидцев о тех, кого пытались обратить в белогвардейцев: «Странный вид имели пришедшие: немногие явились в военной форме, большинство в штатском, и то, одетые явно «под пролетариев». Это

в Херсоне и Ростове – по 15 тыс., в Симферополе – 9 тыс. и т.д. (см.: *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 40.). Вообще данные по предмету, изложенному выше, разнятся. Но как бы не жонглировали исследователи с цифрами, налицо бесспорный факт: офицерский резерв для комплектования Добровольческой армии являлся достаточным. Как оказалось, только в потенциале.

¹ Цит. по: *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. С. 87.

² *Свидерский Д.Д.* Поход к Ледяному походу // Первопоходник. 1973. № 1. С. 37.

³ Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 56.

было не собрание офицеров, а худший род митинга, на который собрались подонки, хулиганы... Позорное собрание!». И далее: «На следующий день в газетах было помещено объявление, предлагающее в трехдневный срок не вступившим в армию покинуть Ростов. Несколько десятков поступили в армию. Остальные... щеголявшие еще вчера по людным улицам Ростова в блестящих погонах, сегодня толпами стали появляться на вокзале без погон и кокард, с отпоротыми от шинелей золотыми пуговицами, торопясь покинуть опасную зону. Картина была омерзительная»¹.

Такое положение дел волновало современников. Будучи в эмиграции, они постфактум пытались найти этому явлению приемлемое объяснение.

Повествуя позднее на страницах «Очерков Русской Смуты» о нежелании многих офицеров вступать в ряды белогвардейцев, генерал А.И. Деникин объяснял столь странную пассивность теми трудностями, которые подстерегали добровольцев на их пути². Аргумент достаточно весомый. Путешествие на Дон по территории, погрязшей в анархии, наводненной дезертирами, просто бандитствующими и уголовными элементами, отнюдь не напоминало туристический круиз. Многие офицеры, кто выбрали путешествие по маршруту «Со всех концов России – Дон», сложили свои буйные головы. Миновала их германская пуля, зато настиг свинец, выпущенный теми, кто за высокие идеи рушил до основания старый мир, спокойно проливая первую братскую кровь во все разрастающейся братоубийственной войне, либо просто бандитствовал под шумок красивых слов о раздувании «на горе всем буржуйам» пожара мировой революции³.

Однако при всем уважении к аргументу генерала А.И. Деникина, приведенному выше, нельзя не сказать об одном контраргументе. До середины декабря 1917 года сообщение именно между Москвой и Новочеркасском оставалось свободным. Не только одиночки, но и сравнительно большие группы совершали это путеше-

¹ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 1. Париж, 1962. С. 102–103.

² См.: Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. Париж, 1921. С. 197.

³ Впечатления очевидцев на всех железных дорогах ноября – декабря 1917 года приблизительно одинаковы. «Какое путешествие! Всюду расстрелы, всюду трупы офицеров и простых обывателей, даже женщин,

ствие, не встречая особых препятствий со стороны большевистских властей. Так, 4 ноября из Москвы прибыло сразу 142 человека, через десять дней – еще 297, а еще через неделю 211¹. Правда, в январе 1918 года советская власть взяли железные дороги под более жесткий контроль. Единственной возможностью было пройти только по глухим, незначительным и проселочным дорогам, обходя населенные пункты. «Просачиваются немногие, державшие до конца. Их число возросло снова, когда в конце января началась демобилизация армий на фронтах»², – вспоминали очевидцы.

И все же Антон Иванович Деникин в высказанном аргументе, приведенном выше, оставил необъясненным такой феномен: а что делали офицеры, находившиеся в Ростове, которым вообще никуда не надо было ехать? Их скопилось тогда до 17 тыс. человек, не считая 2 тыс. казачьих³. Однако, как выше отмечалось, из этого числа на призыв генерала М.В. Алексева откликнулось едва ли 300 человек⁴.

детей. На вокзалах буйствовали революционные комитеты, члены их были пьяны и стреляли в вагон на страх буржуям, – вспоминала М.А. Нестерович-Берг. – Чуть остановка, пьяная озверелая толпа бросалась на поезд, ища офицеров (Пенза–Оренбург)... По всему пути валялись трупы офицеров (на пути к Воронежу)... Я порядком испугалась, в особенности, когда увидела в окно, прямо перед домом на снегу, трупы офицеров – я с ужасом рассмотрела их, – явно зарубленных шашками (Миллерово)... Поезд тронулся. На этом страшном обратном пути, – какой леденящий сердце ужас! – на наших глазах, на перронах, расстреляли восемь офицеров. Мы видели затем, как вели *пятнадцать офицеров, вместе с генералом и его женою*, куда-то по железнодорожному полотну. Не прошло и четверти часа, как послышались ружейные залпы. Все перекрестились (Чертково)... В момент отхода поезда к нему быстро направилась двое молодых в военной форме. Момент – и два друга лежат на платформе, заколотые штыками. «Убили офицеров» – пронеслось по вагонам (Воронеж). То же на ст. Волноваха и других. Десятки арестованных... Его вывели из вагона в помещение вокзала, разули и, оставив лишь в кальсонах, отвели в комнату, где находилось уже около 20 человек в таком же виде. Оказалось почти все офицеры. Они узнали свою судьбу... расстрел, как это было в минувший день с пятьюдесятью арестованными (Кантемировка)» (*Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. С. 52–53, 113, 135, 137–138; Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 32–33*).

¹ См.: *Нестерович-Берг М.А.* Указ. соч. С. 44, 78, 94.

² Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 36.

³ См.: *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. С. 60.

⁴ См.: *Суворин А.* Поход Корнилова. Ростов н/Д., 1918. С. 7.

Видимо, нельзя сбрасывать со счетов того факта, что у офицерства, разбросанного по всей России, проживающих на территории, подконтрольной Советской власти, не было исчерпывающей и объективной информации, необходимой для принятия решения об убытии на Дон. По появляющимся эпизодически в красной прессе сообщениях о «бандах Корнилова» вряд ли было возможным составить даже самое общее представление о Белом движении, зарождавшемся на Юге России и олицетворявшимся, главным образом, в Добровольческой армии. В Киеве, например, даже весной 1918 года (!) о Добровольческой армии ничего не было известно: «Доходившие с разных сторон сведения представляли добровольческое движение как безнадежные попытки, обреченные заранее на неуспех за отсутствием средств»¹, – вспоминал один из вождей Белого движения генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель. В Москве, к концу декабря, передавали, что на Дону уже собралась у генерала М.В. Алексева большая армия. «Этому верили и этому радовались, но... выжидали... стали говорить о неясности положения на Дону»².

Немаловажный фактор, обуславливающий пассивность офицеров, играла их привязанность к своим семьям, существование которых надо было как-то обеспечивать в условиях тогдашней анархии и террора. Очень немногие могли пренебречь этими сообщениями³.

¹ *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920): в 3 ч. Ч. I. М., 1992. С. 65.

² Марковцы в боях и походах... Кн. I. С. 28–29.

³ В декабре 1917 г. советская власть приняла два декрета – «Об уравнении всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и организации власти в армии» (см.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 242–245). Они вбили последний гвоздь в гроб старой Русской армии. Положение русского офицерства стало буквально невыносимым. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич одним из первых поступил на службу в РККА и являлся лояльным по отношению к советской власти. Но, в целом, в апологетических мемуарах бывший царский генерал все-таки написал, что декрет «Об уравнении всех военнослужащих в правах» произвел тягостное впечатление даже на тех офицеров, которые смирились уже было с новой властью. «Человеку, одолевшему хотя бы азы военной науки, казалось ясным, что армия не может сосуществовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу... генералы и офицеры, да и сам я, несмотря на свой сознательный и добро-

Но одной из самых существенных причин того, что офицеры не спешили вступать в Добровольческую армию, является их усталость от всех потрясений и унижений принятых ими в 1917 году, году революционном, году гибели старой русской государственности и ее оплота – русской армии. Один из активных белых добровольцев М. Критский объяснял пассивность офицеров при вступлении в Добровольческую армию тем, что большинство из них было морально подавлено и на все махнуло рукой. Были и такие, что старались отделить от себя кошмары ежедневной жизни кутежами и пьянством¹.

Более любопытен другой аргумент генерала А.И. Деникина, апеллирующий к профессиональной психологии: не было формального приказа, и потому офицерство осталось в стороне. «Кто знает офицерскую психологию, тому понятно значение приказа. Генералы Алексеев и Корнилов при других условиях могли бы отдать приказ о сборе на Дону всех офицеров русской армии, – писал А.И. Деникин. Такой приказ был бы юридически оспорим, но морально обязателен для огромного большинства офицерства, послужив побуждающим началом для многих слабых духом. Вместо этого распространились анонимные воззвания и «перспекты»

вольный переход на сторону большевиков, были подавлены... Не проходило и дня без неизбежных эксцессов. Заслуженные кровью погоны, с которыми не хотели расставаться иные боевые офицеры, не раз являлись поводом для солдатских самосудов» (*Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. Воспом. М., 1957. С. 227–228.) Помимо моральных и физических страданий декреты советской власти, упомянутые выше, ставили офицерство в крайне тяжелое материальное положение, особенно в тылу. Офицеров и их семьи лишили всякого содержания, сделав это без всякого предварения. Очевидцы оставили потомкам соответствующие воспоминания: «...Депутация офицерских жен целый день моталась по разным комиссарам с просьбой отменить запрещение выдавать содержание за декабрь; одна из представительниц, жена полковника Малютина, спросила помощника военного комиссара товарища Бриллианта, что же делать теперь офицерским женам, на что товарищ сквозь зубы процедил: “Можете выбирать между наймом в поломойки и поступлением в партию анархистов”», – вспоминал барон Алексей Будберг, одна из заметных фигур Белого движения в Гражданской войне в России (*Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С. 68).

¹ *Критский М.* Александр Павлович Кутепов (биографический очерк) // Генерал Кутепов: сб. ст. Париж, 1938. С. 77.

Добровольческой армии. Правда, во второй половине декабря в печати, выходявшей на территории Советской России, появились достаточно полные сведения об армии и ее вождях¹. Но не было властного приказа, и ослабевшее нравственно офицерство уже шло на сделки с собственной совестью...»².

Однако у современников была и иная точка зрения на этот счет. «Все были убеждены, – отмечается в сборнике воспоминаний офицеров-марковцев, – что таковой приказ, будь он отдан генералом Алексеевым или генералом Корниловым, исполнен не был бы»³.

Надо иметь в виду и то, что уклонение от участия в российской Гражданской войне являлось вполне сознательной позицией. В начале февраля 1918 года в Ростове была предпринята попытка организовать собрание офицеров для записи в антибольшевистскую армию. Когда пришедшие на встречу узнали о цели мероприятия, возник стихийный митинг, принявший резолюцию: «Русский офицер призван защищать границы своего государства, а не честь отдельных генералов»⁴. Конечно, это принципиальное, на первый взгляд, поведение попросту прикрывало нежелание связываться с непредсказуемой по последствиям затеей. Но данный случай показывает, что авторитет приказа отнюдь не был уже непререкаемым для большей части офицерства.

По мере падения престижа власти, крушения государственности, офицерский корпус все более утрачивал корпоративные черты, распадаясь на отдельные группы, мотивы поступков которых зачастую были очень несхожи. Человек не железный, не все могут выступать перманентными пассионариями. Тем более что на пути белой борьбы белых волонтеров везде поджидала смертельная опасность. Красивых альтернатив ей не было. Обычно многие офицеры, приходящие в бюро записи добровольцев, спрашивали: «Что дает Добровольческая организация?». «На него мог быть лишь один ответ: «Винтовку и пять патронов» и предупреждение

¹ Думается, что А.И. Деникин выдает здесь желаемое за действительное. Не могло в прессе советской России, над которой большевистское правительство довольно быстро и жестко устанавливало контроль, появиться достаточно полные сведения об армии и ее вождях. Больше писались о «бандах Корнилова».

² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 2. С. 76–77.

³ См.: Марковцы в боях и походах... Кн. 1. С. 76.

⁴ Там же. С. 102.

для задумавшихся, что от большевиков можно получить пулю в затылок. Ответ не удовлетворял, а предупреждению не верили¹. Действительно, в возможности гибели от большевиков многие офицеры не верили. Они полагали, что большевики не тронут тех, кто против них не выступит. «Русское офицерство, – писал американский исследователь П. Кенез, – ждало, когда буря гражданской войны пронесется над их головами»².

Думается, что с такой позицией ученого, конечно, с определенной долей условности, но можно согласиться. В пользу аргумента П. Кенеза говорит и то, что выжидательная позиция к событиям гражданской войны у многих офицеров проявлялась не только в период генезиса Добровольческой армии, но и на протяжении всего 1918 г. Так, генерал А.Н. Гришин-Алмазов, выступая на Яском совещании в конце 1918 г., рассказал о полковнике Бичихерове, который командовал партизанским отрядом в 7000 человек, воевавшим против турок в Закавказье и Дагестане. Бичихеров заявил: «Я офицер, в политике ничего не понимаю, преклоняюсь перед генералом Алексеевым, но в Добровольческую армию не вступаю, так как не хочу участвовать в гражданской войне»³.

Однако архивные документы свидетельствуют: те офицеры, кто хотел оказаться нейтральным в разгорающейся на просторах бывшей Российской империи Гражданской войне, жестоко ошиблись. Как только, например, Добровольческая армия ушла в I Кубанский («Ледяной») поход, в Ростов ворвались красные и «многих офицеров пришлось расстрелять»⁴. А.И. Деникин уточняет, что количество этих многих расстрелянных офицеров составило около 500 человек⁵. В Новочеркасске с 13 февраля по 14 апреля

¹ Там же. С. 64.

² *Kenez P. Civil War in South Russia. 1918. The First Year of Volunteer Army. Berkley, 1971. P. 71.*

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40307. Оп. 1. Д. 163. Л. 18–19.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 643. Л. 74.

⁵ *Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 2. С. 204.* Заметим, что избивание офицеров, о котором шла речь выше, началось до печально известного решения большевистского руководства о развертывании красного террора (см.: Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 226) и не менее печально известного партийного постановления о расказачивании (см.: Циркулярное секретное письмо о по-

1918 г. расстреляно более 500 человек, в том числе 14 генералов, 23 полковника и 292 кадровых офицера¹.

Нельзя обойти молчанием и того, что негативно сказались на притоке белых волонтеров в Добровольческую армию и политические игрища, которые велись вокруг ее формирования².

И как следствие вышеизложенного, получилась невероятная ситуация, о которой с болью вспоминал постфактум генерал Деникин: «Невозможность производства мобилизации даже на Дону привела к таким поразительным результатам: напор большевиков сдерживали несколько сот офицеров и детей – юнкеров, гимназистов, кадет, а панели и кафе Ростова и Новочеркаска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступившими в армию. После взятия Ростова большевистский советский комендант Калужный жаловался на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему в управление с заявлениями, “что они не были в Добровольческой армии”... Так было и в Новочеркасске³. Как выше отмечалось, большевики на такие заявления офицеров о непричастности к Добровольческой армии реагировали, мягко выражаясь, неадекватно...

Итак, обобщая, можно утверждать, что пассивность офицеров в деле записи в добровольцы имела ряд причин. Они не все однозначны, некоторые из них более значимые, но все они имели место: *усталость офицерства от моральных и физических потрясений революционного 1917 года, похоронившего русскую армию и одновременно изведшего офицерский корпус в положение маргиналов; отсутствие объективной и полной информации о зарождающемся Белом движении и Добровольческой армии; наивная вера, что большевики не тронут офицеров, если они не выступят против них с оружием в руках; сложности, связанные с поездкой на Дон для записи в Добровольческую армию; отсутствие приказа командования как юридического начала, могущего активизиро-*

литике по отношению к казачеству. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6), этих двух документов, узаконивших беззаконие и стимулировавших новую, небывалую дотоле волну насилия.

¹ См.: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. С. 60.

² См., напр.: Ипполитов Г.М., Казаков В.Г., Рыбников В.В. Белые волонтеры. Добровольческая армия: зарождение, расцвет и первые шаги к закату (1917 – февраль 1919 гг.). М., 2003.

³ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 2. С. 77.

вать офицеров в их стремлении влиться в ряды добровольцев; привязанность к семьям, испытывающим тяжелое материальное и моральное положение, что не позволяло офицерам убыть на Дон; просто малодушие, деградация отдельной части офицерства.

С.М. Исхаков

Борьба за Крым и татары (1917–1920 гг.)

В 1917–1920 гг. крымские татары, численность которых составляла, как указывалось в декларациях, обращенных к Парижской мирной конференции, около полумиллиона¹, оказались в Крыму одними из политически активных игроков. Эта их роль, как правило, сильно деформируется в историографии гражданской войны, охватившей и данную часть бывшей Российской империи. Цель данной статьи – обратить внимание на основные факты из политической истории Крыма этих лет и показать, какую роль при этом сыграли крымские татары и их лидеры.

После Февральской революции 1917 г. крымские татары первыми из всех российских мусульман провели съезд, чтобы определить свои цели. 25 марта 1917 г. в Симферополе состоялся Крымскотатарский курултай, на котором был избран Временный крымскомусульманский исполнительный комитет (ВКМИК). Его главой был избран Ч. Челебиев, который также был выбран муфтием – главой Таврического магометанского духовного правления. На курултае было решено требовать «национально-культурной автономии, как необходимого фактора свободного развития национального самосознания»². ВКМИК получил признание Временного правительства как единственного полномочного и законного административного органа, представляющего всех крымских татар. Установление советской власти в Центральной России не вызвало поддержки у лидеров крымских татар. В Киеве украинская Центральная рада в III универсале (7 ноября 1917 г.) провозгласила Украинскую Народную Республику (УНР), определив ее границы без Крымского полуострова.

¹ Гражданская война в России и мусульмане: сб. документов и материалов. М., 2014. С. 741, 782.

² Голос татар (Симферополь). 1917. 22 июля.

В Бахчисарае Крымскотатарский курултай заседал с 26 ноября по 13 декабря 1917 г., утвердил Конституцию Крымской Народной Республики (КНР) из 18 статей – «Крымскотатарские основные законы», избрал крымскотатарское правительство – директорию во главе с Челебиевым, а курултай из Учредительного собрания преобразовался в парламент. 13 декабря возникла КНР, главой которой стал Челебиев. Крымские татары осуществили свое право на самоопределение. Их конституция была первой в мусульманском мире. Она использовала принципы западноевропейской демократии и парламентаризма. В ней провозглашалась республика, признавалось равноправие всех народов Крыма. Между УНР и КНР налаживались отношения. В частности, было заключено военное соглашение, в результате которого в декабре 1917 г. крымскотатарские воинские формирования вели бои с большевиками вне Крыма, под Александровском, на территории УНР.

Под Севастополем в начале января 1918 г. произошли бои между матросами Черноморского флота и курултаевцами, в результате которых последние отступили. 12–13 января матросами был взят Бахчисарай. В Симферополе тем временем несколько дней шли заседания курултая. 11 января Симферопольский ВРК принял решение о вооруженном восстании в городе. В результате переговоров председателя этого комитета Ж. Миллера и председателя Крымскотатарского курултая С. Айвазова, которые состоялись в ночь на 12 января, ими было составлено воззвание к населению Крыма, с призывом прекратить вооруженную борьбу. Большевики обещали сохранить татарский парламент, татарские эскадроны, национальную автономию в обмен на лояльный нейтралитет в отношении советской власти и отказ от сотрудничества с «контрреволюцией»¹. Обещания эти на деле оказались всего лишь уловкой. 12 января рабочие подняли восстание, выполняя решения ревкома, между ними и курултаевцами 12–14 января произошли бои, в ходе которых татары были разбиты. Большевики 14 января свергли директорию², а 17 января распустили этот парламент³. 22–24 фев-

¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2008. С. 258.

² Сеитбекир Э. «...Мы достойны свободной и самостоятельной жизни» // Озенбашилы А.С. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы. Симферополь, 2007. С. 274.

³ Хаяли Р.И. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. Симферополь, 2008. С. 115.

раля в севастопольской тюрьме большевиками было расстреляно 600 человек, в том числе глава правительства КНР Челебиев. Находившийся тогда в Крыму известный русский писатель М.А. Волошин писал, что озверевшие матросы топтали под ногами правых местных татар на самостоятельность, подвергли огню их памятники и мечети, истязали, убивали лучших сыновей крымских мусульман, боровшихся за благо своего народа и свою родину¹.

В апреле – мае 1918 г. немецкие войска двинулись в Крым. Татарские формирования, получив известие об этом, спустились с гор, двинулись в их авангарде и выбили большевиков. После этого свою деятельность смогли возобновить курултай и директория. На заседании курултая 18 мая 1918 г. был утвержден документ, которым курултай объявлял себя временным крымским парламентом с правом формирования правительства, премьер-министром единогласно был избран Дж. Сейдамет. 5 июня курултай ушел на каникулы². В тот же день ситуация резко изменилась в связи с тем, что германское командование решило, что Крымское краевое правительство сформирует генерал-лейтенант М.А. Сулькевич, из литовских татар.

В свой кабинет Сулькевич ввел, в частности, министром иностранных дел Сейдамета, министром юстиции сенатора А. Ахматовича (литовского татарина), а затем еще двух литовских татар – военным министром и министром государственного имущества. Одной из срочных задач Сулькевич считал созыв крымского парламента и делал все для этого – издал ряд важных законов (о крымском гражданстве, о вакуфах и т.д.). По инициативе его правительства в Симферополе создается университет, начинается формирование вооруженных сил Крыма. Проводя частичную реорганизацию администрации и самоуправления Крыма, Сулькевич назначил на многие ответственные посты, в том числе руководителей пограничной охраны, комиссаров полиции, мусульман, среди которых значительный процент составляли польско-литовские татары³.

В Киеве с приходом к власти весной 1918 г. гетмана П.П. Скоропадского изменилась крымская политика, которая была нацелена на то, чтобы присоединить Крым к украинскому государству.

¹ См. подробнее: Гражданская война в России и мусульмане. С. 701.

² Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей... С. 104, 106, 107.

³ Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Казань, 2000. С. 144.

Киевские политики сначала попытались осуществить эту аннексию вооруженным путем, но, потерпев неудачу, перешли к дипломатическим переговорам. При этом, чтобы оказать нажим на правительство Сулькевича, Скоропадский заблокировал крымско-украинскую границу. Кроме того, представителю германского правительства был вручен меморандум о важном экономическом и стратегическом значении Крыма для Украины. В этой ситуации Сулькевич направил в Берлин Сейдамета, чтобы заручиться поддержкой германского правительства против намерений Скоропадского. Сейдамет вручил в Берлине соответствующий меморандум, после чего германское правительство потребовало от Скоропадского прекращения таможенной войны и урегулирования крымско-украинских отношений в ходе переговоров¹.

30 июля 1918 г. Сулькевич уведомил директорию, которая превратилась в орган национального самоуправления и распоряжалась вакуфным имуществом, о признании его правительством культурно-национальной автономии крымских татар². 1 сентября курултай возобновил свои заседания³. Всекрымский татарский съезд начался в Симферополе 26 октября (8 ноября)⁴. На 20 декабря был назначен созыв нового крымского краевого парламента⁵.

В ноябре произошла эвакуация из Крыма германских оккупационных властей, а 2 (15) ноября 1918 г. кабинет Сулькевича ушел в отставку, и приступило к деятельности второе Крымское краевое правительство во главе с кадетом С.С. Крымом. Оно опиралось на вступившие в Крым французские войска и войска А.И. Деникина, которые вошли в Крым осенью 1918 г. Курултай поставил одним из основных условий формирования новой власти – вхождение в состав краевого правительства 4 министров-мусульман в соответствии с процентным отношением татар к остальному населению Крыма. Причем премьер-министром должен был стать татарин. Но ввиду нежелания кадетов переговоры окончились разрывом: татары отказались от участия в правительстве⁶.

¹ *Kirimli Y. W odpowiedzi ukraińskim imperjalistom. Wilno, 1938. S. 7–9.*

² История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Симферополь, 2007. С. 300.

³ *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей... С. 125.*

⁴ Азербайджан. 1918. 8 декабря.

⁵ Известия ВЦИК. 1918. 13 ноября.

⁶ Азербайджан. 1919. 7 июня.

Участники пяти уездных съездов татар в декабре 1918 г. избрали депутатов в новый татарский парламент, поскольку срок полномочий I курултая, избранного в декабре 1917 г. сроком на один год, закончился. В январе 1919 г. в газете «Крым» был опубликован проект «Положения о культурно-национальной автономии мусульман Крыма», внесенный Дирекцией юстиции и принятый Парламентским бюро. В § 1 было сказано: «Мусульмане Крыма пользуются полной автономией во всех делах, связанных с их внутренним бытом и религиозными воззрениями». В § 3 указывалось, что для осуществления культурно-национальной автономии учреждается татарский национальный Меджлиси Мебусан (Парламент) и Национальная директория, являющаяся его исполнительным органом. Согласно проекту, курултай переставал быть постоянно действующим парламентом, сохраняя значение всемусульманского съезда Крыма¹.

В феврале 1919 г. завершились выборы во II курултай, который открылся 19 (или 20) февраля 1919 г. и заседал в течение трех недель². Его депутаты выразили белым благодарность за освобождение Крыма от большевиков³. Деникину запомнилось, что хотя на курултае и было высказано полное сочувствие идеям Добровольческой армии, но не проявлено никакой поддержки объявленной мобилизации⁴. Причина этого заключалась в антитатарской политике правительства во главе с С.С. Крымом⁵.

Весной 1919 г. в Крым вошла Красная армия и здесь была на короткое время установлена советская власть. ЦК РКП(б) поставил задачу вовлечения крымских татар в руководящие органы создаваемой Крымской советской республики. В ее правительство вошли пять крымских татар, в городах и селах были созданы комиссариаты по мусульманским делам. Совет обороны республики 12 июня постановил сформировать мусульманские войсковые части. По одним данным, большевикам удалось сформировать две турецко-татарские сотни и мусульманскую роту в 196 человек⁶.

¹ Вопросы развития Крыма. Вып. 3. Симферополь, 1996. С. 52, 55.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 33. Л. 6, 16.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 6. Д. 267. Л. 36.

⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3, т. 4, т. 5. М., 2006. С. 423.

⁵ Азербайджан. 1919. 7 июня, 19 ноября.

⁶ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей... С. 501–507.

Желающих воевать за красных было мало. Это связано с тем, что татарское население на южном побережье Крыма из-за проводимых при советской власти гонений на мулл, реквизиций хлеба и скота, грабежей, насилия, террора стало относиться к ней с враждой. Среди татар шли разговоры, чтобы поднять вооруженное восстание против большевиков¹. 25 июня деникинцы заняли Симферополь и прекратили деятельность директории, а все ее имущество передали Особой комиссии о вакуфах. Среди татар возникло возмущение тем, что белые решили восстановить муфтият², упраздненный после Февральской революции самими же татарами.

П.Н. Врангель в конце марта 1920 г. заменил Деникина, став главнокомандующим Вооруженных сил Юга России. Согласно одной точке зрения, Врангель официально обещал крымским татарам автономное управление, законопроект о татарской автономии был готов осенью 1920 г., предусматривая самоуправление в религиозной, культурно-просветительной и финансовых сферах, но автономии не успели провозгласить³. С другой точки зрения, Врангель якобы игнорировал автономистские требования крымских татар⁴. Выступая на первом заседании своего правительства 9 апреля 1920 г., Врангель поставил его членов в известность, что политику Деникина, проводившего под лозунгом единой России непримиримую борьбу со всеми населяющими российское государство нерусскими народами, он считает ошибочной и намерен стремиться к объединению всех антибольшевистских сил⁵. Важная роль при этом была отведена пропаганде, чтобы привлечь крымских татар на свою сторону, чтобы изменить настроение этой значительной и сплоченной группы населения Крыма. Первым делом при Врангеле было разрешено издание периодических изданий на крымскотатарском языке. Первый номер газеты «Крым мусульманлары» («Крым-

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39660. Оп. 1. Д. 29. Л. 59.

² Южные ведомости. 1919. 1 (14), 4 (17), 6 (19), 9 (22), 10 (23), 15 (28) августа.

³ Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 253.

⁴ Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение (июнь 1918 – ноябрь 1920) // Проблемы политической истории Крыма. Вып. 1. Симферополь, 1996. С. 21.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

ские мусульмане»), являющейся печатным органом Штаба армии Врангеля, вышел в Симферополе 14 апреля 1920 г. В этом номере было напечатано интервью с Врангелем. Касаясь национального вопроса, он сказал, что на запросы местных народов, в том числе татар, теперь обращено самое серьезное внимание¹.

На политику Врангеля в отношении татар оказали влияние сообщения европейской прессы о действиях председателя Крымскотатарского парламента Сейдамета, который направился в Европу в качестве представителя КНР. После окончания Парижской мирной конференции Сейдамет, находясь в Берне весной 1920 г. как полномочный представитель III Национального парламента татар Крыма, обратился к польскому послу в Швейцарии с просьбой довести до правительства Польши предложение крымских татар принять с одобрения Лиги наций мандат над Крымом².

Врангель отреагировал на эти известия следующим образом. Он инициировал проведение в Симферополе Всекрымского татарского съезда. На этом съезде, созванном 16 мая, в речах Врангеля и особенно начальника Гражданского управления Д.П. Перлика татарам, согласно распространенному в историографии подходу, было дано понять, что рассчитывать на какую бы то ни было автономию не приходится. Они обязаны были выполнять долг перед родиной – всячески поддерживать армию, выполнять военную и конскую повинность, а правительство в ответ готово было пойти навстречу удовлетворению их культурно-просветительских и некоторых экономических нужд. В религиозно-просветительской области им обещали самостоятельность и самоуправление. Но Врангель не торопился с реализацией своих обещаний, а глава его правительства А.В. Кривошеин отверг законопроект, предусматривавший религиозное самоуправление³. Но это не так.

Приехав 16 мая из Севастополя в Симферополь, чтобы участвовать в открытии съезда, который проходил в доме губернатора,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 1531. Л. 1, 2.

² Борьба (Тифлис). 1920. 22 июня; Rocznik Tatarski. T. I. Wilno, 1932. С. 287.

³ Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Крымскотатарское национальное движение... С. 21; Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Без победителей... С. 279; Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. 2003. № 1. С. 75.

Врангель, выступая перед его делегатами, в частности, сказал: «Стремясь пойти навстречу удовлетворению культурно-просветительных, духовно-религиозных и некоторых экономических нужд татарского населения, я наметил ряд мер и желал бы предварительно выслушать ваши соображения по вопросам, намеченным в программе съезда»¹. После съезда его администрация стала демонстрировать мусульманам свое уважение к их религии. В сфере культуры и образования татарского населения Крыма также начались заметные улучшения.

Между тем французское правительство решило признать правительство Врангеля, о чем и объявило официально в начале августа 1920 г. Находившийся в Европе Сейдамет, у которого были связи с французскими политиками, написал 21 августа 1920 г. письмо, где отметил, что французы, пойдя на такой шаг, полагали, что без серьезной поддержки крымских татар врангелевцы окажутся беспомощными при обороне Крыма от красных, и потому заявили Врангелю, что необходимо признать национально-культурную автономию крымских татар и их вооруженные силы². Соответствующее совещание началось в Симферополе 25 августа с целью разработки проекта татарского правительства, как сказано в заметке, опубликованной 26 августа 1920 г. в газете «Юг России». Его созвали для подготовки законопроекта автономии крымских татар. Такой документ был готов. Его суть сводилась к тому, чтобы татарам Крыма предоставить право самоуправления в религиозных, культурно-просветительных и финансовых вопросах, избирая с этой целью их руководящий орган. Представитель правительства заверил участников совещания, что проект в ближайшее время попадет в правительство и не позже чем через два месяца вступит в действие³.

Когда в сентябре 1920 г. татарская делегация посетила Врангеля, прося ускорить принятие закона о татарском самоуправлении, то он, как пишут некоторые историки, не отреагировал и до правительства законопроект не дошел⁴. Это не так. В проекте приказа

¹ Юг России. 1920. 17 мая; Таврический голос. 1920. 17 мая.

² *Yamauchi M.* The green crescent under the red star. Enver Pasha in Soviet Russia 1919–1922. Tokyo, 1991. P. 96–99.

³ Таврический голос. 1920. 1 сентября; Юг России. 1920. 1 сентября.

⁴ *Зарубин В.Г., Зарубин А.Г.* Без победителей... С. 279–280; *Зарубин В.Г.* Межнациональные отношения... С. 74, 75.

Врангеля, датированном 8 октября 1920 г., было сказано: «Идя на встречу чаяниям татарского населения в деле устройства тех сторон его духовно-религиозного и бытового уклада жизни, кои существенно отличают магометан от прочего местного населения, и признавая справедливым предоставить крымским татарам право самоуправления в области духовно-религиозной, культурно-просветительной и по заведыванию вакуфами, приказываю:

В изменение и дополнение действующих узаконений:

1) Ввести в действие прилагаемое Временное положение о самоуправлении крымских татар в области духовно-религиозной, культурно-просветительной и по заведыванию вакуфами.

2) Таврическое магометанское духовное правление... и Комиссию по упорядочению вакуфных в Крыму имуществ... упразднить, и дела названных учреждений передать органам самоуправления крымских татар.

3) Постановить, что в случае пресечения линии владельцев, имеющих право на частный вакуф... сей вакуф обращается в неприкосновенную собственность самоуправления крымских татар и доходы от него поступают в особый фонд при Управлении делами крымских татар наравне с доходами духовных вакуфов упраздненных мечетей¹. Предложенные законопроекты не были утверждены правительством к обещанному ранее сроку – началу ноября, что связано прежде всего с тем, что ситуация на фронте внезапно и резко ухудшилась для белых, и все внимание правительства Врангеля было сосредоточено на борьбе с наступавшими войсками красных.

Таким образом, в Крыму в течение 1917–1920 гг. крымскотатарский фактор превратился в третью силу, с которой и белые и красные вынуждены были считаться; этот фактор не был в полной мере оппозицией тому или иному режиму, но и не подчинялся той или иной власти полностью. Несмотря на то, что Крымскотатарский парламент работал в этот период непостоянно, периодически, его работа показала, что он способен был справиться со сложной задачей управления Крымом, а крымскотатарские руководители смогли доказать свою политическую и государственную компетентность, защищая, естественно, интересы всех крымчан.

¹ См.: *Исхаков С.М.* Мусульманская политика П.Н. Врангеля // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 203–213.

Провозглашение 13 декабря 1917 г. Крымской Народной Республики было делом крымских татар и их политиков и имело большое историческое значение. С таким фактом не могли не считаться и большевики, создав сначала Социалистическую Советскую Республику Тавриду (весной 1918 г.), затем Крымскую ССР (весной – летом 1919 г.), а в 1921 г. – Крымскую АССР.

Б.А. Старков

Советские и белогвардейские спецслужбы на завершающем этапе Гражданской войны

История советских и белогвардейских спецслужб в годы гражданской войны относится к малоисследованным страницам отечественной истории. Можно полностью согласиться с мнением В.И. Голдина, что в отечественной и зарубежной историографии, исследующей эту проблему «... многие вопросы лишь обозначены или являются предметом дискуссии»¹. Относительно других спецслужб сегодня лучше изучена деятельность органов ВЧК в организации противодействия силам внутренней контрреволюции. Поэтому в историческом сознании деятельность советских спецслужб во многом ассоциируется с историей чрезвычайных органов защиты революции. До известной степени это было оправдано тем, что ВЧК выполняла функции контрразведки и внешней разведки, политического и уголовного розыска, борьбы с коррупцией, организованной преступностью и преступлениями по должности. При этом малоисследованными оставались проблемы создания и деятельности органов советской военной разведки и контрразведки. Такой подход давал далеко неполное и до известной степени создавал неверное представление об истории спецслужб².

Между тем, отечественные спецслужбы в советский период истории формировались по трем основным видам деятельности, выполняя функции разведывательного, контрразведывательного

¹ См.: Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Архангельск, 2000. С. 168–182.

² История органов военной разведки и контрразведки в годы гражданской войны фактически не изучена. Она представлена лишь небольшим количеством статей, мемуарной и популярной литературой.

органа и политической полиции. Исключительно большое значение в их организационном оформлении имел завершающий этап гражданской войны в России, когда наметился переход к гражданскому миру. Это был период 1920–1921 гг., когда гражданская война в Советской России в основном закончилась. К этому времени советскими спецслужбами был уже накоплен определенный практический опыт и перед властью вставал вопрос о необходимости включения спецслужб в политическую структуру советской государственности не в качестве чрезвычайных органов защиты революции (ВЧК), а нормального органа советской власти, обеспечивающего государственную безопасность советской политической системы.

Во время гражданской войны на территории России, где была ликвидирована советская власть, создавались различные государственные образования. На Юге, Севере, Северо-Западе Европейской части России и Сибири были созданы белогвардейские властные структуры, просуществовавшие относительно длительный промежуток времени. Поэтому на завершающем этапе гражданской войны, одновременно с советскими спецслужбами, на той территории России, где у власти находились белые правительства, продолжали существовать правоохранительные органы, а также разведывательные и контрразведывательные службы белых правительств¹. Их возглавляли опытные специалисты разведки и контрразведки, политического и уголовного сыска. Противоборство советских и белогвардейских спецслужб на завершающем этапе гражданской войны во многом определило последующие отношения Советской России с российским зарубежьем.

Наконец, к этому времени заметно активизировалась деятельность спецслужб иностранных государств в России. Прежде всего,

¹ Эти проблемы получили освещение в работах В.Г. Бортневского, В.И. Голдина, А.Я. Малыгина, М.М. Степанова, В.Ж. Цветкова, В.П. Федюка и др. См., например: *Бортневский В.Г.* Разведка и контрразведка Белого Юга (1918–1920) // Бортневский В.Г. Избранные труды. СПб., 1999; *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: МГУ, 1993; *Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск, 2010; *Малыгин А.Я., Степанов М.М.* Правоохранительные органы белых правительств. М., 1999; *Федюк В.П.* Белое движение на юге России: дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995 и др.

это были разведывательные службы стран Антанты и лимитрофов, новых государств, возникших на границах с Россией. Опытные разведчики Сидней Рейли, Д. Хилл, Поль Дьюкс (Великобритания), Фо-Па-Биде, Маршан, Гренар (Франция), Ли Хай Чен (Япония) сумели внедриться в органы Советской власти и создать достаточно разветвленные агентурные сети и эффективные источники информации в Советской России. Антантовские спецслужбы, действовавшие в контакте с белой разведкой и контрразведкой, решали задачи не только борьбы с большевиками и советской властью, а действовали в собственных интересах. Зачастую они пытались установить контроль над белыми спецслужбами, чтобы заполучить их агентурную сеть и архивы. Представители разведки и контрразведки союзников нередко выступали как мастера политической интриги, сталкивая интересы различных составляющих антибольшевистского движения, раздувая локальные конфликты до межгосударственного уровня. Многие из них вели двойную игру, вступая одновременно в контакты как с советскими, так и с белогвардейскими спецслужбами.

Спецслужбы Латвии, Эстонии, Финляндии, Польши и Литвы создавались при помощи эмиссаров Антанты, а также представителей спецслужб царской России. Они обеспечивали участие воинских формирований этих стран в интервенции против советской республики. При этом эстонские, латышские, финские и польские войска пытались при случае аннексировать часть российской территории. Отношения с белогвардейскими формированиями были сложными. Правительства этих стран с олимпийским спокойствием наблюдали за тем, как советские войска громят армии Деникина и Юденича, поскольку последние не испытывали желания признавать независимость Прибалтийских республик, Финляндии и Польши.

В отечественной и зарубежной историографии эти и другие проблемы истории спецслужб в годы гражданской войны по-прежнему остаются вне исследовательского поля специалистов. Малоисследованной остается проблема эффективности деятельности советских и белогвардейских спецслужб в годы гражданской войны. Не менее интересной представляется проблема подлинных взаимоотношений союзников и белогвардейцев по линии разведки и контрразведки. Практически неисследованным остается вопрос о методах работы советских и белогвардейских спецслужб, их кадровый состав, а также роль и значение специалистов царской

России в становлении советской разведки и контрразведки. Документы, ставшие доступными отечественным историкам в последнее время, позволяют пересмотреть устоявшиеся точки зрения по этим вопросам¹.

К началу 1920 года гражданская война в России вступила в свой завершающий этап. Основные военные контингенты белой России, которыми командовали А.В. Колчак, А.И. Деникин, Н.Н. Юденич, Е.К. Миллер, потерпели поражение. Военные действия продолжались только в Сибири и на Юге, в районе Крымского полуострова, где обосновался П.Н. Врангель. Правительство РСФСР пыталось избежать военного столкновения с лимитрофами, признав в 1918 году их независимость. Однако попытка решить спорные вопросы мирным путем не удалась. Правительства этих стран считали, что с Россией, ослабленной мировой и гражданской войнами можно говорить на языке ультиматума. Советское политическое руководство, упоенное успехами в борьбе с внутренней контрреволюцией, рассчитывало на несокрушимую мощь Красной Армии и поддержку мирового пролетариата. В такой обстановке практически исключалась возможность решения спорных вопросов мирным путем. 25 апреля 1920 года началась советско-польская война, и 8 мая поляки уже захватили Киев. На борьбу с белополяками были брошены наиболее боеспособные части Южного и Юго-Западного фронтов. Этим сразу же воспользовались белогвардейские формирования Юга России. 6 июня части Русской Армии под командованием П.Н. Врангеля перешли в наступление из Крыма и в течение полумесяца овладели всей Северной Таврией. На Дальнем Востоке при поддержке японских воинских контингентов произошел государственный переворот, в результате которого Временное правительство Приморья было свергнуто и к власти пришло белогвардейское правительство во главе с братьями Меркуловыми. Так начинался заключительный этап гражданской войны в России, в котором спецслужбы сыграли особую роль.

В начале советско-польской войны советская контрразведка получила информацию о деятельности в Советской России разведывательной службы 2 отдела Генерального штаба Польши. В тылу

¹ Речь идет как об опубликованных документах, так и хранящихся в ведомственных архивах ФСБ РФ и СВР РФ, с которых снят гриф «Секретно».

Красной Армии активно действовали партизанские отряды, сформированные из поляков, проживающих на территории Украины, Белоруссии и Западных областей РСФСР, а также членов Военной организации правого крыла Польской партии социалистов «Польской организации войсковой» (ПОВ), непосредственным создателем и руководителем которой был Ю. Пилсудский. Во главе этих отрядов стояли офицеры 2-го отдела Польского Генерального штаба. Польские агенты проникли в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной армии, в Управление южных железных дорог, в другие штабы и военные учреждения. Так, командир красноармейских инструкторских курсов Триггар являлся руководителем нескольких польских диверсионных отрядов в районе Минск – Борисов. Только за один месяц с начала советско-польской войны они уничтожили около двадцати военных заводов и складов, нанесли серьезный урон железнодорожным коммуникациям в тылу Красной Армии. Один из помощников Триггара по белопартизанской линии служил в Минской ЧК. Своих людей поляки имели в особых отделах 15-й и 16-й армий¹. Главный резидент 2-го отдела Польского Генерального штаба находился в Москве. Им оказался политрук курсов броневых частей МВО Игнатий Добржинский (псевдоним Сверш). Его заместитель Виктор Стецкевич находился в Петрограде, где успешно внедрился в Центральную военную радиостанцию.

На борьбу с партизанскими диверсионными польскими отрядами были брошены специальные батальоны войск ВЧК. Их усилиями прифронтовая полоса была почти полностью очищена от повстанческо-партизанских отрядов. Особый отдел ВЧК сформировал несколько оперативно-чекистских групп во главе с особоуполномоченными ВЧК А.Х. Артузовым, Р.А. Пиляром, Я.С. Аграновым. За короткий срок чекисты смогли ликвидировать и деморализовать большое количество польской агентуры и членов ПОВ. Только в Киеве было арестовано более двухсот человек, среди них – тридцать руководящих работников Польской организации войсковой, были изъяты шпионские сведения о дислокации частей Красной Армии. В Одессе была ликвидирована организация ПОВ численностью более ста человек, поддерживающая связи со спец-

¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Н-1790. Т. 5. Л. 27.

службами Румынии и Врангеля. Филиалы ПОВ были выявлены и уничтожены на Украине, в Белоруссии, на территории РСФСР¹.

В ходе допросов арестованной агентуры удалось установить существование в Москве главного резидента ПОВ, носящего оперативный псевдоним «Сверщ». Затем на территории Белоруссии в Орше была обнаружена курьер московской резидентуры Мария Пиотух. Путем оперативного наблюдения за ней была установлена явочная квартира пилсудчиков в столице. Однако при попытке ареста «Сверщ» успел убежать через окно. Он успел предупредить своих людей и сам собирался покинуть Москву. К этому времени советские спецслужбы располагали информацией, что активную помощь членам ПОВ оказывают ксендзы. 25 июня 1920 года на московской квартире одного из них, Гриневского, попал в засаду неизвестный гражданин, который был убит в перестрелке. Им оказался служащий броневых частей МВО Гржимало, в бумагах которого значилась подлинная фамилия «Сверща» – Игнац Добржинский. В этот же день он был арестован на квартире своих знакомых. Нужно отметить, что при задержании молодые польские разведчики отстреливались и живыми, как правило, не сдавались. Во время операции по его задержанию Добржинский пытался застрелиться, но был схвачен за руку членом оперативной группы чекистом Ф.Я. Кариным, которого руководитель ИНО ОГПУ А.Х. Артузов в 1934 году аттестовывал как одного из лучших в первом десятке организаторов – разведчиков в СССР².

Игнатий Добржинский оказался «крепким орешком» для чекистов. Он работал в польской разведке не на материальной, а на идейной основе. Еще будучи гимназистом в Вильно в 1912 году, он принимал участие в социалистическом движении, в деятельности различных польских военизированных кружков и союзов, а затем установил связи с националистами. В 1918 году служил вольноопределяющим в корпусе Довбор-Мусницкого, где вступил в ПОВ. По заданию своего руководства руководил восстанием рабочих против немцев в Гродно и Сувалках, а после был резидентом разведгруппы «двуйки» в Восточной Пруссии и Литве. Его руководителем был капитан Матушевский, который с конца 1919 года

¹ См. подробнее: *Сафонов В.П.* Неизвестная тайная война или Особый отдел ВЧК против 2-го отдела Генштаба Польши // Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века – 1922 год. М.; В.Новгород, 1999.

² Там же. С. 111.

возглавил польскую военную разведку. Это по его настоянию молодой поручик Игнац Добржинский перешел на работу в разведку и после специальной подготовки был отправлен резидентом в Москву. Руководителям советских спецслужб потребовалось немало времени, чтобы убедить его в ошибочности прежних идеалов. Длительные разговоры и дискуссии вели с ним А.Х. Артузов, В.Р. Менжинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон. Под их влиянием он постепенно пришел к непростому для себя решению о сотрудничестве с советскими органами государственной безопасности. Сначала он принимал участие в пропагандистских кампаниях на Западном фронте, а затем включился в оперативную чекистскую работу и был зачислен в кадры ВЧК под фамилией Сосновский. Вместе с ним к сотрудничеству с советскими спецслужбами с его помощью были привлечены Юнона Синрер-Пшепилинская, Виктор Стецкевич, Карл Роллер, Мария Недзвяловская, Виктор Мрачевский (Витковский), Вацлав Табартровский (Гурский) и др.¹

При активном содействии этих людей была разгромлена и полностью деморализована деятельность ПОВ внутри Советской России. По неполным данным, по делам польского шпионажа ПОВ было арестовано 1385 человек. Из них 171 человек были приговорены к расстрелу, к заключению в концлагерь на различные сроки – 127, к заключению в концлагерь до обмена с Польшей – 123, к высылке – 89, освобождено – 852 человека. Внутри Польши деятельность ПОВ была в значительной степени дискредитирована². Советская разведка сообщала, что в штабах и частях поднялся переполох. Один из депутатов Сейма опубликовал статью, в которой поднимал вопрос о немедленной ликвидации ПОВ, как вредной для государства организации, члены которой предадут Польшу. Оперативные данные свидетельствовали, что активность ПОВ осенью 1920 года резко снизилась. Стали отмечаться случаи отказа выполнять шпионские задания, а задержанные агенты стали давать развернутые показания. Руководство Генерального Штаба поручило бывшему резиденту разведки в Смоленске Борейко выехать в Москву для ликвидации Сосновского³.

¹ Все они работали в органах государственной безопасности СССР и были репрессированы в 1937 году по делу «Польской организации войсковой». См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Н-1790. Т. 1–5.

² Там же. Т. 1.

³ Борейко был арестован оперативной группой чекистов на полпути к Москве. Вместе с ним была арестована Мария Пиотух.

Деятельность Сосновского в составе оперативной чекистской группы во главе с Артузовым позволила осуществить ряд успешных операций. В частности, ему вместе с Юноной Пшепилинской удалось внедриться в законспирированную организацию польской разведки в штабе Западного фронта, занять в ней лидирующее положение и, благодаря волевым качествам, предотвратить покушение на командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского. Однако руководство Особого отдела Западного фронта в лице его руководителя Ф.Д. Медведя продолжало с недоверием относиться к бывшему польскому разведчику и его коллегам. В ноябре 1920 года он изложил свои сомнения в письме председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому. В центральном аппарате с недоверием к Сосновскому продолжал относиться Р.А. Пиляр. Именно он вместе с Артузовым вел первые допросы «Сверща» и не смог добиться каких-либо результатов. По свидетельству Артузова, Пиляр категорически возражал против включения Сосновского в штат Особого отдела ВЧК и даже «имел по этому поводу столкновение с Дзержинским. Последний резко осудил Пиляра, который уехал на партработу в Верхнюю Силезию после этого»¹.

И.И. Сосновский быстро выдвинулся в число опытных оперативных работников. В 1921 году он блестяще провел оперативное проникновение в савинковские круги в Варшаве, принял непосредственное участие в раскрытии и ликвидации подпольных групп в Киеве, Житомире, Черкассах и Харькове. Он принимал участие в расследованиях по «Петроградской боевой организации» («заговор Таганцева»), «Западному областному комитету» в Гомеле, руководителем которого был Э.О. Опперпут. Именно Сосновский склонил его к сотрудничеству с чекистами. В дальнейшем Сосновский возглавил «белогвардейское» отделение Контрразведывательного отдела ОГПУ. Это отделение занималось организацией работы по борьбе с белогвардейским подпольем и террористическими группами.

Во время гражданской войны задачи внешней разведки выполняли сотрудники Иностранного отдела, который был выделен в качестве специального подразделения внутри Особого отдела ВЧК. Одновременно при Особых отделах фронтов, армий, флотов

¹ Об этом эпизоде в деле Сосновского А.Х. Артузов подробно писал в письме наркому внутренних дел Н.И. Ежову 22 марта 1937 года. См.: Лубянка 2. М., 1999. С. 179.

и в некоторых губерниях были созданы иностранные отделения. Его работники были высококвалифицированными специалистами, хорошо владеющие политической ситуацией в регионах пребывания, будь то территория белых правительств или капиталистические страны. Так, с началом советско-польской войны резидент Особого отдела ВЧК в Финляндии информировал свое руководство о расстановке политических сил и деятельности антибольшевистских организаций в стране. Особое внимание в его донесении уделялось миссии генерала Маннергейма в Берлин и Лондон, которая прямо связывалась с начавшимся наступлением польских армий¹.

Документы, перехваченные советской разведкой, указывали на усиливающуюся активность белогвардейских спецслужб, во главе которых стояли опытные специалисты. 19 мая 1920 года Военное управление Вооруженных сил на юге России командировало в Западную Европу начальника Разведывательного отдела Генерального штаба действительного тайного советника В.Г. Орлова «для выяснения постановки агентурного дела в военных агентствах, организации тайной противобольшевистской разведывательной сети за границей и связи ее с Генеральным штабом». В связи с этим начальник Военного управления Русской армии генерал Никольский направил строго секретное распоряжение русскому военному агенту в Италии, в котором говорилось о необходимости оказывать «непременное содействие Орлову для проникновения указанных им лиц в Советскую Россию»².

В.Г. Орлов принадлежал к числу талантливых организаторов отечественных спецслужб. Это был опытный разведчик и контрразведчик. Свою карьеру он начал еще до революции и к февралю 1917 года за активную и успешную работу был награжден орденами Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира. После Октябрьской революции по заданию генерала Алексеева прибыл в Петроград и перешел на нелегальное положение. По тщательно отработанной и закреплённой фальшивыми документами легенде сумел устроиться на советскую службу, и был назначен председателем

¹ См.: Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Книга первая. Исход. М., 1998. С. 70–75.

² Там же. С. 80. О разведывательной деятельности В.Г. Орлова см. там же: док. №№ 138, 150, 158, 164, 193, 241 и др.

одной из следственных комиссий по уголовным делам. Действовал под псевдонимом Болеслав Орлинский. К июлю 1918 года он уже возглавлял Центральную следственную комиссию в Петрограде. Именно он организовал отправку на Север к англичанам и в Добровольческую армию бывших офицеров царской армии. По свидетельству генерала фон Лампе, услугами Орлова воспользовались около тысячи офицеров, часть из которых была освобождена им из подвалов Петроградской ЧК и ревтрибунала. После раскрытия роли Орлова большевиками в сентябре 1918 года он вынужден был бежать в Финляндию. В 1919 году оказался в Добровольческой армии в должности начальника контрразведки в Одессе и руководителя Особого отдела в штабе генерала Врангеля. По заданию штаба Орлов организует разведывательную работу в Польше и Прибалтийских государствах, а с 1921 года в Германии¹.

На завершающем этапе гражданской войны значительно активизировалась деятельность различных по политической ориентации тайных контрреволюционных организаций. Они действовали как внутри Советской России, так и за ее пределами. Среди них первостепенное место занимали «Народный союз защиты Родины и свободы», возглавляемый Б.В. Савинковым, и «Союз верных» во главе с Н.Е. Марковым 2-м. Белогвардейские спецслужбы принимали активное участие в их деятельности, оказывая помощь в организации разведывательной и контрразведывательной деятельности. Их представители входили в состав руководящих органов этих союзов и зачастую являлись их фактическими руководителями.

Так, в 1920 году активизировал свою деятельность «Союз верных». Это была монархическая организация, имевшая своей целью «восстановление законной монархии в России». Она работала в тесном контакте со спецслужбами белогвардейских формирований и ставила главной задачей проникновение в Красную Армию.

¹ Дальнейшая судьба этого незаурядного человека сложилась трагически. В эмиграции В.Г. Орлов продолжал непримиримую борьбу с большевизмом и III Интернационалом. В середине 20-х годов в Берлине он создал фабрику подложных документов Коминтерна, советских и партийных органов, а также различных спецслужб, был разоблачен и состоялся громкий судебный процесс. После процесса Орлов переехал во Францию и проживал в Париже. В 1940 году был арестован гестапо и расстрелян. См.: *Орлов В.Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998.

Это была строго засекреченная, конспиративная организация, члены которой приносили присягу. Непосредственное руководство всеми делами осуществлял «Тайный верх». В него входили Марков 2-й, князь Ширинский-Шихматов, сенатор А.А. Римский-Корсаков, В.П. Баранский (Соколов), П.Н. Краснов, генерал В.Н. Гурко. Открыто, как правило, «Союз верных» не выступал, влияя на политические события тайно, через своих многочисленных членов. Так, в 1918 году союз содействовал становлению гетманства П.П. Скоропадского на Украине и организации борьбы последнего с С.В. Петлюрой.

В начале 1919 года «Союз верных» сформировал воинские части для похода на Москву и одновременно принял активное участие в создании Северо-Западной армии. Он поддерживал генерала Н.Н. Юденича, который уже давно состоял в руководстве «Союза». К 1920 году «Союз верных» располагал разветвленной сетью своих ячеек по всей Европе, а также внутри России. Во время советско-польской войны «Союз верных» занял крайне отрицательную позицию к попыткам сформировать белогвардейские войсковые части для совместных действий с белополяками. Руководство Союза считало, что «такие формирования – авантюра, обреченная на полную неудачу, а кроме того, стояло на той точке зрения, что Польша должна быть уничтожена и большевики делают национальное дело». «Союз верных» активно поддерживал Врангеля и охотно сотрудничал с его спецслужбами. Основная ставка в захвате власти в России делалась на работу в Красной Армии, которая должна была осуществить военный переворот, возглавляемый внедренными в нее членами «Союза верных». Таким образом, монархисты продолжали оставаться активной политической силой, способной к решительным действиям как внутри Советской России, так и за ее пределами¹.

«Народный Союз Защиты Родины и Свободы» начал свою активную деятельность еще в 1918 году в Москве как «Союз защиты Родины и свободы». В то время это была военная подпольная организация, образованная в феврале – марте 1918 года в Москве Б.В. Савинковым. Отделения СЗРС существовали по всей территории России. Его члены принимали активное участие в органи-

¹ Подробные сведения о «Союзе верных» см.: Русская военная эмиграция. Док. №№ 31, 32, 33, а также в фондах РОБС (5826), В.В. Шульгина (5974) и других, хранящихся в ГАРФ.

зации первых белогвардейских выступлений в Рыбинске, Муроме и Ярославле. После арестов членов СЗРС его деятельность прекратилась, и Савинков возглавил «Русский политический комитет», который позднее был реорганизован в «Русский эвакуационный комитет». С 1920 года его руководство во главе с Б.В. Савинковым находилось на территории Польши и финансировалось 2 отделом Польского Генерального штаба и французской военной миссией. Его воинские соединения, получившие название «Русская народная армия», под командованием Булак-Балаховича и Перемыкина принимали участие в советско-польской войне в составе польской армии, а также вели активную партизанскую войну в тылу Красной Армии.

В январе 1921 года на этой основе и был создан «Народный Союз защиты Родины и Свободы». Материальную поддержку этому союзу оказывало правительство Ю. Пилсудского, а также спецслужбы Англии, Франции, Италии и США. Б.В. Савинков был лично знаком со многими руководителями антантовских спецслужб. На территории РСФСР и Белоруссии руководство НЗРС создало ряд областных комитетов, которые в свою очередь организовали губернские, уездные, городские и волостные комитеты и ячейки в учреждениях, на предприятиях, в деревнях, в частях и штабах Красной Армии. Его члены занимались подготовкой антисоветских мятежей, совершали вооруженные налеты на населенные пункты, убийства советских и партийных работников на территории Витебской, Минской, Псковской и других областей. Б.В. Савинков делал ставку в борьбе с советской властью на крестьянство. «Пока вооруженная борьба с большевиками не будет опираться на крестьянские массы... большевизм не может быть побежден в России»¹, – писал он. Крестьянские восстания начала 20-х годов полностью подтвердили правоту такого утверждения.

В отечественной историографии сложился определенный стереотип в трактовке отношений спецслужб белогвардейских правительств со спецслужбами капиталистических государств. Как правило, их отношения трактуются однозначно в плане взаимодействия и полной поддержки. Однако, документы, ставшие доступными отечественным историкам, позволяют утверждать, что эти отношения были отнюдь не идиллическими. Так, материалы

¹ См.: Русская военная эмиграция. Т. 2. Док. №№ 196–235.

французской контрразведки свидетельствуют о глубоком недоверии союзников к деятельности русских спецслужб в составе Верховного штаба Антанты¹.

В мае 1919 года Управление Генерал-Квартирмейстера Штаба Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России подготовило обширный по объему документ с грифом «Совершенно секретно», озаглавленный «Очерк взаимоотношений вооруженных сил Юга России и представителей Французского командования». В нем говорилось о серьезных противодействиях союзников в военных вопросах, в материальном снабжении Добровольческой армии со складов Русской Армии. Представители Российских спецслужб установили, что «французы разделили сферы влияния и снабжения между собой и англичанами»². Показательно, что такая практика продолжалась и позднее в отношении врангелевских частей, покинувших Крым. Об этом, в частности, подробно писал в книге «Миссия русской эмиграции» М. Назаров, бывший, по его признанию, до эмиграции «одним из обычных антисоветчиков-нигилистов»³.

Вместе с тем, определенный интерес представляют следующие факты. В 1918 году колчаковскими органами контрразведки в Благовещенске был арестован известный российский разведчик и контрразведчик А.Н. Луцкий. Это был крупнейший специалист «по японским делам» в отечественных спецслужбах, перешедший на сторону Советской власти. Весной 1918 года при его прямом участии советскими спецслужбами была ликвидирована фактически вся японская разведывательная сеть в Сибири и на Дальнем Востоке. В руки советских контрразведчиков попала информация о тайных планах Токио в отношении Дальнего Востока. А.Н. Луцкий хорошо знал многих сотрудников японских спецслужб и был лично знаком с их руководителем, харбинским консулом господином Сато. Очевидно поэтому в 1919 году командование японских войск в Сибири и на Дальнем Востоке в ультимативной форме потребовало от колчаковского правительства выдачи Луцкого оккупационным властям. Однако белогвардейские спецслужбы сделали все, чтобы надежно спрятать его от японцев в... тюрьмах Благовещенска, а затем Харбина. Когда же японцам, наконец, уда-

¹ См. подробнее: Граф Павел Игнатьев. Моя миссия в Париже. М., 1999.

² См.: Архив русской революции. Т. XVI. Берлин, 1925.

³ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.

лось установить его местонахождение, местное отделение контрразведки организовало Луцкому побег и обеспечило переход на нелегальное положение. На завершающем этапе гражданской войны он неожиданно оказался на военной работе во Временном правительстве Приморья и стал заниматься вопросами разведки и контрразведки. В ночь на 5 апреля 1920 года японские солдаты произвели государственный переворот во Владивостоке. В помещении военного совета были арестованы А.Н. Луцкий, С.Г. Лазо и В.М. Сибирцев. Допросы арестованных продолжались фактически ежедневно больше месяца. Протоколы их неизвестны ни отечественным, ни японским историкам. Вполне возможно, что они хранятся в японских военных архивах. Также неизвестны последние минуты его жизни. По существующей версии все трое были спешно вывезены из Владивостока и в мае 1920 года казнены карателями атамана Бочкарева в городе Усурийске¹.

Советские спецслужбы придавали большое значение информации о характере взаимоотношений лидеров белого движения и их союзниками. В начале сентября 1920 года бывший обер-офицер для поручений при генерале Шатилове поручик Зерен, перешедший на сторону Советской власти, подготовил подробный доклад о характере взаимоотношений держав Антанты с лидерами белого движения А.В. Колчаком, А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем. Основу этого доклада составили архивные и оперативные документы Особого Отдела Генштаба Военного Управления ВСЮР. Особое место среди них занимали сведения осведомителей в английской и французской военных миссий, донесения Агенмор в Константинополе и Париже².

Завершающий этап гражданской войны, война с Польшей в начале 1920 года, разгром Врангеля на Южном фронте, сложный комплекс взаимоотношений с западноевропейскими странами, Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией остро поставили вопрос о необходимости информационного обеспечения политического руководства страны для принятия ответственных решений. Это особо подтвердили результаты польской кампании. Поражение в войне заставило советское руководство уделить спецслужбам, и в первую очередь разведке, особое внимание. В сентябре

¹ См. подробнее: *Старков Б.А.* Трагедия советской военной разведки // Я был агентом Сталина. М., 1980.

² Русская военная эмиграция. Т. 1. С. 145–158.

1920 года Политбюро приняло решение о ее реорганизации. В нем, в частности говорилось: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую»¹.

Для разработки конкретных мер была создана специальная комиссия Политбюро, в которую вошли И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский и др. Результатом работы этой комиссии явилась появившаяся 20 декабря 1920 года приказа № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК. Первым руководителем ИНО стал заведующий отделом Прибалтийских стран и Польши Народного Комиссариата по Иностранным Делах (НКВД) Я.Х. Давтян (Давыдов), откомандированный в распоряжение Дзержинского решением Оргбюро ЦК РКП(б)².

Завершающий этап гражданской войны стал особым этапом в становлении советских спецслужб. Именно тогда на Западном фронте чекисты начали поиск новых форм и методов работы, делая основной упор на агентурно-оперативную работу, определяя задачи информационно осведомительным службам и объектам оперативного обслуживания. В это время удалось на короткий срок добиться четкой координации и взаимодействия разведывательной и контрразведывательной работы советских спецслужб.

Вместе с тем, было бы ошибочным считать, что начался отказ от террора, института заложников и массовых расстрелов. Этого не произошло. Сторонники массовых операций, действующих по силовым методам «кошелькового невода» и принципу «на сто невиновных хоть один да виновный», оставались и в составе руководства спецслужб и среди рядовых исполнителей. Это во многом обусловило как столкновение противников и сторонников силовых методов в аппарате ОГПУ в начале 30-х годов, так и трагические страницы истории советского общества в 20–30-е годы.

На завершающем этапе гражданской войны в работу советских спецслужб включились многие представители старого государст-

¹ Архив Президента РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. С. 3–4.

² Очерки истории российской внешней разведки. М., 1996. С. 44–45.

венного аппарата, опытейшие разведчики и контрразведчики, которые согласились поставить на службу новой государственности свои незаурядные способности, помогая разоблачать заговоры, раскрывать планы новой интервенции и оккупации российских земель. Побудительным мотивом большинства из них был патриотизм и глубокое понимание того, что рано или поздно новая власть неизбежно осознает преемственность геополитических интересов России, необходимость защиты ее суверенитета. Усилия этих людей помогли успешно противодействовать усилиям антибольшевистских и зарубежных спецслужб.

Очевидно, утверждение, что создание полной, завершенной истории спецслужб невозможно, имеет основания. Закрытость значительной части документов, ведомственная корпоративность создают серьезные преграды на пути исторической истины. Эта тема требует вдумчивого отношения к источникам, кропотливой и не всегда благодарной поисковой работы в архивах, объективного научного подхода и взвешенной политической оценки.

С.А. Пилипенко

К вопросу о методах ведения боевых действий и укрепления морального духа красноармейцев в начальном периоде Гражданской войны (1917–1918 гг.)

В войне вооруженное противоборство всегда первично. Однако, наряду с ним особое место всегда занимало духовное состояние войск. Ф. Энгельс писал: «Для правильной оценки боевой способности армии, кроме учета качества и вооружения, количества и стойкости войск, необходимо представление о ее моральном состоянии»¹. Одним из самых сложных и малоизученных является период нашей истории между захватом власти большевиками и образованием фронтов полевой гражданской войны. Этот период интересен тем, что в стране было две армии, подчинённых правительству, одна из которых продолжала участвовать в мировой войне и поставляла личный состав для формирования РККА.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 31. М., 1963. С. 266.

Состояние старой армии находящейся на позициях мировой войны подробно описано в отчёте штаба Западного фронта 13 апреля 1918 года. К этому времени боев не было, части занимали свои участки, приток снабжения фронта как продовольствием, так и фуражом прекратился, а усталые и ожидавшие скорого окончания войны части требовали смены. В начале декабря 1917 г. началась фактическая демобилизация фронта. Последовало распоряжение о сокращении тыловых учреждений и постепенно началась эвакуация тяжелой артиллерии в глубокий тыл, на Волгу. Затем, в связи с начавшейся гражданской войной на внутренних фронтах, штабу армий Западного фронта было предъявлено требование об отправке на эти фронты крепких частей пехоты и артиллерии и в течение декабря 1917 г. и в начале января 1918 г. со всего Западного фронта было отозвано и отправлено на внутренние фронты около 15 полков пехоты и трех артиллерийских бригад. Весь декабрь 1917 г. знаменовал собою надвигающийся голод на фронте, усталость войсковых частей, самовольный уход некоторых из них с позиций в тыл, сильное разрушение фронта. В начале января 1918 г. выяснилась полная абсолютная небоеспособность фронта. Сибирский стрелковый полк, стоящий в г. Минске, потерял свое имущество потому, что таковое было разграблено своими же, впоследствии разбежавшимися солдатами¹.

Из вышесказанного можно сделать однозначный вывод: оставить немцев было некому, разложенная Временным правительством армия не могла продолжать войну. Новая власть и не хотела её продолжать из соображений самосохранения, но не отказывалась от идеи превращения империалистической войны в революционную. Фронтные части были нужны для подавления внутренней контрреволюции.

В этот период Советская власть не обладала достаточно надежными вооруженными структурами. Части старой армии были ненадёжны политически, а отряды красной гвардии слабы в боевом отношении. В таких условиях Совет Народных Комиссаров 25 ноября (8 декабря) 1917 г. принимает обращение «Ко всему населению» о борьбе с контрреволюционными восстаниями Каледина и Дутова². В обращении указывается, что Советы придерживают-

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 185. Л. 1–6.

² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 154–155.

ся линии на прекращение войны и открыли переговоры с целью обеспечить мир. Однако враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казацкие генералы пытаются сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Таким образом, населению объясняется, что за право владеть землёй и не участвовать в империалистической войне необходимо бороться и защищать Советскую власть. Кроме того, делается попытка склонить на сторону защиты Советской власти казацкие низы, разорвав их моральное единство с войсковой верхушкой. В обращении указывается, что всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти.

Признавая слабость центрального военного руководства, СНК предписывает, что местный революционный гарнизон обязан действовать решительно, не дожидаясь указаний сверху. Однако и местным властям не доверяют. Указывается, что переговоры с вождями восстания воспрещаются, а содействие контрреволюционерам будет караться по всей тяжести революционных законов¹.

Мятеж Каледина был, в конечном итоге, подавлен. Причем, не столько в силу того, что вооруженные формирования большевистского политического режима, привлеченные для борьбы с контрреволюцией, показали высокие морально-боевые и психологические качества, а больше в той связи, что казацкие части, подчиненные Донскому атаману, разложились под влиянием революционных событий в стране и стали де-факто легкой добычей противника².

Основные принципы деятельности высших органов Советской власти по укреплению морального духа войск просматриваются уже в Декрете Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!» изданном в целях мобилизации народа на отражение агрессии Германии. В нем вменяется в обязанность Советам и революционным организациям защищать каждую позицию до последней капли крови; рабочие и крестьяне должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специа-

¹ Там же. С. 154–155.

² Более подробно см.: *Волин В.* Дон и Добровольческая армия. Очерки недавнего прошлого. Ростов н/Д., 1919.

листов; сопротивляющихся работам представителей буржуазного класса – расстреливать; издания, противодействующие делу революционной обороны закрываются; неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления¹.

В условиях отсутствия системы укрепления морального духа некоторые из малобоеспособных, недисциплинированных, быстро подвергавшихся разложению отрядов приходилось разоружать и заменять другими частями. Так, при развитии наступления на юг у ст. Иловайской в колонне Сиверса два полка отказались повиноваться и были разоружены. Отряд Сиверса возобновил свое наступление 3 февраля 1918 г., будучи усилен вновь прибывшими из центра революционными отрядами и мощным бронепоездом с морскими орудиями².

Силы революции и контрреволюции находились в стадии организации и не были еще отобилизованы для большой Гражданской войны. Вооруженные силы революции в этот период состоят из красногвардейских отрядов, составленных из рабочих и добровольцев – солдат старой армии и отдельных большевистски настроенных и сохранивших свою боеготовность в общем развале фронта мировой войны частей старой армии. По своей военной подготовке красногвардейские части значительно уступали отрядам, вышедшим из недр старой армии, но недостаточность их подготовки компенсировалась политическим сознанием пролетария-красногвардейца.

В приказе Высшего военного совета № 1301 от 4 мая 1918 г. «Об усилении войск за счет частей, отступивших с Украины» сказано, что части, действовавшие на Украине и перешедшие в Курскую или Орловскую губернии, если ненадежны, подлежат разоружению и расформированию, если надежны, то могут быть взяты на усиление Курского или Брянского отрядов, по усмотрению военных руководителей этих отрядов³.

Командование СКВО 8 июня 1918 г., проанализировав состояние починенных им войск, доложило в Высший военный совет следующие оценки: командный состав, за малым исключением, совершенно не подготовлен к исполнению своих обязанностей;

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1974. С. 357–358.

² Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. М., 2004.

³ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–13. Телеграфная лента.

боевые приказы в некоторых случаях выполняются «по соглашению», то есть после обсуждения их на митингах¹.

Характерно, что в такой сложной обстановке у командования красных появляется тенденция подкреплять агитационную работу, то есть разъяснение лозунгов, конкретными организаторскими мероприятиями. Например, в упомянутом выше докладе в целях повышения морального духа войск были предложены следующие меры: *произвести переприем всех красноармейцев на службу, предупредив, что лица с низкими нравственными качествами будут «неминуемо уволены» в случае «неисправления поведения»; определить четкие нормы довольствия военнослужащих, категорически запретить выдачу жалованья за «непротраченное время»; с большой осторожностью подходить даже к тем командирам, которые соответствуют занимаемой должности, «дабы не внести ненужное смятение в существующие части и тем самым, еще до создания настоящих войск, лишиться имеющихся»*².

Одним из выводов организационного порядка, который сделала советская власть при своем первом столкновении с вооруженными силами внешней контрреволюции, явилось осознание необходимости располагать хорошо организованной, регулярной вооруженной силой. Реалии боевых действий определили основные направления решения задачи – привлечение военных специалистов в руководство армией и рабочих в боевые части.

В этих условиях было принято решение о расширении полномочий военных специалистов. Так, в Указании Высшего Военного Совета местным советам Донской и Кубанской областей «Об организации отпора германским оккупантам» № 1607 от 14 мая 1918 г. сказано что, общее руководство организацией обороны вверяется генерального штаба Снесареву, назначенному вместе с тем военным руководителем Северо-Кавказского военного комиссариата по военным делам. Все боевые распоряжения военрука Снесарева подлежат безусловному и немедленному исполнению. Все местные власти работая в полном контакте между собою, приложат все усилия к облегчению разрешения сложнейшей задачи, возложенной на военрука Снесарева, собирая, устраивая на местах рассеян-

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 90. Л. 79.

² Там же. Л. 81.

ные или еще не организованные отряды и направляя их в районы, по указанию военного руководителя¹.

Следовательно, агрессивные действия Германии помогли привлечь военных специалистов в Красную армию.

Важное направление деятельности красного командования по укреплению морального духа войск – агитационно-пропагандистское разъяснение лозунгов борьбы с контрреволюцией, адаптированное к условиям «партизанщины». Здесь важно было опереться на «партизанские авторитеты». Приходилось закрывать глаза на бесчинства по отношению к местному населению. Одним из таких авторитетных «народных героев» был К.Е. Ворошилов. В Царицыне приведенные им силы положили начало возникновению 10-й армии².

Силы красного Восточного фронта постепенно переходили от случайной организации к началам правильной войсковой организации, причем впереди в этом отношении шла 1-я красная армия, действовавшая на Симбирском направлении и находившаяся под командованием М.Н. Тухачевского. Боеспособностью отличалась 3-я красная армия на Пермско-Екатеринбургском направлении, состоявшая под командованием Берзина. Она состояла, главным образом, из рабочих местных заводов – высокосоциального элемента, нуждавшегося только в военной выучке³.

В целях подавления мятежа польского корпуса старой армии Верховный главнокомандующий Н. Крыленко 22 января 1918 года издал приказ: «прекратить отпуск довольствия приставшим к контрреволюционному командному составу и поднявшимся на защиту польских помещиков войскам. Всех офицеров, взятых с оружием в руках, приказываю немедленно на месте предавать революционному суду и действовать по отношению к ним без пощады, а в случае сопротивления расстреливать без суда. Крестьянам Могилевской губернии предлагаю расправляться с насильниками по... своему усмотрению»⁴.

В этом приказе ещё до начала масштабной гражданской войны были определены методы подавления сопротивления противника

¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 16. Л. 290.

² Более подробно см., например: *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Директивы командования фронтов Красной Армии. М., 1969. С. 16.

и укрепления дисциплины в своих войсках: расстреливать без суда, расправляться с насильниками по своему усмотрению.

Учитывая вышесказанное не вызывает удивления телеграмма В.И. Ленина чрезвычайному комиссару Петрозаводска: «Вам вменяется в обязанность:

1. Принять все меры к радикальному разрушению железнодорожного пути на возможно значительном расстоянии.

2. Иностранцев, прямо или косвенно содействующих грабительскому походу англо-французских империалистов, арестовывать, при сопротивлении – расстреливать.

3. Граждан Советской республики, оказывающих прямое или косвенное содействие империалистскому грабежу, – расстреливать»¹.

В условиях крайнего ожесточения боевые действия часто велись методом «выжженной земли». Так, в Указании Высшего военного совета командующему Северо-восточным участком завесы сказано: «Принимая во внимание возможность продвижения противника от Архангельска на Вологду по железной дороге и вдоль нее, надлежит принять меры основательной подготовки полного уничтожения полотна в любой нужный момент так, чтобы не было возможности не только быстро починить его для движения поездов, но и чтобы не было возможности двигаться по полотну походным порядком»².

Не жалели не только железную дорогу. Обращает на себя внимание секретная зашифрованная телеграмма Ленина Троцкому: «Удивлен и встревожен замедлением операции против Казани, особенно если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце»³.

Особый вклад в создание системы укрепления морального духа войск внёс председатель РВСР Л.Д. Троцкий, который исходил из того, что должно доминировать решительное применение репрессий, а точнее смертной казни, которая призвана обострить у бойцов чувство страха за свою жизнь и, соответственно, повысить их осознанное отношение к выполнению воинского долга.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 116–117.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 178.

Сердцевиной такой позиции можно считать следующее его высказывание: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади»¹. Характерно, что Л.Д. Троцкий не стесняется своей позиции, не желает казаться перед потомками лучше, чем он был. Иначе он приведенную выше цитату из его воспоминаний обязательно отретушировал бы. Убрал хотя бы сентенцию «злые бесхвостые обезьяны».

Позиция Л.Д. Троцкого по поводу репрессий была сформулирована в телеграмме «Казань. Реввоенсовет. Раскольникову»: «... При сомнительных командирах поставьте твердых комиссаров с револьверами в руках. Поставьте начальников перед выбором: победа или смерть. Не спускать глаз с ненадежных командиров. За дезертирство лица командного состава комиссар отвечает головой...»². Почти одновременно с телеграммой Ф. Раскольникову идет депеша и в Москву, В.И. Ленину. Докладывая о причинах казанской катастрофы, Л.Д. Троцкий требует среди различных мер и такую: «...Отсутствие револьверов создает на фронте невозможное положение. Поддерживать дисциплину, не имея револьверов, нет возможностей... Без револьверов воевать нельзя...»³. Характерно, что в своих концептуальных построениях Л.Д. Троцкий отверг все обвинения в жестокости репрессий. Он полагал, что единственный порок был бы непростительным для русской революции в 1918 г. – это «милосердие, мягкосердие по отношению к классовым врагам»⁴. Председатель РВСР нашел и четкое обоснование такой жесткой позиции: «Мы боремся во имя величайшего блага человечества, во имя возрождения всего рода человеческого, во имя его освобождения от гнета, от темноты, от рабства. И все, что стоит на пути, должно быть сметено...»⁵.

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 401.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 11. Л. 229.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 7. Л. 11.

⁴ Троцкий Л.Д. Значение взятия Казани // Троцкий Л.Д. Соч. М.-Л., 1926. Т. 17. Ч. 1. С. 526.

⁵ Там же. С. 527.

Троцкий неоднократно обращался в ЦК РКП (б) с предложением о создании заградительных отрядов. Идею председателя Реввоенсовета Республики, в конечном счете, реализовали¹.

По приговору ревтрибунала 5-й армии в соответствии с указанием Троцкого 29 августа 1918 года под Свияжском был применён принцип децимации, то есть казни каждого десятого. Было расстреляно 20 человек². Причем, что представляется небезынтересным для понимания концепции морального духа Красной армии и проблемы его укрепления в большевистском измерении, Л.Д. Троцкий видел в репрессиях одну из форм воспитания личного состава, о чем он прямо говорил, например, в телеграмме Реввоенсовету Западного фронта в 1919 году: «Репрессии должны следовать немедленно за нарушение дисциплины, ибо репрессии имеют не самодовлеющее значение, а преследуют воспитательные, боевые задачи»³.

Председатель РВСР Троцкий в приказе № 130 от 2 декабря 1918 года потребовал, чтобы условно осужденных дезертиров, возвращенных в части одевали в воротнички чёрного цвета, чтобы они и окружающие знали, что второго снисхождения не будет⁴.

Представляется небезынтересным, что Л.Д. Троцкий считал нормой брать заложников. Начальникам штабов военных округов было разослано следующее предписание: «По приказанию Председателя Революционного Военного Совета Республики тов. Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах советской России, и сообщение каждому под личную расписку – его измена повлечет арест семьи его, и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи... Все начальники обязываются всегда иметь адреса своих подчиненных бывших офицеров и чиновников и их семей»⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 79. Л. 65.

² Реввоенсовет Республики. М., 1991. С. 48.

³ Цит. по: *Волкогонов Д.А.* Троцкий. Политический портрет. Кн. 1. М., 1997. С. 286.

⁴ *Овечкин В.В.* Дезертирство из Красной армии в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 109–110.

⁵ *Критский М.* Красная армия на Южном фронте // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 270–271.

Совет обороны 31 мая 1919 года принимает постановление о мобилизации советских служащих, в котором сказано, что они отвечают по круговой поруке друг за друга, а их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону противника или дезертирства¹.

Характерно, что позиция Л.Д. Троцкого как яркого поборника репрессий в деле укрепления морального духа бойцов и командиров Красной армии, не прошла незамеченной в стане белых. Так, Главкому ВСЮР генерал-лейтенанту А.И. Деникину, его специальные службы докладывали о том, что по приказу Троцкого красноармейцы-мародеры, грабители, насильники беспощадно расстреливаются на месте преступления². Кроме того, Л.Д. Троцкий был специально предупрежден ЦК РКП (б) о недопустимости чрезмерной жестокости в деле борьбы за крепкую воинскую дисциплину, правопорядок в войсках, повышение их морально-психологической устойчивости³.

Можно сделать вывод, что в годы Гражданской войны политические лидеры Советской России применяли разнообразные методы укрепления морального духа вооруженных формирований, но жесткие репрессии считали самым эффективным методом.

Е.О. Наумов

Быт и повседневная жизнь солдат запасных частей 1-й армии Восточного фронта в Саранске в 1918–1919 гг.

Проблема быта и повседневной жизни различных слоев населения является одной из самых актуальных и популярных в современной отечественной и зарубежной историографии. Несмотря на то, что первые серьезные исследования в рамках данного направления появились в нашей стране сравнительно недавно, к настоящему моменту говорить о слабой разработанности темы не приходится. Это обусловлено своеобразием исторического процесса

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 416.

² РГВА. Ф. 39540. Д. 12. Л. 240.

³ См.: Историки спорят. М., 1989. С. 62.

в России, позволяющим авторам выявлять все новые и новые закономерности в изучении образа жизни людей, который на протяжении столетий подвергался серьезным изменениям под влиянием целого ряда факторов.

В годы Гражданской войны жизненный уклад основных категорий населения страны оказался под воздействием революционных потрясений 1917 года. Одним из основных последствий трансформации массового сознания крестьянства, как самого многочисленного сословия указанного периода, стало возникновение новых стереотипов поведения, основное содержание которых формировалось путем переплетения насаждаемых большевиками порядков с традиционными и вековыми устоями деревенской жизни. Например, в рамках процесса создания регулярной Красной армии «великорусский пахарь», вновь, как и во время Первой мировой войны оказавшись оторванным от земли, переносился в качественно новую среду со своими характерными особенностями, где с учетом экономической, социальной и политической разрухи в стране формировался устойчивый облик красноармейца, сражавшегося на фронтах Гражданской войны.

Среднее Поволжье, будучи территорией с преимущественно крестьянским населением, во второй половине 1918 – начале 1919 гг. являлось местом, где происходило создание 1-й армии Восточного фронта, одного из первых регулярных объединений Красной армии. Вследствие этого некоторые прифронтовые города, в частности Саранск, становились центрами комплектования запасных частей, где по итогам мобилизаций сосредотачивалось значительное количество солдат.

Определяющее воздействие на складывание быта и повседневной жизни красноармейцев оказало отношение к новой власти и развернувшейся в Среднем Поволжье широкомасштабной Гражданской войне крестьянской массы, из состава которой происходил набор солдат в запасные части и подразделения в Саранске. Общее впечатление, которое сформировалось у армейских работников после общения с призывниками, выражалось в следующем заключении: народ «не грамотен, темен и не развит, и весь его социализм основан на тезисе: “Дай мне, а с меня ничего”»¹. Отсюда настойчивое нежелание крестьян принимать участие в войне, ко-

¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 157. Оп. 3. Д. 911. Л. 240–241.

торая характеризовалась ими как «борьба двух партий»¹. Однако ярко выраженное чувство коллективизма как способ решения периодически возникающих проблем в некоторых случаях оказывал благотворное влияние на настроения крестьян. Например, когда в августе 1918 года в Курмышском уезде Симбирской губернии был объявлен призыв, жители одной из волостей заявили, «что от мобилизации отказываются, или пойдут тогда, как все пойдут»².

Следующим фактором, который играл особую роль в формировании характера и настроения солдат, стала внешняя среда, в частности, бытовые условия их существования (жилье, питание, одежда). Так, внешний и внутренний вид помещений, в которых размещались красноармейцы, позволил составить одно из первых впечатлений от пребывания на воинской службе. Казармы «были везде загрязнены всякими отбросами, навозом, всевозможными нечистотами, что являлось прямым источником для заразы; у стен и в углах валялся мусор; в большинстве корпусов были выбиты стекла; рамы и двери большей частью были испорчены или расхищены; ручки и дверные замки отсутствовали, а печные приборы были вытащены, также почти не было нар»³. Внешний вид прибывающих в Саранск мобилизованных требовал принятия целого ряда мер в отношении обеспечения солдат необходимым обмундированием. Призывники, по воспоминаниям председателя мобилизационного отдела Ш.Н. Ибрагимова, который занимался созданием запасных частей и подразделений, «были в грязных лохмотьях, немые...»⁴. Наличие у будущих красноармейцев лаптей, по словам работника отдела А.Я. Яковлева, было большой редкостью, отчего большинство крестьян, в особенности летом, приходило босиком⁵.

Организация питания солдат в первые дни службы практически отсутствовала, вследствие чего они вынуждены были довольствоваться исключительно привезенными из деревни про-

¹ Чистов Б.Н. Парторганизация в дни гражданской войны // 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936. С. 94.

² РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 911. Л. 240–241.

³ Отчёт Мобилизационного отдела 1-й Революционной армии Восточного фронта о деятельности по проведению мобилизации за время с 15-го августа 1918 г. по 1-е мая 1919 г. Саранск, 1919. С. 23–24.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 3. Л. 345.

дуктами¹. Ввиду их постоянной нехватки, обусловленной общей экономической ситуацией в стране и регионе, председателем мобилизационного отдела Ш.Н. Ибрагимовым на основе приказа Народного комиссара по военным делам от 29 июля 1918 года, устанавливалась ежедневная норма выдачи основных продуктов в расчете на одного человека. Приведенный в приказе питательный рацион выглядел следующим образом²: хлеб (2,8 кг), мука ржаная (2,1 кг), крупы (500 г), мясо или рыба (700 г), соль (200 г), свежие овощи (1,7 кг), сушеные овощи (100 г), масло или сало (100 г), подболточная мука (100 г), чай (14 г), сахар (200 г), перец (4 г), табак (100 г), спичек в месяц (10 коробок), мыла в месяц (1,4 кг)³.

Как писал военный историк С.М. Кляцкин, установленную норму Советская республика в 1918 г. «не могла полностью удовлетворить, вследствие чего некоторые виды продуктов, в частности мясо или масло, заменялись соответственно на рыбу или сало, что нашло отражение в вышеприведенной раскладке продовольствия»⁴. Здоровье солдата, как один из важнейших факторов успешного прохождения военной службы, с первых дней пребывания в Саранске было поставлено под угрозу. Сосредоточение в грязных казармах огромного количества людей неизбежно привело к распространению эпидемии так называемой «испанки», которая бушевала во всем мире. Положение с медицинской помощью в городе осложнялось нехваткой соответствующих работников, которые могли бы точно определить данное заболевание. После того, как в Саранске заболело около 1000 красноармейцев, неизвестная болезнь была ошибочно принята за тиф⁵. «Заражение происходило очень быстро, например, два три больных могли заразить в течение 6 дней всех, находящихся с ними в одной казарме». После диагностирования у солдат «испанского гриппа» последние должны были регулярно посещать бани и каждые две недели проходить тщательных телесный осмотр у врача⁶.

¹ Отчёт Мобилизационного отдела. С. 131.

² В переводе на недельную норму выдачи продуктов (прим. авт.).

³ Отчёт Мобилизационного отдела. С. 77.

⁴ *Кляцкин С.М.* На защите октября. Организация регулярной армии и милиционного строительства в Советской Республике. 1917–1920. М., 1965. С. 305.

⁵ Отчёт Мобилизационного отдела. С. 130.

⁶ Там же. С. 133–134.

С первых дней воинской службы солдаты должны были выполнять ряд предписаний, касавшихся, в частности, соблюдения правил проживания в казармах. Так, руководство мобилизационного отдела приказывало «в ротах и командах установить внутренний порядок, твердую революционную дисциплину: помещения содержать в чистоте, не допускать пьянства, картежной игры, самовольных отлучек...»¹. Каждую неделю предполагалось организовывать мытье полов². За неисполнение данного распоряжения командиру полка грозил суд революционного трибунала³.

Воздействие на солдат внешних бытовых условий и внутренних особенностей коллективного крестьянского мышления способствовало возникновению среди красноармейцев ответных действий по отношению к военному руководству и возложенным обязанностям по воинской службе. Солдаты, представлявшие собой в первые дни пребывания в Саранске неорганизованную и крайне возбужденную толпу, не стеснялись предъявлять своему руководству ряд претензий, основное содержание которых было направлено на необходимость улучшения условий существования. По воспоминаниям Ш.Н. Ибрагимова, призывники, «раздетые, необутые и ненакормленные, скопом являлись к управляющему отдела, настойчиво требовали крова и пищи, жалования, одежды и грозили разойтись, а в наличии всего этого не было, и достать было трудно»⁴.

Большая часть жалоб касалась проблемы продовольственного обеспечения. Так, 12 сентября 1918 года Ш.Н. Ибрагимову стало известно, что солдаты 3-го Пензенского полка уже целых 2 дня не получают хлеба, в то время как запасы последнего в части имелись⁵. 22 сентября красноармейцы этого же полка прибыли к зданию мобилизационного отдела и заявили, что «они плохо устроены: в казармах грязно [.] нет каши и отсутствие таковой ничем не заменяется»⁶.

Принимая во внимание тот факт, что любое недовольство солдатской массы могло вылиться в крупномасштабное выступле-

¹ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66.

² ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 21. Л. 447.

³ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 112.

⁴ Отчет Мобилизационного отдела. С. 57–58.

⁵ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 51.

⁶ Там же. Л. 90.

ние¹, руководство отдела старалось максимально быстро и результативно реагировать на просьбы красноармейцев. Буквально на следующий день после подачи той или иной жалобы, Ш.Н. Ибрагимов подписывал приказ, в котором требовал от командиров частей «строго следить за правильной и своевременной выдачей положенного довольствия» или «немедленно установить должную чистоту в казармах» и впредь выдавать солдатам вместо каши 200 г картофеля².

Если командный состав 3-го Пензенского полка позволял себе допускать подобные случаи в отношении солдат, то штабы артиллерийских подразделений, в частности, Смоленской батареи, старались проявлять инициативу в решении продовольственного вопроса. Так, для штата данной батареи выписывалось мяса по 1 фунту на человека, в то время как необходимо было выдавать 3/4 фунта. Однако Ш.Н. Ибрагимов крайне отрицательно относился к расточительству продуктов и требовал пресекать подобные действия³. Очевидно, что солдаты не всегда получали даже минимальную часть продуктов от установленной нормы. Вследствие этого, по словам председателя Саранского уисполкома П. Бусыгина, красноармейцы вынуждены были ходить по городу и собирать подаяние, чтобы прокормить себя⁴. Но к началу октября 1918 года, совместными усилиями мобилизационного отдела и местных органов власти данную проблему удалось решить. В отчете военно-политического комиссара по формированию частей Пензенской губернии было написано следующее: «Хлеб получают все красноармейцы, вместо каши выдают картофель, получают также мясо»⁵. Об этом же свидетельствует отсутствие в официальных приказах и донесениях работников отдела в штаб армии каких-либо сведений о волнениях солдат на почве острого недостатка продуктов питания.

¹ Как писал в своем отчете Ш.Н. Ибрагимов, «в это время в Саранске было около 10000 мобилизованных, неблагонадежных в политическом отношении, и самый уезд в политическом отношении шел против Советской власти, а находившаяся караульная рота и даже чрезвычайная комиссия не представляли из себя реальной силы» (Мордовия в период упрочения Советской власти и Гражданской войны. Документы и материалы. Саранск, 1959. С. 182).

² РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 51, 90.

³ Там же. Л. 48.

⁴ ЦГА РМ. Ф. 327-П. Оп. 1. Д. 8. Л. 63.

⁵ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 84.

С целью устранения «политической нестабильности» в рядах красноармейцев и организации досуга сотрудники мобилизационного отдела в помещении одной из церквей организовали клуб, где помимо библиотеки, в которой ежедневно читались лекции, была построена сцена для проведения концертов и спектаклей. При библиотеке функционировал буфет¹. Однако отношение солдат к агитации и пропаганде, в которой и выражалось проведение свободного времени, было негативным по причине охарактеризованных выше условий. Например, работник отдела Е. Герцовская вспоминала, «как на вопрос: можно ли устроить митинг или собрание в части, мне ответили, что раньше надо накормить красноармейца хлебом, а потом уже кормить его митингами»².

Рутинная бытовая жизнь и тяготы воинской службы формировали у солдат стремление всевозможными способами развеять «серую» обыденность. В казармах красноармейцы были предоставлены сами себе, вследствие чего получили распространение азартные игры. Так, в одном из протоколов осмотра помещений, которые регулярно проводились в марте-апреле 1919 г., имеется следующая запись: «В 3-й батарее Запасного Артиллерийского дивизиона происходила игра в лото на деньги», за что командир взвода был арестован на 5 суток, а дежурный по батарее – на 10 суток³.

Характерно описание начальником гарнизона момента посещения им казармы одной из пехотных рот. В канцелярии подразделения «лежало около 5 пудов соломы, на которой происходила борьба красноармейцев». Один из дневальных «лежал на полу в коридоре с винтовкой», а другой «спал, да и так крепко, что даже не обращал никакого внимания на шум в казарме»⁴. Многие солдаты прогуливали обязательные занятия по строевой и стрелковой подготовке и бесцельно бродили по городу⁵. Не менее интересен способ проведения досуга некоторых начальствующих лиц. Согласно воспоминаниям А.Я. Яковлева, командир одной из артиллерий-

¹ Отчет Мобилизационного отдела. С. 11.

² Герцовская Е. Воспоминания о работе мобилизационного отдела Первой армии // Годовщина Первой революционной армии. М., 1920. С. 48.

³ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 21. Л. 523.

⁴ Там же. Л. 447.

⁵ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 107.

ских батарей злоупотреблял кокаином, вследствие чего не принимал абсолютно никакого участия в жизни солдат¹.

Безразличие красноармейцев ко всему происходящему и неспособность младшего командного состава в корне изменить ситуацию сказывались на уровне дисциплины. В жилых помещениях ввиду перечисленных выше причин скапливались грязь и мусор («на полу, на нарах и под нарами»). Кухни, в которых происходил процесс приготовления пищи, также «находились в грязном и отвратительном виде». Дрова для печи рубились прямо на полу, которые, по словам начальника гарнизона, совершенно не подметались всю зиму. Прием пищи из-за отсутствия столовых происходил прямо на нарах, о чем имеется интересное замечание проверяющего помещения инспектора: «среди казарм находятся по 2 кадки в каждой роте для помой, которые стояли переполненными и через края уже текло содержимое. Помои в кадки выливаются небрежно [,] с верхних нар [льют] остатки недоеденного борща и недопитого чая, ... почему половина (малая часть) попадает в кадку, а большая прямо на пол»².

На получение известия об отправке на фронт солдаты реагировали, как правило, возбужденно, используя при этом довольно пространственную форму выражения несогласия – митинг. В случае возникновения дополнительной сложности, например, отсутствия форменной одежды, ситуация приобретала довольно серьезный характер. Так, 19 сентября 1918 года Ш.Н. Ибрагимов сообщал в штаб армии, что «в расположении отдела нет совсем для мобилизованных людей обмундирования, белья и снаряжения. Не представляется возможным одеть даже и тех, кои уже прибыли в Саранск, вследствие этого мобилизованные волнуются»³.

По воспоминаниям председателя Саранского исполкома П.А. Бусыгина, «один раз на площади произвольно собрался митинг отъезжающих на фронт красноармейцев». Отправляющиеся требовали выдать им сапоги, «ссылаясь на то, что они едут на фронт осенью... Когда я выступил и стал разъяснять им, что ни в мобилизационном отделе, ни в исполкоме, ни в городе нет сапог

¹ Яковлев А.Я. Воспоминания о работе Мобилизационного Отдела 1-й революционной армии // ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 3. Л. 345–346.

² ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 21. Л. 447.

³ Цит. по: Абрамов В.К. Крестьянство Мордовии в годы Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1981. С. 144.

и их просьбу-требование удовлетворить нельзя. Здесь раздался голоса – давай! Сзади меня взяли под руки два красноармейца и стащили с лестницы. А когда стащили, потребовали, чтобы я снял сапоги и отдал им. Но когда я снял сапоги и в течение 10–15 минут их никто не брал, я надел свои сапоги и ушел с митинга¹. По словам А.Я. Яковлева, похожая ситуация возникла, когда «надо было отправлять на фронт три батареи, а красноармейцы только митингуют». Только благодаря убедительному и красноречивому выступлению комиссара, которого солдаты знали лично, митинг удалось завершить².

Стоит отметить отсутствие в используемых документах упоминания случаев применения насильственных способов переубеждения солдат. Например, когда один из батальонов 3-го Пензенского полка отказался отправляться на фронт в расположение Инзенской дивизии, красноармейцев удалось посадить в эшелоны «благодаря уговорам»³.

Наиболее острая форма проявления недовольства воинской службой – дезертирство – проявлялась практически на всех этапах военно-мобилизационной деятельности. Работники отдела применяли ряд мер, которые были направлены на пресечение данного явления. Согласно многочисленным приказам все основное время солдаты должны были проводить в казармах или на строевых занятиях. Право выезда из города осуществлялось благодаря составлению специальной увольнительной записки⁴. Тем не менее, солдаты довольно часто покидали казармы без разрешения начальства, что стало причиной создания четырех постоянных суточных дежурных постов по 3 человека, которые занимались наблюдением за «подозрительными» пассажирами на железнодорожной станции с целью выявления красноармейцев, не имеющих разрешения на выезд⁵.

Количество дезертиров заметно возрастало непосредственно во время движения эшелонов на фронт. Наиболее сознательные из них, составлявшие большинство, «на третий, четвертый день... являлись в мобилизационный отдел и объявляли, что они

¹ Бусыгин П. Воспоминания // ЦГА РМ. Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 8. Л. 276.

² Яковлев А.Я. Указ. соч. Л. 345–346.

³ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 68.

⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 21. Л. 447.

⁵ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 107.

“отстали” от эшелона»¹. Другая часть возвращалась в родные деревни и села².

Последовательное изучение основных категорий быта и особенностей повседневной жизни солдат запасных частей 1-й армии Восточного фронта в Саранске позволяет сделать следующий вывод. При формировании образа действий и мышления красноармейцев ключевую роль сыграли несколько факторов – сложившееся в крестьянской среде отношение к большевистским идеям, их воплощению и внешние бытовые условия. Аполитичность, индифферентность ко всему происходящему, озабоченность материальными потребностями, отказ от выполнения малейших обязательств – вот основные характеристики рядового крестьянского жителя, переносившего в городскую среду прифронтового города, где он сталкивался с целым рядом проблем: голодный паек, отсутствие нормальной одежды и жилья, смертельная угроза здоровью и т.д. Серые однообразные будни и рутина воинской службы в тылу, разочарование в социалистических идеалах влекли за собой апатию, спасение от которой многие искали в употреблении алкоголя, азартных играх и даже наркомании. Однако сотрудники мобилизационного отдела достаточно оперативно реагировали на периодически возникающие сложности, проводя относительно мягкую и сбалансированную политику в отношении солдат, стараясь возложить ответственность за многие недочеты в быту и повседневной жизни на командный состав частей и подразделений, который, тем не менее, не всегда справлялся с возложенной задачей.

¹ Отчет мобилизационного отдела. С. 21.

² ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 39. Л. 63.

А.В. Ганин

Становление Красной армии во взаимоотношениях ее первых руководителей: М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис и С.С. Каменев¹

На обложке книги замечательного отечественного военного историка А.Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе республики Советов 1917–1920 гг.» (М., 1988) можно видеть портреты трех бывших офицеров русской армии – двух советских главкомов бывших полковников И.И. Вацетиса и С.С. Каменева, а также военного руководителя Высшего военного совета бывшего генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича. Попали они на обложку книги не случайно, поскольку занимали высшие посты в Красной армии и, по сути, были ее отцами-основателями. Все они являлись по меркам своего времени высокообразованными офицерами, поскольку обладали академическим образованием и были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба. Все трое тогда были беспартийными и таковыми, за исключением Каменева, остались до конца жизни. С деятельностью каждого из них связан целый период истории советских вооруженных сил эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Однако, как нередко бывает, взаимоотношения создателей РККА не отличались теплотой, что так или иначе влияло и на вопросы военного строительства. В этом очерке предпринята попытка характеристики личностных и служебных особенностей М.Д. Бонч-Бруевича, И.И. Вацетиса и С.С. Каменева, а также анализа влияния их взаимоотношений на становление Красной армии в период Гражданской войны.

Одним из первых генералов, пошедших на службу большевикам, был Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (24.02.1870 – 03.08.1956), родной брат которого, Владимир, был давним спод-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

вижником В.И. Ленина, а после прихода большевиков к власти занял важный пост управляющего делами Совета народных комиссаров (СНК).

В старой армии Бонч-Бруевич обладал неоднозначной репутацией. Прежде всего, он был известен как ярый противник важных преобразований в Императорской Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны, инициированных группой известного военного ученого Н.Н. Головина. Будучи учеником видного военного ученого генерала М.И. Драгомирова, Бонч-Бруевич и накануне Первой мировой войны продолжал отстаивать его устаревшие еще до русско-японской войны взгляды на военное дело. Как это нередко бывает, различие во взглядах с другими сотрудниками по Николаевской академии привело к возникновению личной неприязни. Бонч-Бруевич распускал слухи о том, что участники кружка Головина плетут заговор и даже назвал их «младотурками» (по наименованию группы турецких офицеров, организовавшей в 1908 г. вооруженный переворот в Османской империи). В результате группа Головина оказалась изгнана из академии, был снят с должности и начальник академии генерал Д.Г. Щербачев. Между тем, никакой политической составляющей в деятельности кружка не было. В итоге и сам Бонч-Бруевич столкнулся с отторжением преподавательского состава академии. Градус неприятия был таков, что преподаватели при его отъезде из академии в войска голосовали против организации традиционных проводов¹. Сторонники Головина, в целом, хорошо проявили себя на фронтах Первой мировой войны.

Как ученик Драгомирова Бонч-Бруевич пользовался некоторым влиянием в военных кругах, но отношение целого ряда генштабистов к нему было презрительным: его считали грубым и тупым интриганом. Помимо причастности к разгону кружка Головина в предвоенной академии, Бонч-Бруевич сыграл важную роль в фабрикации печально известного дела полковника С.Н. Мясоедова в годы Первой мировой войны². Современникам в его действиях виделись «властность, упорство, настойчивость, а также некоторая озлобленность»³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 16. Л. 48.

² Подробнее см.: *Айранетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. 1915 год – Апогей. М., 2014. С. 37–44, 56–59.

³ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 48. Л. 45.

В 1917 г. Бонч-Бруевич сумел поймать революционную волну и приспособиться, причем как при Временном правительстве, так и при большевиках. Для изворотливого человека со склонностью к карьеризму это не составило труда. Нетипичный для генерала русской армии факт – Бонч-Бруевич стал членом исполнительного комитета псковского совета рабочих и солдатских депутатов, где проводил многие часы¹. Параллельно он работал с прежней военной элитой, стремясь к неформальному лидерству в которой выступил инициатором создания объединения генштабистов с политическими целями. Сам он возглавил общество офицеров Генерального штаба Северного фронта, где служил. По задумке Бонч-Бруевича, деятельность фронтовых объединений генштабистов должна была возглавлять аналогичная организация в Ставке, а в мирное время – в Главном управлении Генерального штаба². В своих воспоминаниях Бонч-Бруевич постарался показать, что никакого интереса к организации генштабистов не имел и глухо упоминал о том, что возглавил ее по неискушенности в политике³. Едва ли это соответствовало действительности.

Неудивительно, что Бонч-Бруевич выступил и против движения генерала Л.Г. Корнилова⁴. Начало его сотрудничества с большевиками изложено Бонч-Бруевичем в показаниях по делу «Весна». Бывший генерал отмечал: «В момент Октябрьской Революции я находился в Ставке, по приказам считался состоящим в распоряжении Верховного Главнокомандующего; фактически я просто жил в г. Могилеве в отведенном мне № гостиницы “Франция”. 20го ноября 1917 г. в Ставку прибыл т. Крыленко и предложил мне от имени Советской власти вступить в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего с тем, чтобы ликвидировать царскую армию и Ставку, на что назначается примерно три месяца. Я ответил, что целиком подчиняюсь Советской власти и принимаю назначение. Т. Крыленко сказал: “Действуйте!”. Утром 21го ноября, по указанию т. Крыленко, я собрал старших начальников Ставки; и к ним пришел т. Крыленко и вел с ними, в моем присутствии, продолжительную беседу о задачах Советской власти. По

¹ *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920. С. 181.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 4об.

³ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 145.

⁴ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 65. Л. 290.

окончании беседы я спросил: “Все ли остаются на службе?”. Помню, что 2 человека заявили, что уходят в отставку...»¹

О своем отношении к Советской власти Бонч-Бруевич сообщал: «Общее мое настроение заключается в том, что я с самого начала Октябрьской революции вполне понял и признал для себя обязательными те основания, на которых Советская власть строит социалистическое государство. Став на такую точку зрения, я руководствовался ею во всех своих действиях и суждениях, исполняя все обязанности, порою весьма сложные, которые на меня возлагала Советская власть, как в мирное, так и в военное время... теперь и отношения к старой военной среде несколько сгладились, потому что всем теперь (подчеркнуто Бонч-Бруевичем. – А.Г.) ясно, что я был прав, ставши на точку зрения Советской власти»².

До революции Бонч-Бруевич придерживался крайне правых, черносотенных и антисемитских взглядов (по характеристике генерала Лукомского, был «правее правых»), а в первую русскую революцию даже призывал уничтожать революционеров без суда и следствия (непонятно, правда, как это сочеталось с деятельностью его родного брата – старого большевика)³. В 1917 г. и позднее с ним, как и со знаменитым генералом А.А. Брусиловым, прежде целовавшим ручку представителям дома Романовых, чтобы подчеркнуть свою особую преданность⁴, произошла резкая переме-

¹ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 45–45об.

² Там же. Л. 5–5об.

³ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры. Колумбийский университет (BAR). Tikhobrazov papers. Box 3. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Глава X. В Ставке после революции. Л. 133; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2. Борьба генерала Корнилова август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 2003. С. 96; *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 174 (к сожалению, работа Лукомского вошла в это издание с произвольными купюрами, коснувшимися в т.ч. характеристики Бонч-Бруевича, полную характеристику см.: *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 101–102); *Снесарев А.Е.* «Вся Россия – больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 38.

⁴ *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 102–103; *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 64.

на. Как и Брусилов, Бонч-Бруевич оказался беспринципным карьеристом. Неудивительно, что он прижился в новых условиях, стал сотрудничать с возглавившим советское военное ведомство Л.Д. Троцким и даже, избежав репрессий, сравнительно благополучно дожил в СССР до глубокой старости¹.

При этом нужно учитывать, что усилению критических оценок в эмигрантских воспоминаниях способствовала очевидная неприязнь недавних белых к своему большевизировавшемуся сослуживцу. Осенью 1917 г. генштабисты из Ставки решили не подавать ему руки². Генерал А.П. Будберг именовал его «мерзейшей памяти “Маскоттой”³ старичка Рузского»⁴. Быховские арестанты осенью 1917 г. даже отправили могилевскому совету книгу Бонч-Бруевича с шутливой надписью «Дорогому могилевскому совету от преданного автора»⁵.

Полковник Б.Н. Сергеевский писал в эмиграции вдове генерала А.И. Деникина о Бонч-Бруевиче: «Мое мнение о нем было и осталось – это самый отвратительный из отрицательных наших генералов, как с точки зрения вопроса о генеральской годности, так и с общечеловеческой точки зрения.

По своим взглядам на военное дело – это один из наиболее тупых и бесталанных сторонников нашей школы 19-го века, притом, совершенно бессовестный.

Человек, совершенно не терпящий каких-либо противоречий со стороны младших, даже, если они стараются ему помочь...»⁶

В своих опубликованных воспоминаниях, которые, в большей степени, являются образцом советской политической мимикрии, чем непредвзятым свидетельством прошлого, Бонч-Бруевич заискивающе писал, что «скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти

¹ Подробнее о Бонч-Бруевиче см.: *Новиков П.* Лицо неответственное. Победы генерала Бонч-Бруевича // *Родина.* 2009. № 12. С. 129–132.

² VAR. Tikhobrazov papers. Вох 3. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Глава X. В Ставке после революции. Л. 133.

³ Маскотта – талисман.

⁴ *Будберг А.П.* Дневник // *Архив русской революции.* Т. 12. Берлин, 1923. С. 270.

⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2. С. 96.

⁶ VAR. Anton and Kseniia Denikin Collection. Вох 27. Б.Н. Сергеевский – К.В. Деникиной. 20.10.1965.

Россию от развала и полного уничтожения. Нутром я верил Ленину...»¹ Однако сослуживцы Бонч-Бруевича не верили в его идейность, утверждая (мнение генштабиста А.Н. Ковалевского, изложенное в дневнике бывшего генерала А.Е. Снесарева), что такие, как он, «предадут брата родного... и довольно дешево»².

Именно Бонч-Бруевич через свои родственные связи стал тем связующим звеном, которое соединило большевиков с генштабистами. Особенно важно для новой власти это было в первые месяцы ее существования, когда связи партийного руководства с генералитетом еще только налаживались. Генерал П.И. Аверьянов вспоминал о своем восприятии Бонч-Бруевича осенью 1917 г.: «Все же мой коллега... который хотя и служил уже большевикам, но, думалось мне, не утратил же еще “общего языка” с нами и мог нас понимать»³.

О том, что Бонч-Бруевич стал знаменем для части генштабистов, свидетельствовал его ближайший сотрудник, бывший генерал С.Г. Лукирский: «М.Д. Бонч-Бруевич многократно и на долгие периоды являлся моим прямым начальником по службе в старой армии во время мировой войны, а также в Ставке Верховного Гл[авнокомандую]щего после Октябрьской революции и в Высшем военном совете (председатель Л.Д. Троцкий) в 1918 году.

М.Д. на меня всегда производил впечатление деятеля кипучей энергии, крайне инициативного, решительного, обладающего необычайной работоспособностью. Ему всегда была свойственна какая-то особая жажда живой деятельности: работе он отдавался всецело и вне ее, как-то, совсем не имел интересов.

Очень религиозен.

Способен к резким, грубоватым нападкам на подчиненных, допустивших действия не одобренные М.Д. ... М.Д. являлся среди нас б[ывших] офицеров Генер[ального] штаба очень крупною фигурою, благодаря свойствам своего характера и тому высокому положению служебному, которое он занимал во время Мировой войны и после Октябрьской революции и может быть объединяющим лицом крупной части б. офицеров Генерального штаба»⁴.

¹ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 226.

² *Снесарев А.Е.* Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

³ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 2. Л. 362.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 67–68.

По свидетельству слушателя ускоренных курсов академии А.А. Бурова, Бонч-Бруевич «в старое время... монархист, после революции – один из первых организаторов Красной армии. Человек огромной энергии и трудоспособности, бюрократического склада, слабо ориентирован в вопросах современного военного искусства, ввиду плохого знакомства с современной военной техникой»¹.

Генерал П.С. Махров дал следующую характеристику: «Он был ловкий оппортунист, карьерист, стремившийся быть замеченным и отмеченным, как ученый и передовой человек, но по существу дела он ни тем, ни другим не оказался. Творческого ума и ораторства лектора у него не было»².

По оценке генерала А.Е. Снесарева, «политическое лицо Бонч-Бруевича такое: близкий когда-то подсобник ген. Драгомирова, всегда “густо черный”, занимавший в акад[емии] Ген. штаба правое крыло, он может быть только ярым и крайним монархистом, что подтверждается и его религиозностью, спускающейся до формальной церковности³. Как человек властный и упорный, к тому же располагающий широкой базой подчиненных, он имеет самые широкие возможности для организации такого кружка или даже общества, которые выполняют всякие его указания, подсказанные Бонч-Бруевичу и его политическими взглядами и яркой враждебностью его настроений»⁴.

По всей видимости, наиболее точно отношение к Бонч-Бруевичу в офицерской среде обрисовал полковник Д.Н. Тихобразов: «Судьба его не баловала. Никто его не любил. “Белые” считали его “красным”; “красные” видели в нем “белого”. Передовые старого режима окрестили его “черносотенцем”. Многие офицеры Генер[ального] штаба высказывались о нем, как о “с.с.”»⁵.

При этом Бонч-Бруевич отличался исполнительностью и заботой о близких ему офицерах, даже в трудных условиях Советской России. Характерно как с точки зрения адресата, так и в смысле

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 65.

² ВАР. P.S. Makhrov collection. Вох 2. Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 242.

³ Подчеркнуто красным карандашом.

⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 112–113.

⁵ ВАР. Tikhobrazov collection. Вох 4. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Очерк пятый. В академиях. Л. 67.

описываемых реалий письмо арестованного бывшего полковника А.В. Косматова Бонч-Бруевичу, написанное в декабре 1917 г.: «Глубокоуважаемый Михаил Дмитриевич! В тяжелую пору своей жизни обращаюсь я к Вам, своему бывшему учителю, давшему мне всю основу для последующей работы на пользу родины и во славу армии. Я начальник разведыв[ательного] отделения штаба 12^й армии, б[ывший] Ген[ерального] шт[аба] полковник Косматов. После первой революции работал в полнейшем контакте с армейским исполнит[ельным] органом и комиссарами. После октябрьской революции также твердо остался на своем посту и, прежде всего, поспешил войти в контакт с в[оенно]-рев[олюционн]ым комитетом, а затем новым искосолом¹, которые и благословили меня на продолжение дела разведки впредь до распоряжения. Само собою разумеется, новую власть признал без колебаний... Меня даже, еще во времена Беляева, держали подальше от к[онтр]р[азведки] в виду моей постоянной оппозиции тех безобразий, какие происходили под флагом к[онтр]р[азведки], и у Беляева я был непрерывно в опале... В остальном, нет ни у кого и никаких оснований обвинять меня в к[онтр]р[еволюции]. Всегда, насколько было возможно при старом режиме, был левее всех окружающих; сам я вышел из народу и не мне изменять народу! Выхожу, без вины виноватым, правильнее – обвиняемым! К Вашему заступничеству обращаюсь я»². Бонч-Бруевич просил ускорить расследование³.

Бонч-Бруевич вспоминал о том, как завершив дела в Могилеве, приступил к организации Красной армии: «К 19 февраля 1918 г. я закончил все работы по расформированию штаба (Ставки) и, сдав городскому управлению быв[ший] губернаторский дом, в котором размещался штаб, переехал в гостиницу “Франция”. Отсюда я предполагал в качестве отставного вояки уехать в Чернигов, откуда 25 июля 1914 г. я выступил походом на войну во главе 176 пехотного Переволоченского полка»⁴. Однако вечером поступила срочная телеграмма В.И. Ленина, приглашавшего Бонч-Бруевича со Ставкой прибыть в Петроград. На следующий день вечером

¹ Искосол – Исполком Совета солдатских депутатов 12-й армии Северного фронта.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1381. Л. 232–232об.

³ Там же. Л. 234.

⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Первые дни Красной армии (воспоминания) // Война и революция (Москва). 1929. Кн. 2. С. 38.

Бонч-Бруевич и его сотрудники, в том числе бывшие генералы-генштабисты А.С. Гришинский, С.Г. Лукирский, Н.И. Раттэль и Н.А. Сулейман, выехали, а вечером 22 февраля прибыли в столицу.

Бонч-Бруевич фактически возглавил оборону Советской России от внешнего врага в феврале-марте 1918 г. После совещания с Лениным и другими представителями новой власти он приступил к работе в Смольном, где разместился в комнате по соседству с кабинетом Ленина. 25 февраля Бонч-Бруевич в качестве военного специалиста вошел в Бюро Комитета революционной обороны Петрограда, руководившего обороной столицы от немцев. Работа эта была успешной. Петроград удалось защитить, немецкое наступление на северо-западе России остановилось. Позднее под руководством Бонч-Бруевича на западе страны для защиты от немцев была создана система войск завесы.

После подписания 3 марта Брестского мира СНК принял решение, а на следующий день издал декрет о создании нового центрального органа военного управления – Высшего военного совета (ВВС), который должен был руководить всеми операциями на фронтах, а также заниматься вопросами формирования Красной армии. Посредством этого нового органа впервые во главе Красной армии были поставлены военные специалисты, что вызвало волну возмущения в партийных кругах. Тем более, что ВВС формировался как орган, полномочия которого превышали власть коллегий наркоматов по военным и морским делам. Военным руководителем ВВС с правом прямого обращения к Ленину стал Бонч-Бруевич, а чуть позже, с 19 марта, председателем ВВС стал Л.Д. Троцкий, занявший также пост народного комиссара по военным делам.

ВВС организовал учет воинских частей, соединил их в отряды завесы под руководством опытных военных руководителей, как правило, из бывших офицеров-генштабистов. Бонч-Бруевич 16 марта направил Ленину доклад, в котором указал на необходимость сохранения завесы до замены ее отрядов частями регулярной армии¹. С мая отряды завесы развертывались в территориальные дивизии, получившие наименования по названиям соответствующих губерний, тем временем внутри страны шло создание военных округов.

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 248.

О границах допустимого во взаимоотношениях с Лениным красноречиво свидетельствует тот факт, что 27 мая 1918 г. Бонч-Бруевич без обиняков писал председателю СНК о том, что существует «фактически уже установившееся германское рабство (подчеркнуто в документе. – А.Г.) в России»¹. Обычному человеку подобные суждения в то время могли дорого обойтись.

О том, насколько близко стоял Бонч-Бруевич к Ленину, свидетельствует история с имуществом бывшего генерала. Сохранность имущества Бонч-Бруевича, оставшегося с 1914 г. в Чернигове, вызывала беспокойство. Домашние вещи бывшего генерала в мае 1919 г. были реквизированы. Бонч-Бруевич сообщил об этом своему брату Владимиру – управделами СНК, а тот пожаловался председателю СНК В.И. Ленину. В.Д. Бонч-Бруевич 8 мая 1919 г. сообщал брату об итогах этой жалобы: «6/V-19 г. мною было доложено председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ильичу Ленину о Вашем заявлении о реквизиции Ваших домашних вещей в г. Чернигове. Председатель Совета народных комиссаров тотчас же распорядился дать телеграмму председателю Совнаркома Украины тов. Раковскому о сохранении в целостности Ваших вещей, особенно библиотеки и архива, предлагая тов. Раковскому сделать распоряжение Черниговскому исполкому. На эту телеграмму председателя Совнаркома 7/V-19 г. получен ответ из Киева следующего содержания: “Распоряжение Черниговскому Исполкому о сохранении в целостности вещей и библиотеки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевич сделано. Предсовнаркома Раковский”. Об этих распоряжениях высших властей Российской и Украинской Советских Республик Вас уведомляю»². Более того, председатель СНК УССР Х.Г. Раковский поспешил дополнительно телеграфировать Ленину и Бонч-Бруевичу 23 мая 1919 г.: «Удостоверяем, что ничего не расхищено и не растрчено непроизводительно»³. Впрочем, Бонч-Бруевич позднее утверждал, что имущество все-таки пропало⁴. Как бы то ни было, на столь высокое заступничество мог рассчитывать из всех военспецов, наверное, только один Бонч-Бруевич, тесно связанный с большевистским руководством. В то же время этот случай наглядно свидетельствует о зарождавшемся в совет-

¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 116. Л. 6об.

² РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

³ Там же. Л. 6.

⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 329.

ских условиях неравенстве военспецов – когда у представителей власти появлялись любимчики, приближенные, выдвиженцы, на которых не распространялись общие для остальных законы и подходы. Очевидной привилегией было и то, что по данным на декабрь 1918 г. Бонч-Бруевич жил и работал в Кремле¹.

Стремительное возвышение, несомненно, тешило самолюбие человека, для которого карьера была не пустым звуком. Фактически Бонч-Бруевич оказался первым и главным среди военных специалистов Советской России, считался приближенным Ленина и Троцкого, причем де факто являлся выдвиженцем первого. Еще был бывший генерал Н.М. Потапов, занимавший пост управляющего делами наркомата по военным делам, но должность Бонч-Бруевича была более значимой (вскоре Потапов покинул ключевые посты в РККА). В таком привилегированном положении Бонч-Бруевич находился примерно до середины 1918 г. Тогда в РККА начали создаваться фронты, и в связи с эскалацией Гражданской войны на первый план вышла борьба с внутренним врагом, а не организация перспективной обороны на демаркационной линии с немцами, которой занимался Бонч-Бруевич, ждавший восстановления Восточного фронта против немцев. Соответственно, первенство в неформальной иерархии военспецов стало переходить к новым людям, связанным с управлением Красной армией на внутренних фронтах.

У Бонч-Бруевича появился сильный соперник, которым стал бывший полковник Иоаким Иоакимович Вацетис (11.11.1873 – 28.07.1938), зарекомендовавший себя перед партийным руководством успешным подавлением восстания левых эсеров в Москве в июле 1918 г. и назначенный после этого в качестве признания заслуг главнокомандующим Восточным фронтом. Борьба за первенство среди военспецов сделала отношения Вацетиса и Бонч-Бруевича, не отличавшиеся теплотой и ранее, откровенно нетерпимыми.

Сын батрака, латыш по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, Вацетис одним фактом того, что был инородцем и иноверцем, уже не располагал к себе оказавшуюся в РККА многотысячную массу бывших офицеров, не исключая и тех, кто, как и он сам, окончил академию Генерального штаба. Массовое выдвижение латышей на высокие посты во властной вертикали Совет-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 512.

ской России было характерным явлением того времени. Достаточно отметить, что в ВЧК в 1918 г. они составляли 48,1% сотрудников и более 50% управленцев и специалистов, а в СНК – 11,1%¹. В обществе того времени латышские стрелки не без оснований воспринимались как своего рода преторианская гвардия большевистского режима, что также не добавляло симпатий к главкому.

Академию Генштаба Вацетис окончил неудачно – был лишь 52-м из 53-х выпускников 1909 г. и не был причислен к Генеральному штабу². Впоследствии он объяснял академическую неудачу своим непокорным характером, натолкнувшись на традицию академии – не возражать оппонентам. Вацетис якобы уличил оппонента в незнании и ехидно заявил, что согласен со всеми уже высказанными и еще предстоящими замечаниями³. После такого демарша о высоком балле нечего было и думать. Впрочем, однокашники будущего главкома вспоминали иное. Так, участник Белого движения, генерал М.М. Георгиевич отмечал: «Из моих однокашников-слушателей не осталось почти никого. Кое-кто попал на службу к красным. Из них пошел добровольно и “прославил” свое имя как первый “главковерх”, полковник Вацетис – латыш. Хорошо помню этого, уже сравнительно пожилого, тихого офицера, из солдат Рижского унтер-офицерского батальона. Знал немецкий язык и был чрезвычайно трудолюбив. Но не хватало способностей. Протянул еле-еле все три курса до конца. А в результате – оказался “под чертой” – в числе не попавших... Очень глубоко переживал свою неудачу... Возможно, что эта обида и подтолкнула его на “смену вех”...»⁴ Принимая во внимание такую характеристику, будем помнить и то, что для мемуариста из антибольшевистского лагеря фигура пошедшего к красным (явно менее способного, но более успешного в карьерном плане) однокашника была сама по себе одиозна, что сказалось на объективности суждений и оценок. В этой связи обратимся к аттестациям периода обучения Вацетиса. К примеру, полковник С.К. Добророльский по итогам полевых занятий в младшем классе академии 20 августа 1907 г. высоко оце-

¹ *Капчинский О.И.* Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 222, 225.

² *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 182.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.

⁴ *Георгиевич М.М.* Свет и тени. Сидней, б.г. [1968]. С. 94–95.

нил штабс-капитана Вацетиса: «Очень старательно и с успехом работал, быстро усваивая преподанные ему указания. Основательно знает теоретический курс младшего класса. Видно, что не довольствуется одними учебниками, а читает; интересуется в широком смысле военными знаниями. Солидный служебный опыт. Воспитанный, корректный офицер. Чертежом владеет плохо. С большим акцентом говорит по-русски и не всегда находчив при подыскивании подходящих русских выражений»¹.

Академическая неудача, безусловно, повлияла на Вацетиса, как влияла и на многих других². В своих назначениях он старался избегать старых генштабистов и опирался на менее квалифицированные, чем он сам, кадры выпускников ускоренных курсов Военной академии эпохи Первой мировой войны – курсовиков³. Так, уже став главкомом он настойчиво продвигал на пост начальника штаба Реввоенсовета республики (РВСР) курсовика П.М. Майгура, ранее бывшего у Вацетиса начальником штаба на Восточном фронте, а до этого служившего в штабе 3-й армии⁴. О выпускниках ускоренных курсов Вацетис высоко отзывался еще летом

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 386.

² К примеру, оренбургский атаман А.И. Дутов, окончивший академию неудачно, старался назначать в подчиненные ему войска и других неудачно закончивших академию офицеров (*Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 54–55).

³ Подробнее о курсовиках: *Ганин А.В.* «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // *Родина*. 2014. № 8. С. 62–66.

⁴ О назначении Майгура Вацетис писал: «Впоследствии я несколько не жалел об этом своем выборе. Тов. Майгур явился для меня тем честным и добросовестным помощником, который так необходим главнокомандующему в его разнообразной и трудной работе. Правильно понимая работу Генерального штаба в боевой обстановке, тов. Майгур не обладал кичливым самолюбием и, если разработанные им планы боевых действий или организационных мероприятий не отвечали моим намерениям, а приводимые им доводы не убеждали меня, и я продолжал оставаться при своем решении, – он без всякого оскорбленного самолюбия откладывал свой разработанный план в сторону и с не меньшей энергией и добросовестностью принимался за разработку нового плана, согласно моих указаний. Это – великая черта отличного генштабиста. Благодаря этому, мы всегда легко находили и общий язык и быстрое понимание друг друга» (РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 338).

1918 г. Тогда он писал, что последние выпуски академии «обладают большим опытом [и] знанием»¹.

Еще в 1917 г. Вацетис стал одним из лидеров сплоченной группы своих земляков-латышей, с которыми не расставался и в Гражданскую войну вплоть до своего ареста летом 1919 г. В революционном 1917 г. он явно стремился достичь карьерных высот. Как отмечал комиссар Временного правительства на Северном фронте В.С. Войтинский, Вацетис «особенно ревностно помогал мне в улаживании недоразумений с латышскими стрелками... Когда я познакомился с ним, он был в непримиримой оппозиции против Временного правительства. Но его настроение переменялось после моего обещания выхлопотать ему производство в генералы»². Документы же свидетельствуют и об иных настроениях Вацетиса тех дней. Один из его проектов, датированный 20 мая 1917 г., предполагал занятие А.Ф. Керенским поста главнокомандующего. В обоснование этой мысли отмечалось, что «Керенский – единственный человек, который может дать революционной армии недостающий ей мощный импульс».

Керенский – маховое колесо свободной революционной России и он должен стать во главе Действующей Армии под названием – Верховный Вождь русской армии»³. Вацетис полагал, что революционная армия только крепнет⁴.

Вацетис обратил на себя внимание большевистского руководства в самом начале 1918 г., отличившись в борьбе с польским корпусом генерала И.Р. Довбор-Мусницкого в Белоруссии. С тех пор его позиции стали укрепляться. Весной 1918 г. он стал командиром Латышской стрелковой дивизии. Трамплином же к достижению высшего поста в РККА стало лояльное большевикам поведение и решительные действия в период подавления восстания левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г. Успешное подавление было осуществлено, в значительной степени, благодаря Вацетису и верным ему латышским стрелкам. В результате большевистская власть в столице удержалась. Вацетис произвел тогда благоприятное впечатление на председателя СНК В.И. Ленина, с которым вместе с Н.И. Подвойским они в тот тревожный день ели хлеб в

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 108.

² *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 200.

³ ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 80б.

секретариате Ленина, отламывая от одного куска¹. На всю жизнь будущий главком запомнил вопрос Ленина, обращенный к нему: «Товарищ, выдержим до утра?»² Благодаря успеху в подавлении восстания, Вацетис уже через несколько дней возглавил борьбу с внутренней контрреволюцией на единственном тогда Восточном фронте.

Отношения с другими видными военспецами, стоявшими у истоков Красной армии, М.Д. Бонч-Бруевичем и С.С. Каменевым, складывались у Вацетиса непросто. Вацетис прямо отмечал недоброжелательность по отношению к себе со стороны Бонч-Бруевича, когда стало известно о высоком назначении, причем связывал это с конкуренцией³. С подчиненностью Вацетиса полной определенности не было. С одной стороны, Вацетис подчинялся ВВС и Бонч-Бруевичу, как его военруку, с другой – работал напрямую с Троцким и Лениным, а по линии обеспечения войск зависел от оперативного отдела наркомата по военным делам (Оперода), который возглавлял С.И. Аралов.

Их конфликт с Бонч-Бруевичем имел долгую предысторию. Вполне возможно, что его истоки относятся к учебе Вацетиса в академии. Во всяком случае, Вацетис упоминал в мемуарах о конфронтации с не терпевшим возражений профессором на экзамене по тактике⁴. Именно таким человеком был Бонч-Бруевич. Один из знавших его офицеров, вспоминая Офицерскую стрелковую школу, отмечал: «В особенности отличался полковник Бонч-Бруевич, тот самый, который так ревностно в настоящее время служит большевикам. Ему даже на его несправедливое замечание нельзя было возразить, да он и разговаривать не станет, а то вылетишь из школы или поставят дурные отметки»⁵.

Запомнившийся обоим конфликт⁶, видимо, случился уже в Могилеве в конце 1917 г. Бонч-Бруевич занимал тогда пост начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего, а Вацетис руководил оперативным отделом революционного Полевого штаба.

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

³ *Вацетис И.И.* Гражданская война. 1918 год // Память. Исторический сборник. Вып. 2. Париж, 1979. С. 53.

⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 97.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 27. Л. 22об.

⁶ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 315.

Документально же конфронтация прослеживается с более позднего времени.

Вацетис отмечал, что «разногласия между мною и М.Д. Бонч-Бруевичем носили непримиримый характер»¹. Возможно, Вацетис, который был младше Бонч-Бруевича на три года по возрасту и младше по службе, считал этого бывшего генерала недостаточно энергичным для Гражданской войны. Бонч-Бруевич же, как отмечалось, скорее всего, увидел в Вацетисе конкурента в борьбе за лидерство среди военспецов. Хорошим отношениям не способствовало и то, что Вацетис и Бонч-Бруевич в разное время были один для другого как начальником, так и подчиненным. Если в 1918 г. Вацетис, будучи главнокомандующим Восточным фронтом, подчинился Бонч-Бруевичу, то летом 1919 г. уже Бонч-Бруевич некоторое время по должности начальника Полевого штаба РВСР служил подчиненным Вацетиса.

Если верить мемуарам Вацетиса, конфликт с Бонч-Бруевичем в 1918 г. даже предопределил конфигурацию высших органов управления РККА. По свидетельству Вацетиса, с этим связано создание поста главнокомандующего Восточным фронтом, а не военного руководителя, как ранее практиковалось в войсках завесы. Документальная основа для подобных утверждений имеется. Бонч-Бруевич, считавший, что вскоре должна возобновиться война с Германией, стремился насадить подобие завесы и на востоке страны, хотя считал «чехословацкий» фронт второстепенным. Созданный здесь в июне Восточный фронт директивами ВВС № 2993 и 3017 от 3 и 5 июля 1918 г. был переименован в восточный участок отрядов завесы (позднее, 4 августа, на севере России по аналогии был создан северо-восточный участок отрядов завесы)². Эта мера развития не получила, а РВС опротестовал преобразование. В изъятие из правил 11 июля Вацетис получил от СНК именно должность главнокомандующего фронтом³. Более того, при Вацетисе

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 287.

² Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): сб. док. М., 1969 (далее – ДГК). С. 847; *Симонов А.А.* Главком М.А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия «История. Международные отношения». Вып. 1. С. 36.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 287; Главкомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис: сб. док. Рига, 1978. С. 37.

был полноценный РВС фронта, обладавший неограниченными полномочиями в прифронтовой полосе. Вацетис считал, что за веса с ее отрядами вместо армий годится только для ловли контрабандистов¹. Он сразу понял значимость Восточного фронта и планировал создать здесь серьезную вооруженную силу. Однако распоряжения Бонч-Бруевича в отношении этого фронта тормозили дело военного строительства здесь и, по сути, отбрасывали его ко времени весны 1918 г. Сам Вацетис был склонен вести прямую переписку с В.И. Лениным в обход Бонч-Бруевича². По мнению Вацетиса, Бонч-Бруевич «стремился поставить своего конкурента в такое же положение, в каком находились лишенные размаха действий жалкие военруки завесы отрядов на западе, севере и юге»³. По словам Вацетиса, «военрук Высшего военного совета [Бонч-Бруевич] вел себя по отношению к Восточному фронту как дежурный по караулам»⁴. Под воздействием неприязни к Бонч-Бруевичу Вацетис добавлял: «Лично мне даже кличка “военрук” казалась противной и отвратительно-мерзкой»⁵.

Следующим шагом Вацетиса на пути к руководству Красной армией стало по-настоящему героическое участие в боях за Казань в начале августа 1918 г. Тогда вместе с верными латышами он до последнего оставался в городе, участвовал в уличных боях и едва не погиб. В 1919 г., когда советская военная машина уже в целом наладилась, такое окружение главкома, преданное ему лично, а не большевикам стало казаться советскому руководству подозрительным. Но в августе-сентябре 1918 г. важным было то, что именно под руководством Вацетиса были достигнуты успехи в борьбе с антибольшевистскими силами в Поволжье.

Вацетис считал Бонч-Бруевича карьеристом и конъюнктурщиком, интриганом и представителем верхушки реакционного генералитета⁶. Все это было недалеко от истины. По его мнению, Бонч-Бруевич трудился «легкомысленно и лукаво», занимался «органи-

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

² Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 54–55, 63–67.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 288.

⁴ Там же. Л. 296.

⁵ Там же. Л. 297.

⁶ Там же. Л. 109.

зационно-оперативной галиматьей»¹, а стиль его работы Вацетис даже именовал «бончизмом». Подобного рода эпитеты содержатся в неопубликованных мемуарах Вацетиса. Как итог деятельности Бонч-Бруевича в 1918 г., по мнению Вацетиса, «в общем и целом получилось такое впечатление, что Высший военный совет довел Советскую Россию до полнейшей беззащитности»².

Вацетис утверждал, что Бонч-Бруевич оказался в руководстве Красной армии случайно, поскольку «ловко учел момент и своим появлением в Смольном в тяжелые дни германского наступления сумел захватить в свои руки дело формирования Красной армии»³. В другом месте Вацетис записал: «М.Д. Бонч-Бруевич по занимаемой им должности являлся представителем оставшегося в пределах РСФСР старого Генерального штаба, который он собрал в составе народной армии, благодаря чему старый Генеральный штаб, проиграв мировую войну, ухитрился захватить в свои руки инициативу в военном строительстве советской России и очутился во главе этого дела»⁴.

По свидетельству Вацетиса, «военрук Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич и его антураж, одним словом высший генералитет старого Генерального штаба решили бросить ее (РККА? – А.Г.) в схватку *in corpore*. Военспецы Высшего военного совета (при Высшем воен[ном] совете был солидный штаб, долженствовавший при войне с Германией обратиться в Ставку) решили победить сопротивление главнокомандующего Вацетиса грубым и шумным оружием: они решили взять непосредственное руководство операциями на Восточном фронте в свои руки и ставить меня в положение не то военрука, не то технорука»⁵.

Намекая на негативное влияние своего оппонента, Вацетис отметил, что действительность Троцкого не интересовала, так как «он придавал больше веры фантастическим рассуждениям кучки авантюристов из верхушки старого Генерального штаба»⁶. Отбрасывая конъюнктурный антитроцкистский пафос мемуариста конца 1920-х гг., нельзя не заметить его старую обиду в связи с

¹ Там же. Л. 172, 179.

² Там же. Л. 180.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 178.

⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 41.

⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

непричислением к Генштабу. В другом отрывке оценка повторена: «Троцкий находился под влиянием реакционной верхушки старого Генерального штаба»¹.

Бонч-Бруевич, в свою очередь, платил Вацетису той же монетой: «Я частенько сталкивался... с плотным, простоватым и даже грубоватым Вацетисом»², «Вацетиса я как-то крепко одернул, воспользовавшись тем доверием, которое мне оказывал Ленин»³, «Вацетис же... самочинничал, нанося этим немало вреда делу обороны».

Приказы Высшего Военного Совета он явно игнорировал. Но время от времени я все-таки получал от него телеграммы – весьма резкие по тону и странные по существу»⁴.

На сложный характер взаимоотношений создателей РККА действительно проливают свет скупые строки оперативных телеграмм. 2 августа 1918 г. Вацетис телеграфировал Бонч-Бруевичу с копиями Л.Д. Троцкому и С.И. Аралову: «Я просил прислать мне шесть лиц Генерального штаба и четырех военных инженеров. Вы только теперь, т.е. семь дней спустя после моего заявления о высылке мне вышеозначенных специалистов снова запрашиваете, каких специалистов мне надо. Проволочка в столь критическое и требующее чрезвычайного напряжения всей наличной энергии время недопустима...»⁵

3 августа 1918 г. на эту телеграмму последовал строгий ответ Бонч-Бруевича, в копии направленный Троцкому: «Предлагаю Вам обращаться за высылкой необходимых специалистов и прочими нуждами не ко мне лично, а к Высшему военному совету. Вам должно быть отлично известно, что в моем распоряжении по должности нет ни одного человека. Ваше замечание относительно моего семидневного промедления по существу неверно, так как заботой относительно высылки людей я не промедлил ни одного часа. Кроме того, предлагаю Вам в отношении лично ко мне быть строго дисциплинированным и не присваивать себе никем не данного Вам права делать мне замечания. Призываю Вас для пользы дела к строгому воинскому подчинению. Военрук Высшего воен-

¹ Там же. Л. 211.

² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 236.

³ Там же. С. 315.

⁴ Там же.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 29. Л. 44.

ного совета Бонч-Бруевич»¹. Как мы знаем, Бонч-Бруевич был из тех людей, которые не терпят возражений. Неудивительна его резкая реакция.

За Вацетиса на это ответил РВС Восточного фронта: «Право делать замечания Бонч-Бруевичу, как это сделано в телеграмме № 0831 дает Реввоенсовету революционный долг, который отходит на задний план у Бонч-Бруевича, утопающего в формалистике завес и академических изысканий, ничего общего не имеющих с живой действительностью. № 00911. РВС Данишевский, Лацис»².

Троцкий пытался примирить конфликтовавших военспецов. 5 августа он телеграфировал в Казань К.Х. Данишевскому: «Вашу телеграмму 00911 считаю в корне неправильной. Вацетис в оперативном отношении подчинен [в] общем порядке военруку Выс[шего] воен[ного] совета. Если Реввоенсовет считает неправильными те или другие указания М.Д. Бонч-Бруевича, Реввоенсов[ет] может войти с представлением ко мне или председателю Совнаркома.

Соблюдение организационного порядка необходимо при всяких условиях. Целый ряд ваших нареканий против М.Д. Бонч-Бруевича основан на недоразумениях, плохой связи и провокационной путанице со стороны телеграфных белогвардейцев. Прошу верить, что все усилия и мои и Бонч-Бруевича направлены на обеспечение всем необходимым вашего фронта, самого важного сейчас для страны. Прошу не раздувать технических трений и конфликтов, возникающих неизбежно во всяком большом деле. Наркомвоен Троцкий»³.

В начале августа Вацетис отмечал, что Бонч-Бруевич произвольно распыляет войска по Восточному фронту и просил возложить отправку пополнений на восток не на Бонч-Бруевича, а на Оперод С.И. Аралова⁴. В своем докладе «Ход военных действий на Восточном фронте», датированном 13 августа и адресованном В.И. Ленину⁵, Вацетис описал всю историю того, как Бонч-Бруевич препятствовал укреплению Восточного фронта: «Во главе [4-й] армий стояли совершенно неопытные люди, так что мне приходи-

¹ Там же. Л. 44–44об.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 318.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 8. Л. 17.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 4. Д. 31. Л. 324, 327.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 8. Л. 51–66.

лось руководить не только армиями, но и их отдельными боевыми участками. Мною были затребованы через военрук[а] Высшего военного совета шесть опытных [лиц] Генерального штаба и четыре военных инженера для укрепления Казани. Но ни те, ни другие на фронт не прибыли¹. Далее Вацетис отмечал, что «все наши мероприятия по посылке резервов на Восточный фронт приводили к нежелательным последствиям. Резервы слишком запоздали прибыть на помощь обороне Казани. По многим вопросам первой практической важности возникали совершенно нежелательные трения, как между мною и военным руководителем Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичем, так и между моими помощниками и военным элементом Высшего военного совета»².

На основании непроверенных данных Бонч-Бруевича Вацетис сделал замечание командующему 1-й армией М.Н. Тухачевскому, на что получил ответ о том, что кто-то пускает провокационные сведения. Показательна телеграмма Вацетиса от 24 августа 1918 г., направленная в этой связи Ленину, Бонч-Бруевичу и Троцкому: «Военрук Бонч-Бруевич, собирая неизвестно где сведения о работах и состоянии частей армии, ставит меня в ложное положение... Официальные сообщения, идущие из высшего органа воен[ного] ведомства без достаточной проверки, неосновательны, нервнируют армию»³. Стоит отметить, что попытки втянуть в этот конфликт большевистских вождей в качестве союзников предпринимала каждая из сторон.

20 августа 1918 г. председатель Высшей аттестационной комиссии наркомата по военным делам А.И. Егоров составил записку с предложением учредить в Советской России пост главнокомандующего и вместо коллегиального ВВС создать штаб главнокома, куда бы влились штаб ВВС и Оперод. Записка была направлена В.И. Ленину и Н.И. Подвойскому. На документе имелась резолюция Ленина: «Т. Троцкий. Подумайте об этом. Не назначить ли Вацетиса Верховным главнокомандующим? Ленин»⁴. Таким об-

¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 30. Л. 1об.

² Там же. Л. 3об. Также см.: Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 66.

³ The Trotsky papers 1917–1922. Edited and annotated by J.M. Meijer. Vol. 1. 1917–1919. L.; Hague; P., 1964. P. 110. Также см.: Архив Гуверовского института (НИА). Trotsky collection. Box 8. Folder 40.

⁴ НИА. Trotsky collection. Box 8. Folder 6.

разом, идея назначения Вацетиса, лично известного Ленину, была выдвинута самим лидером большевиков. Пост главнокомандующего всеми вооруженными силами республики был введен в Советской России 6 сентября 1918 г. и достался Вацетису.

Впрочем, Вацетис все время ходил по лезвию. Сам того не ведая, бывший полковник превратился для большевиков из заурядного, хотя и преданного, военспеца в политическую фигуру. Несмотря на безупречную репутацию Вацетиса, его большой вклад в спасение Советской власти и ожидавшееся высокое назначение, Ленин 30 августа 1918 г. телеграфировал шифром в Свияжск Троцкому: «Надо принять особые меры против высшего командного состава. Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел... как Вацетиса, так и командарм под Казанью и высших командиров в случае затягивания и неуспеха действий?»¹. По всей видимости, Вацетиса спас Троцкий. Показательно отношение Ленина к Вацетису – всего через несколько дней после предложения назначить его главнокомандующим Ленин похожим вопросительным оборотом предлагал его же расстрелять. Подобный сумбур и непоследовательность едва ли свидетельствуют о продуманности ленинской военной политики в то время.

По характеристике видного военспеца, бывшего генерала А.Е. Снесарева, встречавшегося с Вацетисом 23 сентября 1918 г., «у него (Вацетиса. – А.Г.) просто, он одет граждански, толстый, жирный. По акценту скорее напоминает чухну. Кругом него только латыши... русским духом не пахнет. Он держит себя уверенно, резонирует много, повторяет несколько раз любимые фразы, например: “Если вы умнее меня, то вам и карты в руки. Я уступлю свое место”. Он ординарен до крайности, мысли его простоваты, разумны, если угодно, но и только. Если он талантлив, то это 1-й латыш из виденных мною, но едва ли он исключение... упрям он несомненно... О русском народе он говорит с худо скрытым презрением и повторяет, что ему нужна палка... Его мысль – не отводить войска в тыл или чуть, а практиковать их боем. Словом, ловкий инородец, взобравшийся наверх среди русского кладбища, ловко потрафивший власть имущим... В области Ген[ерального] штаба в нем виден недоучка, а потому и дилетант, а еще более

¹ НИА. Trotsky collection. Box 3. Folder 13.

фантазер... На мой вопрос, сколько Красной армии, он отвечает незнанием, но прибавляет, что к весне будет втрое больше, чем теперь. Что делается на Дал[ьнем] Востоке, он не знает, и спрашивает об этом Парского... “Теперь прежней разведки нет”... И этот неготовый, полуниспеченный специалист, вдобавок фантазер, стоит во главе всего дела. Какие же шансы?... А слова его и надежды – или полная неспособность реальной оценки обстановки, или дурачение нас... на кого и зачем?»¹. Снесарев оказался излишне критичен, поскольку Вацетис на посту главкома зарекомендовал себя с хорошей стороны.

Как отмечал видный большевистский военный деятель Н.И. Подвойский, «во главе военного командования всеми вооруженными силами республики оказался революционер в военном деле, большой самородок, талант в стратегии И.И. Вацетис»². По мнению генштабиста С.Д. Харламова, Вацетис «достаточно авторитетен среди рядового командн[ого] состава. Думаю, в том числе и бывш[их] офицеров. Человек достаточно общительный, умеет разговаривать с массой. Знает многих и его, конечно, многие знают...»³ Несомненно, у Вацетиса имелись значительные амбиции, а его письменный стол в награду за успешное командование Восточным фронтом украсил чернильный прибор «Наполеон» со статуэткой французского императора.

Показателен портрет Вацетиса, составленный антибольшевистски настроенным историком Ю.В. Готье 18 июня 1920 г.: «Сегодня я попал в Военно-историческую комиссию, где читался доклад о “рижской операции” в августе 17-го года... Из именитых деятелей был пресловутый Вацетис, скобленное гаерское рыло, видимо, неглупый плут, но не более»⁴.

Характеристика Вацетиса как преподавателя Военной академии РККА 1922 г. довольно критична: «Совершенно неудовлетворительное чтение как по содержанию, так и по форме... Плохое владение русским языком... узкий кругозор»⁵. В характеристике 1924 г.

¹ Снесарев А.Е. «Вся Россия – больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 37–38.

² Военная академия за пять лет / под ред. М.Л. Белоцкого, И.Г. Клочко, Е.А. Шиловского. М., 1923. С. 26.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 30об.

⁴ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 411.

⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 59об.

содержится более высокая оценка: «Активный участник империалистической войны в самой гуще армии, руководитель Красной армии первых двух лет ее борьбы, несомненно, создали в т. Вацетисе широкий красный стратегический кругозор, заключающий в себе ряд оригинальных мыслей.

Будучи при этом образованным военным человеком, не отстающим от военной жизни, тов. Вацетис является весьма ценным руководителем в Военной академии, в особенности, принимая во внимание его органическую ненависть к рутине мысли и методов руководства.

Склонность к обобщающим выводам, зачастую очень оригинальным, нередко, правда, не выдерживающим критики, но всегда очень смелым (с точки зрения рутины), влиятельное (вероятно, внимательное. – *А.Г.*) отношение к сущности вопроса и товарищеский подход к слушателям вместе с демократическим (в настоящем смысле слова) обращением делают его весьма полезным руководителем в академии. Как лектор – плох.

Кроме руководства по стратегии, т. Вацетис читает с кафедры военную историю в части мировой войны (Вост[очно]-Прусская операция) и гражданской (Вост[очный] фронт).

Выбившись в офицеры Генштаба из крестьян, тов. Вацетис всю свою военную службу проходил под знаком фронды по отношению к старому строю, затиравшему его по причине его происхождения.

Октябрьский переворот тов. Вацетис воспринял с радостью.

Вот почему т. Вацетис, безусловно, должен считаться своим человеком, связанным с республикой»¹.

Тем не менее, у слушателей сохранились светлые воспоминания о Вацетисе-преподавателе. Выдающийся советский военный историк, генерал-майор Е.А. Разин вспоминал: «Из преподавателей тактики той группы, в которой я учился, наиболее глубокие знания давал бывший главком И.И. Вацетис. На занятиях в классе и в поле он всегда стремился то или иное положение теории военного искусства подкрепить примером из военно-исторической практики, особенно из войн XX века и богатой личной боевой практики. Вацетис делился с нами и замыслами своей научной работы, а иногда приглашал на квартиру, читал отдельные разделы рукописи и спрашивал наше мнение»².

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 21.

² *Разин Е.А.* Тридцать семь лет с военной академией // 40 лет военной академии имени М.В. Фрунзе. М., 1958. С. 101.

Летом 1918 г., вероятно, с целью укрепить положение Вацетиса и поощрить своего нового главного военспеца в болезненном и значимом для него вопросе, большевики, вопреки всем правилам, перевели его в Генеральный штаб. Перевод состоялся 30 августа 1918 г. (в тот же день, когда Ленин предложил его расстрелять) по решению заместителя наркома по военным делам Э.М. Склянского¹.

Во второй половине августа 1918 г. на волне конфликта с Вацетисом, пользовавшимся очевидной благосклонностью партийных руководителей, Бонч-Бруевич стал просить большевистское руководство об отставке по состоянию здоровья. В своих воспоминаниях он привел, по всей видимости, искаженную картину событий. Якобы побудительной причиной ухода со службы стало осознание того факта, что ВВС свое отжил. Далее, однако, следовала проговорка, что Бонч-Бруевич не видел себя на должности главкома ни по возрасту, ни по идейной подготовке². Как мы знаем, в главкомы тогда прочили совсем другого кандидата, причем основного оппонента Бонч-Бруевича.

В этом смысле совпадение дат не кажется удивительным. Бонч-Бруевич стал просить об отставке 20 августа 1918 г. – в день, когда была озвучена идея учреждения поста главкома, назначения на него Вацетиса и упразднения ВВС. Тогда он направил рапорт Ленину: «Тяжелый труд, который я нес без малейшего отдыха с первого дня мобилизации 1914 года в течение всей войны и до настоящего времени, связанный с нравственными потрясениями военного времени окончательно надломил мой организм. Ведя борьбу с болезненным состоянием в течение последнего времени, я все-таки, по признанию врачей, не в силах побороть проявления больного моего организма и потому в данное время оказываюсь совершенно неспособным к работе по занимаемой мною должности.

Ввиду изложенного прошу для пользы дела уволить меня от службы.

Сознавая необходимость сохранить преемственность в работе и то ее напряжение, которого требуют современные тяжелые обстоятельства, позволяю себе рекомендовать моим заместителем в должности военного руководителя Высшего военного совета: или Управляющего делами народного комиссариата по военным делам

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 20. Л. 106, 110.

² *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 311.

Николая Михайловича Потапова или главного начальника снабжений Евгения Ивановича Мартынова. Впредь до назначения одного из названных кандидатов – прошу разрешения сдать должность начальнику штаба Высшего военного совета Николаю Иосифовичу Раттэлю, который и вступит во временное исполнение должности военного руководителя Высшего военного совета»¹. К рапорту прилагалось заключение врачебного консилиума.

Троцкий, которому Ленин сообщил о просьбе Бонч-Бруевича, отставку первоначально давать не хотел². В телеграмме Ленину от 21 августа 1918 г. он прямо писал: «Что касается отставки Бонч-Бруевича, то предлагаю ее не принимать, а дать ему отпуск для поправления здоровья на две недели или на месяц. Он нам нужен, заменить его некем, лица, на которых он указывает, не годятся. Возможно, что его в мое отсутствие стали ущемлять...»³ Самому Бонч-Бруевичу Троцкий телеграфировал о неожиданности его прошения⁴.

После повторного ходатайства Троцкий был вынужден уступить⁵. Скорее всего, серьезных проблем со здоровьем Бонч-Бруевич тогда не испытывал. Имело место переутомление и напряженность вследствие конфронтации с Вацетисом. Во всяком случае, он прожил еще 38 лет, а примерно через месяц после ухода со службы не выдержал бездействия и устроился на работу в Межевой институт. Следовательно, «болезнь» носила дипломатический характер.

Однако уход Бонч-Бруевича имел организационные последствия. 26 августа он оставил пост военрука ВВС, а через полторы недели ВВС был упразднен. 24 августа Троцкий телеграфировал Ленину с копией Склянскому, что после размышления счел целесообразным уволить Бонч-Бруевича на общих основаниях и возложить текущую работу на Н.И. Раттэля, не назначая заместителя. «Это облегчит необходимую реорганизацию в ближайшее время»⁶. Таким образом, добровольный уход Бонч-Бруевича способствовал скорейшей ликвидации ВВС.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 141.

² НИА. Trotsky collection. Box 4. Folder 20.

³ НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 10.

⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 312.

⁵ НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 13; 15.

⁶ *Ibidem.* Folder 15.

С обязанностями главкома Вацетис успешно справлялся. Работая с полным напряжением сил, он, в целом, верно оценивал степень опасности, которую представлял тот или иной фронт для окруженной Советской России. Именно при нем белые были отброшены из Поволжья осенью 1918 г., а затем на Восточном фронте весной 1919 г. была достигнута первая серьезная победа Красной армии – остановлено наступление колчаковских войск. С подачи Вацетиса партийным руководством в 1919 г. была проведена в жизнь идея военного единства советских республик¹.

Вацетису были не чужды идеи корпоративной солидарности бывших офицеров – выпускников Николаевской академии. При каждом удобном случае он старался поддержать военспецов, содействовать их скорейшему освобождению в случае ареста, помогать с назначениями. Более того, он позволял себе направлять большевистским вождям весьма откровенные и довольно резкие доклады, с завидной горячностью заступался за арестованных спецов. Такая прямолинейность и смелость, очевидно, проистекали из непонимания особенностей карательной политики большевиков, нередко прибегавших к упреждающему террору против тех, кто показался потенциально нелояльным.

По всей видимости, Вацетис действительно проникся идеями большевиков. Показательна одна из его телеграмм во Всероссийский главный штаб от 29 августа 1918 г. таким же военспецам: «Работа генштабистов крайне важна на боевом фронте, где решается, быть может, великая задача нашего будущего...»² Вацетис не был контрреволюционером, а выдвинутые против него летом 1919 г. обвинения в заговоре и намерении «тряхнуть Москвой» весомых подтверждений не находят. Недовольство военспецов своим положением и резкие слова в адрес большевиков могли звучать в серпуховской ставке красных, но едва ли в этом вопросе кто-то шел дальше обывательских разговоров. Впрочем, Троцкий заметил, что Вацетис был или мог быть подвержен влиянию контрреволюционных элементов. По мнению Троцкого, изложенному в телеграмме на имя Ленина от 1 декабря 1918 г., «при главкоме необходим твердый и тактичный комиссар, но где его взять?»³. При этом,

¹ The Trotsky papers 1917–1922. Edited and annotated by J.M. Meijer. Vol. 1. 1917–1919. L.; Hague; P., 1964. P. 354, 356.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 24. Л. 14об.–15.

³ The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 192.

думается, главком понимал, что, заняв высший пост в РККА, он навсегда отрезал себе пути к отступлению. В антибольшевистском лагере военспец такого ранга ждала неминуемая казнь. Против большевиков Вацетис пойти уже не мог – это было равносильно добровольному обречению себя на смерть.

Конфликт Вацетиса с Бонч-Бруевичем оказался заморожен до лета 1919 г., когда служебная необходимость вновь свела вместе двух непримиримых врагов. Возвращение Бонч-Бруевича, причем сразу на высокий пост начальника Полевого штаба РВСР, имело очевидные причины. Дело в том, что он, отойдя от дел, оказался в распоряжении СНК и не утратил связи с В.И. Лениным, которого регулярно снабжал своими аналитическими записками по различным военным вопросам. Благодаря этому Бонч-Бруевич постоянно напоминал о себе лидеру большевиков, пользовался его доверием и расположением и, можно сказать, оставался в кадровом резерве Ленина.

Когда Ленин в мае-июне 1919 г. задумал осуществить смену главного командования и начал готовить почву для дела Полевого штаба РВСР, он вспомнил о Бонч-Бруевиче. 15 июня 1919 г. вопрос о Ставке обсуждался на заседании ЦК РКП(б). На заседании было принято решение оставить Вацетиса в должности, а начальником Полевого штаба назначить Бонч-Бруевича, ввести в состав РВСР С.И. Гусева, переведившегося с Восточного фронта, с поручением ему и Бонч-Бруевичу сократить и изменить состав Ставки¹. 23 июня 1919 г. Бонч-Бруевич занял пост начальника Полевого штаба РВСР вместо бывшего генерала Ф.В. Костяева². На этом посту он пробыл в период смены военного руководства до 22 июля 1919 г., пока не был заменен ближайшим сотрудником нового главкома С.С. Каменева П.П. Лебедевым. В это время вплоть до ареста Вацетиса Бонч-Бруевичу пришлось с ним работать, причем еще более тесно, чем в 1918 г.

О своих взаимоотношениях с Вацетисом в 1919 г. вспоминал сам Бонч-Бруевич: «Идти к Вацетису в подчинение я решительно не хотел. Я не ладил с ним ни будучи начальником штаба Ставки, ни сделавшись военным руководителем Высшего военного совета. К тому же я был значительно старше его по службе. В то

¹ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 291.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 264.

время, когда я в чине полковника преподавал тактику в академии Генерального штаба, поручик Вацетис был только слушателем и притом мало успевавшим. Позже, уже во время войны, мы соприкоснулись на Северном фронте, и разница в нашем положении оказалась еще более ощутимой: я, как начальник штаба фронта, пользовался правами командующего армией, Вацетис же командовал батальоном и в самом конце войны – одним из пехотных полков.

Мой служебный опыт настойчиво говорил мне, что на высших постах в армии, во избежание неизбежных в таких случаях трений, никогда не следует становиться под начало младшего, менее опытного по службе начальника»¹.

Бонч-Бруевич в свойственной ему манере лукавил. В бытность Вацетиса слушателем академии, он имел чин штабс-капитана, а Бонч-Бруевич был подполковником и полковником. Разница между ними была не столь велика, как ее рисует Бонч-Бруевич. Последний был старше Вацетиса лишь на три года, даже на службу два офицера пошли одновременно (Бонч-Бруевич до этого учился в Межевом институте), но по службе Бонч-Бруевич действительно выдвинулся быстрее. Однако не из-за своих интеллектуальных или административных способностей, а, видимо, потому, что был в большей степени нацелен на карьеру. Трамплином для Бонч-Бруевича стала его служба в гвардии и окончание академии Генерального штаба. Возможно, повлияли дружба с генералом М.И. Драгомировым и обаяние имени последнего. Вацетис же довольно поздно поступил в академию – не через три года строевой службы, как было минимально установлено, и чем воспользовался Бонч-Бруевич, а лишь через пятнадцать лет. При этом боевого опыта до Первой мировой ни тот, ни другой не имели.

Масла в огонь конфликта добавляла полученная Бонч-Бруевичем санкция Ленина работать независимо от Вацетиса. О наличии такого разрешения ему сообщил родной брат – В.Д. Бонч-Бруевич². Описание встречи с Вацетисом в мемуарах Бонч-Бруевича просто пышет ядом и язвительностью: «На следующий день с утра я отправился к Вацетису. Главнокомандующий жил в комфортабельном особняке местного фабриканта. Аляповатая роскошь, которой окружил себя в Серпухове Вацетис, не понравилась мне. Даже царскому генералу не приличествовало на

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 334–335.

² Там же. С. 335.

войне изображать из себя эдакого изнеженного барина, а уж пролетарскому полководцу подавно... Не понравилось мне и окружение главкома: заменившие прежних адъютантов многочисленные “порученцы”, такие же верткие и нагловатые, как и их предшественники; откормленные вестовые с тупыми лицами бывших денщиков и чуть ли не с нитяными перчатками на огромных руках; купеческая роскошь гостиной, превращенной в приемную главкома; подозрительное обилие пустых бутылок в прихожей, – словом, весь тот непривлекательный антураж, который был свойственен дореволюционному военному начальству из интендантов.

Вацетис еще спал, и это тоже не понравилось мне. Положение республики было напряжено до крайности... и уж кто-кто, а главнокомандующий мог не нежиться так поздно на роскошной кровати фабрикантши.

Прошло с полчаса, пока Вацетис встал и привел себя в порядок. Приняв меня все в той же гостиной, он с излишней готовностью предложил мне вступить в должность начальника своего штаба.

– Я назначен не к вам, а в Полевой штаб республики, – сказал я. – Отсюда ясно, что ваш начальник штаба должен по-прежнему нести службу.

– В таком случае я ничего не понимаю. Да, не понимаю, – повторил Вацетис и недоуменно поглядел на меня своими водянистыми глазами. – Это какая-то путаница...

Я терпеливо объяснил главкому, что никакой путаницы нет...

– Скажите, какие директивы в отношении ведения военных операций имеете вы от правительства? – перешел я к наиболее интересующему меня вопросу.

– Представьте, Михаил Дмитриевич, никаких директив, – растерянно сказал Вацетис.

Мое появление в Серпухове, да еще в не понятной для него роли застигло главкома врасплох, и он, видимо, не очень владел еще своими мыслями.

– Конечно, я не раз просил и директив, и указаний, но... Да, да, представьте себе, решительно ничего не получал в ответ, – начал жаловаться Вацетис.

Жалобы эти показались мне неискренними, и я коварно спросил:

– Стало быть, вы ведете операции по собственному усмотрению и на свой страх и риск?

Вацетис начал путанно объяснять, что, конечно, какие-то директивы он все-таки получает, но все это не то, чего бы хотелось...

Расставшись, наконец, с главкомом, я понял, что между ним и правительством нет должного контакта, а без него руководить обороной нельзя; что, вероятно, и сам Вацетис понимает, насколько не справился с порученным ему делом, и продолжает командовать только по инерции, явно тяготясь этим делом»¹. При этом сам Вацетис вспоминал, что, будучи главкомом, начинал свой день в шесть утра, а в семь уже знакомился с оперативными сводками, не имел ни свободного времени, ни личной жизни². Впрочем, упоминания о том, что главком питал слабость к алкоголю, исходят из разных источников³ и, скорее всего, достоверны.

Бывший Генштаба капитан А.В. Панов, служивший в Полевом штабе РВСР, спустя много лет после Гражданской войны вспоминал о ненормальных взаимоотношениях двух основоположников РККА: «Бонч-Бруевичу не удалось сработаться с Вацетисом. Между ними часто возникали существенные разногласия. Причину разногласий объяснил впоследствии сам Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях... Однажды я был свидетелем такой сцены: Бонч-Бруевич подписал заготовленную в оперативном управлении директиву и передал ее Вацетису для подписи. Главком, прочтя директиву, вдруг встал со своего места и заявил: “Я этого не подписываю. Вы написали вопреки моему мнению. Потрудитесь переделать”. Но Бонч-Бруевич спокойно заявил, что как начальник штаба он в равной мере с главкомом ответствен за деятельность главнокомандования, а с мнением Вацетиса по данному вопросу он не согласен, о чем уже докладывал раньше. Поэтому текст данной

¹ Там же. С. 335–337.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 126.

³ Своему товарищу по службе бывшему генералу А.Л. Носовичу в дружеской беседе в 1918 г. Вацетис говорил: «Ну, брат, теперь выпьем... А что же теперь нам, военным, осталось, как не женщины, выпить, хорошо поесть и воевать...» (Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). *Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC)*. F. Nossovitch. F delta rés 843 (2) (6) (2)). Box 1. Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 3. Гл. 3. С. 112.); «Вацетис неутомимо инспектировал. Это позволяло ему проводить его время в большой относительно праздности, выпивке и других развлечениях, которые он достаточно умел ценить» (Там же. С. 113). Также см.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: док. / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 130; *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013. С. 254–259.

директивы переделке не подлежит. Так и не стал Бонч-Бруевич переделывать директиву»¹. Данное описание, несмотря на советские цензурные ограничения, касалось примерно двухнедельного сотрудничества этих военспецов. Трудно предположить, какие скандалы происходили между ними в действительности, если отдельные инциденты настолько запомнились мемуаристу, что были изложены им в деталях через сорок с лишним лет.

По свидетельству Вацетиса, Троцкий был в курсе конфликтных отношений главкома с Бонч-Бруевичем². Очевидно это и из опубликованных выше документов. Если конфликт не был тайной, то какую цель преследовало решение ЦК назначить Бонч-Бруевича к Вацетису в Полевой штаб? Видимо, вовсе не организацию планомерной работы советской Ставки, а, скорее, дискредитацию и травлю главкома, подготовку его предстоящего смещения. К сожалению, в своих воспоминаниях Вацетис эти акценты не отразил, сосредоточившись на разоблачении троцкистов, к которым отнес и Бонч-Бруевича, что не соответствовало действительности. Суть происшедшего в интерпретации Вацетиса сводилась к интригам против него и его штаба со стороны руководства Восточного фронта³. Основания для этого, безусловно, были. Но одними интригами РВС Восточного фронта проблема не исчерпывалась.

Независимое положение Вацетиса было терпимо до определенного предела. В разгар борьбы с Колчаком весной 1919 г. вопрос о смене главкома не был уместен, поскольку мог повредить успехам на фронте. Однако, когда стало ясно, что наступление Колчака захлебнулось, кадровая перестановка стала возможной.

Недоброжелателей у Вацетиса среди большевистского руководства хватало. Так, его отношения с И.В. Сталиным осложнял конфликт в октябре 1918 г. в связи с событиями на Южном фронте и резкие телеграммы Вацетиса с критикой действий Сталина. По свидетельству Троцкого, Сталин с ненавистью относился к Вацетису⁴. Неудивительно, что он оказался одним из горячих сторон-

¹ Панов А. В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 68–69.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 11. Л. 64–65.

⁴ Троцкий Л. Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 107.

ников чистки в Ставке¹. «Я никогда не проверял этого эпизода, – отмечал Троцкий. – Вполне допускаю, однако, что в аресте Вацетиса играл роль Сталин, который таким образом мстил за некоторые старые обиды. Вместе со Сталиным реванш брал Восточный фронт и с ним вместе новый главнокомандующий²... за эпизодом ареста явно чувствовалась интрига...»³

Ненавидел Вацетиса и влиятельный латышский большевистский деятель К.Х. Данишевский – кандидат в члены ЦК РКП(б) (избран на VIII съезде партии) и заместитель председателя СНК Советской Социалистической Латвии, имевший прямой выход на Ленина. В июле 1919 г. Данишевский выступил перед ЦК с докладом, содержащим резкую критику главного командования. Он же в составе особой комиссии ЦК был направлен Лениным 5–6 июля в Серпухов для разбора дела Полевого штаба и руководства практической реализацией смены командования. В записке в ЦК, составленной 7 июля, именно Данишевский настаивал на срочной смене Вацетиса⁴. Неприязнь Данишевского к Вацетису была настолько сильна, что, даже спустя полтора десятка лет, он не упомянул о Вацетисе в своих мемуарах, рассказывая об участии в подавлении левоэсеровского выступления в Москве 6 июля 1918 г.⁵ Между тем, Вацетис сыграл в тех событиях едва ли не решающую роль. Сам Вацетис, судя по его неопубликованным мемуарам, в свою очередь, с трудом терпел Данишевского и готов был взвалить на него вину, кажется, за все – от разгульной жизни и сдачи Риги в мае 1919 г. до клеветы на главкома и троцкизма⁶. Наконец, Вацетис слишком сработался с Троцким, что вызывало обеспокоенность Ленина. Назрел вопрос смены главкома.

Техническое исполнение смены командования было возложено на Особый отдел ВЧК. Бонч-Бруевич как доверенное лицо Ленина работал над предстоящей реорганизацией Полевого штаба в тесном контакте с председателем ВЧК Ф.Э. Дзержинским, причем

¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. Ноябрь 1917–1920. М., 1947. С. 263–264.

² Речь идет о С.С. Каменеве.

³ *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 108.

⁴ *Данишевский К., Каменев С.* Воспоминания о Ленине. М., 1934. С. 31.

⁵ Там же. С. 12–18.

⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.

произвел на последнего «хорошее впечатление человека делового, без камня за пазухой»¹.

3 июля 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) было принято решение о смене главкома и назначении на этот пост С.С. Каменева – командующего Восточным фронтом. Утвержден был и перенос Полевого штаба из Серпухова в Москву. Вацетису планировали дать «почетное военное назначение с приличным окладом»². Вскоре ключевые посты в советской Ставке заняло прежнее руководство Восточного фронта.

Однако ни почетного назначения, ни приличного оклада Вацетис не получил. 8 июля в Серпухове прошли аресты Вацетиса и его окружения, преподнесенные как разоблачение некоего военного заговора. Вероятно, речь шла как об осознанной компрометации бывшего главкома, а через него и Троцкого, так и о перестраховке. По всей видимости, существовали опасения, что Вацетис не захочет подчиниться решению о своем смещении, тем более в Серпухове был дислоцирован верный Вацетису 5-й Латышский стрелковый полк.

По всей видимости, к 1919 г. самого себя Вацетис уже относил к советскому военно-политическому Олимпу, считая «неприкасаемым». Поэтому он достаточно свободно обращался к партийным руководителям. В силу этого же мировосприятия арест явился для него полной неожиданностью и воспринимался им с нескрываемой обидой и непониманием на протяжении многих лет. Даже в характеристике Вацетиса как преподавателя Военной академии РККА за 1924 г. отмечено, что «снятие его с должности главкома произвело на тов. Вацетиса огромное впечатление в свое время, от которого он не может освободиться и по сей день»³. К моменту составления этой характеристики со смещения главкома прошло уже около пяти лет. Тем не менее, эти события все еще болезненно переживались Вацетисом.

После ареста Вацетиса временное исполнение обязанностей сразу по двум должностям – главкома и начальника Полевого штаба – взял на себя М.Д. Бонч-Бруевич. Вацетис позднее говорил,

¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 29. Л. 1; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: док. / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 128.

² The Trotsky papers 1917–1922. Vol. 1. P. 578.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 21.

что и под арестом продолжал осуществлять управление войсками¹. Насколько это верно – большой вопрос. Но с арестованным, учитывая его огромный опыт, вполне могли консультироваться по наиболее трудным вопросам.

22 сентября 1919 г. арестованный Вацетис отправил письмо Ленину, в котором убедительно доказывал абсурдность выдвинутых против него обвинений². Возможно, это письмо сыграло свою роль в последовавшем примерно через две недели решении освободить опального главкома из тюрьмы. Второе такое письмо он отправил Ленину 27 октября 1921 г. (там уже затрагивался вопрос взаимоотношений с С.С. Каменевым и РВС Восточного фронта)³. Президиум ВЦИК 7 октября 1919 г. принял постановление о прекращении дела⁴. При этом ВЧК предлагалось установить за Вацетисом тщательный надзор. Никаких доказательств существования заговора чекистам обнаружить не удалось. В дальнейшем Вацетис уже значимой роли в руководстве Красной армии не играл.

Карьера Бонч-Бруевича в руководстве РККА также завершилась летом 1919 г., вскоре после выполненной им миссии по чистке Полевого штаба. 22 июля 1919 г. он сдал должность начальника Полевого штаба П.П. Лебедеву⁵. С 31 августа 1919 г. Бонч-Бруевич был переведен в распоряжение начальника Всероссийского главного штаба, но за прежние заслуги ему сохранили оклад по должности начальника Полевого штаба РВСР⁶. Впрочем, за свою деятельность Бонч-Бруевич не был удостоен никаких наград. Лишь в 1926 г. он получил благодарность Реввоенсовета СССР в связи с 35-летием военной, учебной и научной деятельности⁷.

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. С. 340.

² ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 1-3об. Публикацию документа см.: Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / публ. А.В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43; Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013. С. 630–634.

³ Публикацию этого письма см.: Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. С. 230–235.

⁴ В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): сб. док. М., 1975. С. 237.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 319.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 76. Л. 375.

⁷ РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

Вацетис сохранил неприязнь к Бонч-Бруевичу и позднее. В 1923 г. вышла книга Вацетиса «О военной доктрине будущего». Досталось в ней и оппоненту, курс лекций которого в Николаевской академии, по оценке Вацетиса, «был бесцветным пересказом учебника тактики М.И. Драгомирова»¹. Прежние конфликты вылились и на страницы мемуаров отцов-основателей Красной армии, которые всячески поносили друг друга и преувеличивали значение тех учреждений, у истоков коих стояли. Бонч-Бруевич в своих мемуарах рисовал огромное значение ВВС, главком Вацетис, наоборот, принижал и ругал ВВС, но выпячивал роль главного командования.

Третьим военспецом, ставшим во главе РККА, был Сергей Сергеевич Каменев (03.04.04.1881 – 25.08.1936). По свидетельству учившегося с Каменевым в академии и дружившего с ним будущего белого генерала П.С. Махрова, «несмотря на его усидчивость, академия давалась ему трудно. На последнем, дополнительном курсе, его положение было критическим по общей сумме баллов»². Однако Каменеву досталась та же тема, которую за два года до того защитил брат Махрова Николай. Через П.С. Махрова был получен доклад его брата, что позволило Каменеву получить 12 баллов за тему, за что был благодарен Махровым на протяжении многих лет. По мнению П.С. Махрова, Каменев «был хорошим офицером Генерального штаба и отлично командовал полком в конце войны... во время революции он умел ладить с комитетами, а потом, попав в Красную армию, он служил большевистскому правительству так же честно, как и царю и Временному правительству»³.

По аттестации в связи со службой в штабе 1-й армии Каменев оценивался начальством как «по всем отношениям выдающийся офицер Генерального штаба и отличный боевой строевой начальник»⁴. Офицер считался достойным выдвижения на генеральские должности.

На посту командира 30-го пехотного Полтавского полка Каменев проявил себя как твердый начальник, обладающий муже-

¹ Вацетис И. О военной доктрине будущего. М., 1923. С. 103.

² Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 56.

³ Там же.

⁴ Каменев С.С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. Избранные статьи. М., 1963. С. 4.

ством, распорядительностью и хладнокровием, любящий военное дело, знающий быт офицера и солдата и заботящийся о них. Забота о солдатах, видимо, сыграла роль в том, что Каменев в 1917 г. был избран командиром полка. Обладая опытом работы с комитетами, Каменев довольно рано примкнул к красным в качестве военного специалиста, добровольно поступив на службу в Красную армию. По всей видимости, он считал необходимым продолжение борьбы с внешним врагом, но первоначально не стремился к вовлечению в Гражданскую войну. С начала апреля 1918 г. Каменев служил в войсках завесы, прикрывавших территорию Советской России от возможного возобновления войны с Германией, был помощником военного руководителя и военным руководителем Невельского отряда завесы. С самого начала новой службы Каменев столкнулся с издержками первого периода существования Красной армии – партизанщиной, неподчинением приказам, присутствием в подчиненных отрядах уголовных элементов, дезертирством.

В августе 1918 г. Каменев был назначен помощником военного руководителя Западной завесы В.Н. Егорьева и военруком Смоленского района с подчинением ему районов – Невельского, Витебского и Рославльского. Задачей Каменева в это время являлись прием уездов Витебской губернии от оставлявших их немцев, а также формирование дивизий РККА. В сжатые сроки под его руководством были сформированы и отправлены на Восточный фронт Витебская дивизия и Рославльский отряд.

Заметили Каменева и стали выдвигать на крупные посты осенью 1918 г. Именно тогда, в сентябре 1918 г., ему был доверен ключевой в тот период пост командующего Восточным фронтом. Фронт тогда еще продолжал создаваться. Приходилось создавать и штаб фронта, т.к. прежний штаб забрал с собой Вацетис, ставший главкомом. Возможно, это обстоятельство послужило основанием для конфликта двух последовательно сменивших друг друга на двух постах военспецов.

По нескольким различным свидетельствам Каменев стремился уклониться от вовлечения в Гражданскую войну, предстоявшее назначение командующим на Восточный фронт его угнетало. Известный перебежчик из РККА полковник А.Л. Носович вспоминал: «В приемной нас было только двое. Каменев не находил себе места. Его нервное напряжение казалось было у предела истерии. Каменев сыпал такого рода фразами: “Нет, скажите, что мне делать... Они мне предлагают в командование Восточный фронт...”

Поймите, я же не могу идти против белых патриотов... Я же не могу быть заодно с большевиками... Я не могу командовать войсками против белых... Нет, я сойду с ума... Я уже сумасшедший...» Я начал его успокаивать как мог¹. Это свидетельство подтверждается и показаниями бывшего начальника Всероссийского главного штаба А.А. Свечина по делу «Весна». Свечин, в частности, отметил, что «в 1918 году в сентябре или октябре месяце ко мне, как к начальнику Всероссийского главного штаба поступил приказ от Троцкого выбрать наиболее пригодного офицера Генерального штаба для назначения на должность командующего Восточным фронтом. Я остановился на выборе С.С. Каменева, который был известен мне как дельный работник оперативного отделения штаба Виленского военного округа и штаба I армии в мировую войну, а в службе завесы Западного фронта выделился как дельный руководитель Невельского участка... В то время все офицеры старой армии, поступившие на службу в Красную армию, считали, что они приняли обязательство сражаться против внешнего врага на Западном фронте и более чем неохотно смотрели на какое-либо использование их в связи с Гражданской войной... Под этим настроением С.С. Каменев расценил назначение его на Восточный фронт как незаслуженную обиду... Эту оценку он выразил в жалобах, посланных по телеграфу Троцкому и Склянскому на меня. С моими объяснениями Склянскому, что в назначении Каменева я пользовался только соображениями целесообразности, последний согласился и подтвердил приказ Каменеву ехать на Восточный фронт.

Со мной С.С. Каменев помирился лишь года через 3–4². В другом месте Свечин отметил, что Каменев, «целя свое место на Западном фронте³ в Смоленске, счел свое назначение на фронт гражданской войны актом личной мести с моей стороны и жаловался Троцкому и [Э.М.] Склянскому. На этой почве сложились между мной и Каменевым враждебные отношения, продолжавшиеся 4–5 лет⁴.

¹ BDIC. F. Nossovitch. F delta rés 843 (2) (6) (2). Vox 1. Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Ч. 3. Гл. 3. С. 111.

² Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. (Окончание) // Вестник архивиста. 2014. № 3 (127). С. 267–268.

³ Западного фронта тогда еще не было. Каменев занимал пост помощника военного руководителя Западной завесы и военрука Смоленского района.

⁴ Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2 (126). С. 268.

По всей видимости, история назначения Каменева не являлась секретом в среде военспецов. Ее отголоски прослеживаются даже в советской авторизованной биографии Каменева: «Не без опасений и внутренних переживаний принял К[аменев] Восточный фронт: условия работы, сумбурность всего фронта были таковы, что поневоле приходилось думать – каким порядком можно управлять войсками фронта»¹.

Вацетис сполна поиронизировал на этот счет: «Теперь рассказанные истории покажутся немного забавными. Отказываться от поста комфронта! В старой армии в погоне за такой должностью генштабисты ломали друг другу шею. Но дело в том, что тогда, осенью 1918 года Восточный фронт (чехословацкий) считался “братоубийственным” и среди лиц старого Генерального штаба было трудно найти человека, отправлявшегося туда беспрекословно»². Впоследствии Каменев был вынужден смириться и служил добросовестно. По всей видимости, в нем произошел внутренний надлом, поскольку дальнейшая его служба, по отзывам знавших его людей, представляла пример поведения безгласного человека, пресмыкавшегося перед комиссарами³.

В мемуарах Вацетиса Каменеву досталось немногим меньше, чем Бонч-Бруевичу. Вот лишь некоторые примеры: «С.С. Каменев лгал самым беспардонным образом»⁴, Каменев был «какой-то чудак Генерального штаба»⁵, «Дисциплинка ничего себе!»⁶ Углубление конфликта, вероятно, связано с участием Каменева в расследовании сдачи Перми белым. Тогда, в январе 1919 г. он открыто перед партийным руководством обвинил в неудачах Вацетиса и начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева⁷. Вполне возможно, это делалось при поддержке расследовавших неудачу И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского. Вацетис же возлагал вину на Каменева, который, по его мнению, сдал белым Пермь без боя⁸.

¹ Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 433.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 800.

³ Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 24–25.

⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 800.

⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 119.

⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 17; Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 69.

В кампанию 1919 г. Каменев сыграл важную роль в победе над колчаковскими армиями на Восточном фронте. Однако в самый разгар операций Каменев в результате конфликта с главкомом Вацетисом был неожиданно снят с должности и вынужденно бездействовал несколько недель, хотя и пытался влиять на события на фронте. Вместо него фронт возглавил А.А. Самойло, присланный с севера России. Назначение было полной неожиданностью и для Самойло, вызвало протесты РВС и комиссаров 6-й отдельной армии, которой он командовал, поскольку партийцы опасались возможных проблем на фронте в решающий период¹.

По этому поводу Самойло писал: «Мне не приходило, однако, в голову, что непредвиденное событие может разрушить мои надежды... Как ни неожиданно для меня было это предложение, я тотчас представил себе всю его нелепость. Как можно было в критический момент самых горячих боевых действий снимать с должности командующего – пусть даже виновного в боевой неустойке, но держащего в руках все нити такого сложного аппарата, как управление фронтом! Эта нелепость неизмеримо выростала в моих глазах оттого, что на замену Каменева выдвигался человек со стороны, находящийся совершенно не в курсе событий на фронте, не знающий войск и их начальников, не знающий ближайших сотрудников. Наконец, предложение было и противозаконно, так как замещать командующего можно лишь его начальником штаба как единственным человеком, стоящим в курсе дел и могущим без перерыва руководить боевыми действиями. Нелепость предстоящей перемены выростала еще больше при мысли, что моим собственным заместителем в 6-й армии являлся человек, очевидно, столь же незнакомый с условиями Северного фронта, как я с условиями Восточного»².

Начальник Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяев 2 мая предварительно все же запросил мнение Самойло по поводу предстоявшего назначения. Самойло ответил: «Прежде всего, [я] солдат. Мое первое правило ни на что не напрашиваться и ни от чего не отказываться. Положение. Восточному фронту очень трудно и принять его при таких условиях, конечно, улыбаться не может. Обидно и бросать Северный фронт, так сказать накануне решающих событий. Вот все, что могу сказать. Прибавить могу лишь свою при-

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 128.

² Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С. 247–248.

знательность за доверие. Все»¹. Такой ответ противоречит приведенному в воспоминаниях Самойло упоминанию о его отказе от должности (впрочем, нельзя исключать, что отказ мог иметь место до разговора 2 мая). После этого ему было предписано экстренным поездом не менее чем через 24 часа по получении телеграммы о назначении выехать в Симбирск, сдав командование начальнику штаба. По пути была намечена встреча в Серпухове с Вацетисом, для чего по прибытии в Москву необходимо было созвониться с последним по кремлевскому телефону.

Причины этой истории до сих пор не вполне понятны. Согласно оперативным телеграммам дело заключалось в допущенных Каменевым дефектах². Есть версия о том, что неожиданное назначение Самойло произошло по решению Вацетиса при поддержке Троцкого в результате конфликта Вацетиса с РВС Восточного фронта (непосредственно с Каменевым и С.И. Гусевым). Сам Вацетис позднее утверждал, что стремился лишь облегчить жизнь начальнику штаба фронта П.П. Лебедеву, которому Каменев якобы мешал проводить разработанный Вацетисом план³. К началу мая срыв наступления белых на Восточном фронте уже наметился, и, возможно, Вацетис просто не хотел, чтобы Каменев пожал лавры победителя Колчака.

Ничем хорошим перестановка не закончилась. По свидетельству Самойло, штаб Восточного фронта во главе с П.П. Лебедевым и РВС были против его назначения, а бывший командующий Каменев и вовсе таил неприязнь еще с дореволюционных времен. Более того, Каменев продолжал жить в Симбирске на квартире Гусева и после приезда Самойло и пытался через Гусева влиять на принимаемые решения⁴. Более того, в середине мая Каменев с подачи Гусева⁵ приехал в Москву, где встречался с Э.М. Складским и В.И. Лениным, причем последний приказал Каменеву отправиться в Серпухов и договориться с Вацетисом⁶. Главком же сообщил Каменеву, что тот был отстранен за невыполнение приказа и недис-

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 129.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 66. Л. 181.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

⁴ Самойло А.А. Указ. соч. С. 250–251.

⁵ Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 107.

⁶ Каменев С.С. Записки о Гражданской войне... С. 35–37.

циплинированность. Лишь вмешательство члена РВСР С.И. Арапова несколько сгладило ситуацию.

Между тем, у Самойло возник конфликт с командующим 5-й армией М.Н. Тухачевским. Как отмечал Самойло в позднейшей автобиографии, «этот период явился для меня наиболее тяжелым в смысле сложившейся обстановки моей служебной работы»¹. Самойло подтвердил, что замена была инициативой Вацетиса и шла вразрез с мнением членов РВС фронта². Вацетис в мемуарах описывал ужасы травли Самойло группой Каменева при том, что сам был не меньшим «троцкистом», чем прочие военспецы: «На почве зависти, конечно, против А.А. Самойло выступила целая группа недоброжелателей. Эти недоброжелатели орудовали как в Рев. Воен. Совете Восточного фронта, так и вне его. Троцкисты видели в А.А. Самойло человека, опасного для себя, который не постесняется раскрыть заговорщицкие замыслы троцкистов, а потому решили выжить его с Восточного фронта и вернуть С.С. Каменева. Против А.А. Самойло была поднята гнусная травля»³.

Из-за конфликта с РВС фронта и подчиненными Самойло едва выдержал на новой должности три недели. Уже 25 мая (фактически с 28/29-го) командующим армиями Восточного фронта вновь стал заручившийся в Москве поддержкой Ленина Каменев, а Самойло пришлось вернуться на прежнюю должность. Очевидно, подобные кадровые решения Вацетиса, не имевшие надлежащего обоснования и граничившие с самоуправством и сведением счетов, подрывали авторитет главкома. Оппозицию со стороны РВС Восточного фронта эти его действия только сплотили. В конечном итоге, нельзя исключать того, что эта история добавила Ленину еще один аргумент в вопросе замены главкома.

По мнению Вацетиса, если бы командующим фронтом оставили Самойло, к середине августа Гражданская война на Востоке уже бы закончилась, «но этого энергичного командующего фронтом РВСовет Востфронта постарался вытеснить и очистил место бездарному и слабовольному стратегическому рамоли, чтобы сделать Восточный фронт инструментом в руках троцкистской политики... Для Колчака план С. Каменева являлся находкой: Он мог драться, сколько времени хотел западнее Урала, на Урале и в Си-

¹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 22. Л. 10об.

² Там же. Л. 11.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.

бири»¹. Думается, Вацетис здесь несколько лукавил. По его свидетельству, «главное командование не скупилось в средствах воздействия на С. Каменева, чтобы заставить его бросить кунктаторский² способ действий, бросить тактику пуганой вороны. Но все было напрасно»³.

Вацетис этой истории просто так не оставил и доклад Самойло с изложением недостатков организации фронта, представленный ему в частном порядке, направил 9 июня 1919 г. Ленину с сопроводительным письмом: «Ради пользы дела и создания нормальных условий работы на Восточном фронте считаю необходимым этот доклад довести до Вашего сведения»⁴. В тот же день члены РВС Восточного фронта со своей стороны направили Ленину докладную записку, в которой директива Вацетиса была названа «крупнейшей фатальной ошибкой, которая нам может стоить революции»⁵.

Недовольство Вацетиса вызывала остановка фронта на реке Белой в июне 1919 г. (Каменев же позднее, исказив полученную директиву № 2192/оп от 6 июня⁶, утверждал, что этот приказ исходил от самого главкома, и он его выполнять не собирался⁷), а также бездарное преследование белых, загонявшее их все дальше на восток и погоня за пространством вместо разгрома противника в Приуралье, которого добивался Вацетис⁸. Его распоряжения Каменеву приобрели резкий характер. Например, в директиве № 2901/оп от 12 июня Вацетис отметил, что присланный Каменевым план не соответствует обстановке на фронте, намеченный удар придется в пустое пространство, а действия Каменева нарушают Полевой устав. Вацетис прямо указывал, что в деятельности Каменева

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

² Кунктатор – медлительный, нерешительный человек.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 568.

⁵ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): сб. док. Т. 2. М., 1972 (далее – ДКФКА). С. 702.

⁶ ДГК. С. 571–572.

⁷ Каменев С.С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 37.

⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 18. Л. 64; ДГК. С. 577–580; Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 268–271.

нева заметны недопустимые упущения¹. В директиве № 2903/оп от 12 июня Вацетис даже указал Каменеву на его «недопустимое кунктаторство, совершенно не отвечающее ни общей политической, ни стратегической обстановке»².

По мнению советского военного специалиста Н.Е. Какурина, в директивах Вацетиса «многословие... и отсутствие четкой формулировки ближайших и последующих задач... и дало, на наш взгляд, повод к недоразумениям, в которых обе стороны могли считать себя правыми»³.

9 июня Ленин, 13-го – Троцкий, а 15-го и 17-го – ЦК и РВСР поддержали распоряжения Вацетиса, признав необходимость переброски войск с Восточного фронта для ликвидации угроз на юге и северо-западе и продолжения наступления на Восточном фронте⁴. Однако РВС Восточного фронта со старыми большевиками С.И. Гусевым (которого Ленин знал около двух десятилетий), М.М. Лашевичем и К.К. Юревым, очевидно, имел большее влияние на председателя СНК, чем беспартийный главком. Неудивительно, что в конечном итоге Вацетис проиграл, а руководство Восточного фронта в лице С.С. Каменева, П.П. Лебедева и С.И. Гусева заняло кабинеты в советской Ставке.

Критика Вацетиса тогда шла с разных сторон и, очевидно, накладывалась на собственные виды большевистского лидера. Ленин первоначально не собирался заменять Вацетиса Каменевым, а видел последнего кандидатом на замену начальнику Полевого штаба Костяеву⁵, но Троцкий, знавший особенности характера Каменева, отметил, что целесообразнее возратить последнего на командный пост – «по всему своему складу это командующий, а не начальник штаба»⁶. Свою роль сыграл и авторитет Каменева как победителя Колчака⁷.

¹ Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис. С. 269–271.

² ДГК. С. 582.

³ *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. М., 1990. С. 243.

⁴ *Ленин В.И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 168; ДГК. С. 584; Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919 гг. М., 1997. С. 248–249; *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Неизвестный Троцкий. С. 189–190.

⁵ *The Trotsky papers 1917–1922.* Vol. 1. P. 460.

⁶ *Ibidem.* P. 464.

⁷ *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 107.

По его собственному признанию, Каменев плохо ориентировался в политической обстановке, видевшейся ему «как в тумане». Важную роль в политическом становлении Каменева сыграл С.И. Гусев. Именно Гусев способствовал тому, что на Каменева обратил внимание Ленин. В июле 1919 г. в результате скандального дела Полевого штаба, ставшего проявлением политической борьбы группировок в большевистском руководстве, Вацетис был смещен и арестован вместе со своим ближайшим окружением, а новым главнокомандующим стал Каменев.

Ближайшим соратником Каменева в Гражданскую войну как на Восточном фронте, так и на посту главкома стал П.П. Лебедев – бывший генерал и талантливый генштабист. Перебрался в Ставку и покровитель Каменева Гусев, ставший военкомом Полевого штаба¹.

По мнению Вацетиса, Каменев заранее узнал, что будет назначен главкомом и стал готовить наступление на Южном фронте. С этой целью, примерно за полмесяца до своего вступления в должность еще на Восточном фронте он разработал план борьбы с Деникиным, предусматривавший действия по недопущению его соединения с армиями Колчака и наступления Южного фронта левым флангом через Донскую область. Реализуя свой замысел, он, если верить Вацетису, в обход главного командования и вопреки задачам своего фронта стал стягивать силы за правым флангом Восточного фронта для их будущего использования на юге и удара от Саратова². Однако к моменту назначения Каменева главкомом такой план уже устарел, так как Колчак был разгромлен, и соединение его с белыми армиями Юга России представлялось маловероятным. Тем не менее, Каменев с настойчивостью, заслу-

¹ Между прочим, кандидатуру Гусева предложил Троцкий (РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85).

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 20. Л. 64. Также см. критику плана Троцкий: РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 271об. Еще в начале июля на Южный фронт с Восточного перебрасывались 7-я и 31-я стрелковые дивизии (ДКФКА. Т. 2. С. 274, 721), однако вызвавшие недовольство Вацетиса решения Каменева о сосредоточении сил для Южного фронта относятся к более позднему времени. По всей видимости, речь шла о сосредоточении 25-й и 28-й стрелковых дивизий, а также Казанской и Саратовской бригад, которые должны были войти в состав Особой группы В.И. Шорина, созданной 23 июля 1919 г. (Там же. С. 290). Как известно, в итоге 25-я дивизия на Южный фронт переброшена не была.

живавшей лучшего применения, взялся за реализацию собственного плана удара по Деникину, хотя существовавший к 22 июня 1919 г. план его оппонента Вацетиса, который предусматривал нанесение главного удара силами 14-й, 13-й и 8-й армий (из района Полтава – Курск – Воронеж) через Донбасс к Новочеркасску¹, намного больше соответствовал обстановке².

Несмотря на крайнюю тенденциозность мемуаров Вацетиса, определенные факты в них присутствуют. В самом деле Каменев сразу же после своего назначения приступил к реализации плана удара по Деникину. План Каменева (директива от 23 июля) предполагал начало операции в августе³. Главный удар в направлении на Царицын и Донскую область в середине августа должны были нанести располагавшиеся на левом фланге фронта 9-я и 10-я армии, которые сводились в Особую группу В.И. Шорина – бывшего командующего 2-й армией и Северной группой Восточного фронта, которого Каменев хорошо знал по совместной службе на Восточном фронте.

Каменев проявил большое упорство в отстаивании своего плана, предусматривавшего в противоположность плану Вацетиса главный удар силами 10-й и 9-й армий через те районы, где красных ждало наиболее ожесточенное сопротивление антибольшевистски настроенного казачества. План Каменева поддерживал Ленин, слабо разбиравшийся в стратегических вопросах. В результате августовское наступление советского Южного фронта провалилось⁴, а белые вышли на дальние подступы к Москве (дошли до

¹ ДГК. С. 433. Впрочем, план предусматривал вспомогательный удар 10-й и 9-й армий, которые должны были двигаться по левому берегу Дона и отрезать белым отход на Северный Кавказ. По всей видимости, в идеале Вацетис рассчитывал окружить противника. Однако при реализации этого удара в казачьих районах красных ожидало ожесточенное сопротивление.

² Такой точки зрения придерживался и один из командующих советским Южным фронтом А.И. Егоров (*Егоров А.И.* Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 180, 182).

³ ДГК. С. 438–439. Вацетис 22 июня 1919 г. планировал нанесение главного удара в районе Донской области и Украины (Там же. С. 433).

⁴ Подробнее об этой операции см.: *Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

Орла и Мценска, что несло угрозу главному советскому арсеналу – Туле), поставив под угрозу существование Советской России¹. Планы пришлось срочно менять и экстренно спасать положение посредством скоординированных действий фронтов, в результате чего удалось достичь перелома.

Вацетис в конце 1919 г. с обидой писал в своих неопубликованных мемуарах об отсутствии преемственности в советской стратегии после его замены Каменевым: «После ареста 8 июля никто не поинтересовался узнать, каков же был план дальнейшей деятельности смещенного главнокомандующего. Его бывший начальник штаба, Костяев, тоже был арестован, арестованы были также ближайшие сотрудники Костяева и Вацетиса из лиц Генерального штаба. Таким образом, новый главнокомандующий приехал и стал развивать свои оперативные работы на совершенно новой платформе. Такая практика допустима лишь в том случае, когда налично имеются полные, определенные и исчерпывающие доказательства того, что работы прежнего командования не приносили никакой пользы. Этих условий ни в коем случае не было... Стратегия главнокомандующего Вацетиса заслуживала того, чтобы с нею познакомиться поближе и взять оттуда все, что было полезно. Примеры из военной истории подтверждают, что такое бесцеремонное разрушение ставки не могло привести непосредственно к боевым успехам и подобные действия всегда сопровождалось неблагоприятием в области стратегии. В августовском наступлении уже при новом главнокомандующем это вполне подтвердилось. На своем кратковременном пребывании на посту новый главнокомандующий, очевидно, не успел войти в курс дела, не успел ознакомиться с общим положением Республики, не успел нащупать особенностей обстановки на Южном фронте. По-видимому, он принял этот пост, имея наготове план действий, разработанный где-то заранее, на чисто схоластических началах и на предположениях, лишенных ясного представления о специфических особенностях не только Южного фронта, но и общей стратегической и политической обстановки нашего военного лагеря. Ничем иным нельзя объяснить направление главного удара на фронте донского казачества.

¹ Оценку развития этого ошибочного плана Троцким см.: *Троцкий Л.Д.* План операций на Южном фронте. Заметки из секретного архива // Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2: 1919 год. Кн. 1. М., 1924. С. 301–303.

Ничем иным нельзя объяснить игнорирование кавалерийского рейда генерала Мамонтова, разрушившего базу Южного фронта в Тамбове, в то время, когда Южный фронт лишь начал выполнение составленного плана, имея у себя в тылу столь внушительные кавалерийские силы противника. В таком случае никоим образом уже составленный план не мог быть начат своим выполнением в прежнем своем виде»¹.

Симптоматична характеристика Каменева, данная Вацетисом: «Полковник Сергей Сергеевич Каменев был начальником оперативной части 1 армии Ренненкампфа. Своим бездействием и неумением оценить обстановку Каменев в значительной мере содействовал разгрому немцами армии Самсонова, а также беспорядочному бегству армии Ренненкампфа в начале Великой войны»². Характерно, что и Бонч-Бруевич недолюбливал Каменева за его деятельность в 1914 г.: «Я давно и довольно близко знал Каменева и понимал, что не сработаюсь с ним. Его нерешительность, известная флегма, манера недоговаривать и не доводить до конца ни собственных высказываний, ни принятых оперативных решений, – все это было не по мне... во мне говорило не обиженное самолюбие, а боязнь совместной работы с таким офицером, которого я никак не считал способным руководить давно превысившей миллион бойцов Красной армией»³. Таким образом, Бонч-Бруевич не видел продолжения своей службы при Каменеве. Личные взаимоотношения вновь повлияли на важнейший кадровый вопрос. К сожалению, сведений об отношении Каменева к Бонч-Бруевичу выявить не удалось – из всех троих основоположников РККА он единственный не оставил подробных воспоминаний.

Как главком Каменев руководил борьбой на всех фронтах – против генерала Юденича под Петроградом, против поляков в период советско-польской войны (Каменев был разработчиком планов наступления на Польшу), против генерала Врангеля на Юге (в последнем случае Каменев лично участвовал в разработке плана Перекопско-Чонгарской операции). После завершения широкомасштабной Гражданской войны в ноябре 1920 г. Каменеву приходилось руководить операциями по ликвидации бандитизма, повстанческого движения, по подавлению восстания в Карелии

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–47.

² Там же. Л. 26.

³ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 353.

(Каменев даже выезжал на театр военных действий), руководил борьбой с басмачеством, непосредственно находясь в Туркестане. В ходе этой борьбы был ликвидирован Энвер-паша, пытавшийся противостоять большевикам под лозунгами панисламизма.

Каменев удостоился неоднозначной оценки современников и потомков. Недоброжелатели отзывались о нем как о «человеке с большими усами и маленькими способностями». Ленин, считавший Каменева своим выдвиженцем, также неодобрительно отзывался о новом главкоме. Ему ничего не стоило написать, например, в ноябре 1920 г.: «Глупый доклад главкома о Кавказе...»¹ В ответ на другой документ Каменева о борьбе с бандитизмом, Ленин написал Склянскому: «Ответ глупый и местами безграмотный. Отписка бюрократическая вместо дела... внушите Пол[евому] штабу, что надо работать, а не отписываться»².

Важную характеристику Каменева дал Троцкий. По его мнению, Каменев «отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки, не были ему ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизии, снятые с Востока, на Волге и ударить на Кубань, исходную базу Деникина. Именно из этого плана он и исходил, когда обещал вовремя доставить дивизии, не приостанавливая наступления. Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен... Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между Военным Советом (РВСР. – А.Г.) и Восточным фронтом. Смилга и Гусев при содействии Сталина изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверяю новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо, то же самое опасение. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса, дружески встретил Каменева и стремился всячески облегчить его работу... Трудно сказать, кто из двух полковников (Вацетиса и Каменева. – А.Г.) был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт Великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался несомненно

¹ НИА. Trotsky collection. Box 8. Folder 83.

² НИА. Trotsky collection. Box 7. Folder 36.

влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов... Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения»¹.

В целом Каменев пользовался расположением Ленина. Показателем высочайшего доверия Ленина к Каменеву стало удовлетворение советским лидером неоднозначного требования последнего в октябре 1919 г. Тогда главком потребовал предоставить ему право экспертной оценки правительственных директив по военным вопросам: «Имея же в виду, что военная обстановка во всем ее объеме и глубине наиболее известна главнокомандующему, я считаю необходимым, чтобы всякая директива правительства, предварительно облечения ее в формулу решения правительства, сообщалась в проекте на заключение главнокомандования.

Если затем правительство все же признает необходимым дать директиву, не согласованную с заключением главнокомандования, то последнее, приняв ее к исполнению, обязуется представить Правительству в письменном виде свои заключения о несоответствии полученной директивы»². 22 октября 1919 г. требование было Лениным уважено³.

Именно при Каменеве Красная армия одолела всех своих врагов и вышла победительницей из Гражданской войны. Каменев был активным сторонником наступательной стратегии как единственно возможного способа ведения боевых действий в Гражданской войне, крупным военным администратором, но был вынужден крайне осторожно вести себя в отношении партийного руководства и заискивать перед ним.

Личные отношения видных военспецов важны, но не менее значимо отношение к ним партийного руководства. Кратко рассмотрим, как воспринимали трех своих наиболее значимых военспецов лидеры большевистской партии Ленин и Троцкий. Объективным показателем является контент-анализ их документов. По нашим подсчетам, Ленин чаще всего упоминал Каменева (45 раз), затем Вацетиса (26 раз) и Бонч-Бруевича (6 раз). При этом в по-

¹ *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 104–107.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 164об.

³ Там же. Л. 168.

ложительном контексте он отзывался о Каменеве и Вацетисе дважды, а о Бонч-Бруевиче – один раз. В нейтральном (деловом) тоне о Каменеве 36 раз, о Вацетисе 22 раза и о Бонч-Бруевиче – 5 раз. А в негативном ключе о Каменеве 7 раз и о Вацетисе – 2. Негативных упоминаний Бонч-Бруевича обнаружить не удалось. В силу объективных причин Лениным чаще остальных упоминались главкомы Вацетис и Каменев. Причем Каменев, занимавший пост главкома дольше Вацетиса, упоминался значительно чаще. Помимо большей продолжительности его пребывания на посту главкома, по всей видимости, он ближе стоял к Ленину и оказывал на большевистского лидера большее влияние, нежели его предшественник. Об этом свидетельствует и то, что Каменев лидирует как по нейтральным, так и по отрицательным упоминаниям Лениным. Тесно сотрудничал с Лениным и Бонч-Бруевич, хотя частота его упоминаний намного ниже. Лишь единичные упоминания Бонч-Бруевича, Вацетиса и Каменева Лениным имеют действительно положительный характер. Вместе с тем из всех троих родоначальников РККА только Бонч-Бруевич удостоился самого восторженного ленинского эпитета – в 1922 г. в письме И.В. Сталину Ленин назвал Бонч-Бруевича «выдающимся царским генералом»¹. Частотность упоминаний всех троих Троцким примерно похожая. Каменев упоминался им 18 раз, Вацетис – 17, Бонч-Бруевич – 6. В положительном контексте Каменев и Вацетис упоминались по 5 раз, Бонч-Бруевич – 2 раза, в нейтральном – 13, 11 и 4 раза соответственно, негативно упоминался один раз только Вацетис².

Ленин и Троцкий высоко ценили своих главных военспецов. Троцкий признавал их роль в победе Красной армии, причем Каменева в 1922 г. даже поздравил с трехлетием пребывания в должности главкома.

Как правило, такой субъективный фактор, как особенности характера и личные взаимоотношения представителей высшего командного состава исследователями игнорируется. Между тем, когда речь идет об оценке деятельности высшего командования, мелочей не бывает.

¹ Ленин В.И. Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 290.

² Подробнее см.: Ганин А.В. Большевистские вожди о военспецгах-генштабистах // Клио (Санкт-Петербург). 2013. № 7. С. 104–107.

Казалось бы, Красная армия находилась под полным контролем большевиков, и фактор личностных особенностей бывших офицеров, а, тем более, их взаимоотношений никоим образом на вопросы военного строительства влиять не мог. Однако это не так.

Будучи поставлены на высокие посты в новой армии, первые ее руководители из военспецов не только внесли огромный вклад в создание РККА, но также привнесли в военное строительство и сопровождавший их багаж жизненного опыта и взаимосвязей, что не замедлило отразиться на становлении армии.

Казалось бы, малозначительный конфликт Бонч-Бруевича и Вацетиса, возникший и усугубившийся на почве личной неприязни и соперничества, способствовал формированию Восточного фронта РККА не по прежнему образцу отрядов завесы, как предлагал ВВС. Затем на волне углублявшегося конфликта с Вацетисом и после того, как была озвучена идея упразднения ВВС и назначения Вацетиса главкомом, Бонч-Бруевич был вынужден подать в отставку. Одним из следствий этой отставки стало ускорение военно-административной реформы в РККА – упразднения ВВС, создания РВСР и его структур, а также учреждения поста главного командующего, которым после ухода из руководства РККА своего оппонента стал Вацетис.

Конфликт Вацетиса с его преемником на посту главкома Каменевым сказался на кадровых перестановках весны – лета 1919 г. Тогда сначала Вацетис отстранил Каменева от должности командующего Восточным фронтом, как оказалось временно, а затем уже сам Каменев, в том числе в результате мощной поддержки РВС Восточного фронта, не только вернул себе прежний пост, но по решению партийного руководства практически вместе со своим штабом сменил Вацетиса и его окружение в советской Ставке. В процесс смещения Вацетиса и кадровые игры оказался вовлечен и Бонч-Бруевич. Возможно, в том, что к этому делу привлекли и его, сыграло свою роль известное партийным лидерам его неприязненное отношение к Вацетису. Совместная работа двух непримиримых противников оказалась невозможной. Однако после ареста Вацетиса невозможной в силу личного фактора оказалась и совместная работа Бонч-Бруевича с Каменевым.

Неприязненные отношения высокопоставленных военспецов, несомненно, отрицательно сказывались на вопросах военного планирования, приводили к сложностям в управлении войсками и к отказу от реализации планов, разработанных оппонентами, даже

если в них имелось рациональное зерно. Первые трудности в этом отношении возникли на Восточном фронте, когда Каменев сначала не сумел разгромить живую силу противника в Приуралье, как того хотел Вацетис, а лишь теснил ее. Затем Каменев, по-своему интерпретировав директиву главкома, по существу отказался ее выполнять. Коснулось это и отказа Каменева от реализации предложенного Вацетисом плана наступления на Южном фронте. Упорное выполнение Каменевым своего плана привело к неудачам на Южном фронте в августе-сентябре 1919 г. и имело следствием то обстоятельство, что Советская Россия осенью 1919 г. оказалась на краю гибели. Лишь после этого вернулись к идее наступления на украинском направлении, которую прежде и при несколько иных условиях предлагал Вацетис.

Таким образом, фактор сложных личных взаимоотношений трех видных военных специалистов самым серьезным образом сказался на особенностях строительства Красной армии, кадровых изменениях в ее руководстве и вопросах военного планирования.

М.Е. Разиньков

Типология гражданских войн – Евразия (1900–1950 гг.): из дневника исследователя

Началось изучение гражданских войн по проекту, предложенному в предыдущем номере «Альманаха»¹. Следует отметить, что на данный момент предложенные таблицы представляются пригодными для анализа закономерностей гражданских войн, а информация о войнах вполне доступной в интернете и справочной литературе. Вместе с тем, живая работа привела к необходимости корректива таблиц и добавлению еще одной, дополнительной, о чем речь пойдет ниже.

Считаю, что уже на этом, начальном, этапе достигнуты определенные результаты, сделаны любопытные выводы, которыми и спешу поделиться в рамках предлагаемых заметок. В свете последних событий на Украине не хочется, однако, ограничиваться только историческим аспектом проблемы. Поэтому часть заметок посвящена современности.

Технические изменения для усовершенствования исследования: проблемы наполнения таблиц и смысла используемых терминов

В процессе заполнения таблиц возникла необходимость в уточнении смысла используемых терминов, а также дополнений в априори разработанные категории оценок.

Прежде всего, вопросы вызвало понятие – интервенция. Решено было не ограничивать этот термин вооруженным вмешательством третьих стран во внутреннюю жизнь страны, а расширить его до существенного политического, военного, экономического вмешательства.

¹ *Разиньков М.Е.* О необходимости создания типологии гражданских войн для исторической науки // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России / под ред. В.И. Голдина. Вып. 1. Архангельск, 2014. С. 40–47.

Во-вторых, возникла необходимость четкого обозначения содержания категории «принципы раскола общества»:

1. Социальный – разделение общества на воюющие антагонистические социальные лагеря (например, рабочие – буржуазия, крестьяне – землевладельцы);

2. Национальный – разделение общества на воюющие антагонистические национальные лагеря (например, русские – украинцы, русские – карелы), при этом не исключается стремление одной из сторон к сепаратизму;

3. Религиозный – разделение общества на воюющие антагонистические религиозные лагеря (например, католики – православные, католики – протестанты, мусульмане – христиане);

3а – стремление светского государства отделиться от церкви;

4. Политико-идеологический – разделение социальных и национальных групп по идеологическим мотивам (например, рабочие поддерживают коммунистов и националистов, крестьяне поддерживают анархистов, коммунистов и монархистов и воюют друг против друга; или, одновременно, русские большевики воюют против русских националистов).

В отличие от «принципов раскола» категория «причины гражданской войны» указывает на конкретное, хотя и формализованное, содержание конфликта:

1. Экономические – экономическая отсталость страны, низкий уровень жизни большинства населения;

1а – диспропорции в экономическом развитии регионов страны;

2. Политические – борьба элит за власть и другие политические ресурсы;

2а – наличие популярной революционной идеологии;

3. Религиозные – наличие в стране социальных и политических религиозных движений;

3а – стремление государства полностью отделиться от церкви;

4. Национальные – стремление национальной территории получить независимость, широкую автономию или присоединиться к другому государству;

5. Внешней – наличие внешней войны, спровоцировавшей войну внутреннюю;

5а – значительная роль интервенции в эскалации внутреннего конфликта.

Наконец, возникла необходимость обозначить границы понятия «социальный конфликт» как массовые забастовки, погромы,

акции гражданского неповиновения, массовое сопротивление политике властей.

Обратим внимание на изменения внутри таблиц. К сожалению, на основе имеющегося материала оказалось невозможным разделить категорию «количество жертв» (таблица 1) на «вооруженные силы» и «мирное население», как это предлагалось ранее, поэтому решено было ограничиться приведением общего числа погибших. Число кодов в этой категории сокращено с пяти до четырех, поскольку конфликты с числом жертв до 1000 решено не считать войнами.

В таблице 2 исчезло понятие «экономический раскол», поскольку наполнить его смысловым содержанием, а заодно выявить соотношение экономических, равно как и, скажем, демографических параметров многочисленных конфликтов оказалось слишком проблематично. Зато возникла необходимость в создании кода 3а, обозначающего стремление государства отделиться от церкви. В категории «роль интервенции» добавлен код 3 – интервенция отсутствовала. В категории «победитель» появился код 1а – раскол страны, сохранение прежней власти на одной из самостоятельных территорий, с целью более точного описания итогов войны.

Существенные изменения внесены в таблицу 3. Оказалось невозможным формализовать категорию «стороны конфликта», предполагавшую перечисление противоборствующих сил, поэтому от нее пришлось отказаться. Также оказалось невозможным перечислить в таблице причины конфликта, ввиду слишком большого объема информации, однако эту категорию удалось формализовать (см. выше). Для того, чтобы синхронизировать содержание категорий «причины войны» и «результаты войны», пересмотрен порядок перечисления в таблице параметров «результаты войны». Внесены пункты, касающиеся полноты суверенитета и решения религиозных проблем. В параметре «сохранение государственности» добавлен код 3 – появилась новая / восстановлена после длительного периода / раскол страны. Временные границы оценки послевоенной ситуации в стране увеличены с 10 до 20 лет, хотя и этого, возможно, недостаточно, поскольку реанимация жизни в стране наступала и позднее. Выяснено, что ряд конфликтов, начавшихся в середине XX века (например, конфликты в Израиле и Бирме), не закончены до сих пор, поэтому в параметр оценки «наличие повторных гражданских войн» внесен код 3 –

война продолжается / исход не ясен, поскольку война закончилась не до конца.

Наконец, было решено создать новую, четвертую, таблицу, посвященную формам гражданских войн.

Некоторые сложности возникли с оценкой результатов войны. Во-первых, не всегда точно можно определить содержание установившегося политического режима. Степень экономического развития, наличие социальных, религиозных, национальных проблем и оценка их интенсивности требуют сложных аналитических исследований. В любом случае, предполагается, что, если таблицы покажут значительное сходство войн в разных странах, то будет проведен более глубокий анализ конкретных войн. Словом, создание классификации рассматривается не как самоцель, а как инструмент для возможного практического применения полученных знаний в научно-исследовательской работе и практике урегулирования гражданских войн.

Современный вид аналитических таблиц гражданских войн

Таблица 1

Таблица формально-статистических закономерностей гражданских войн

Страна, название войны	Время войны (даты)	Продолжительность (указывается код и количество месяцев, лет)	Стороны войны (формальное количество)	Наличие интервенции	Количество жертв (указывается код и цифра жертв)

Пояснения к таблице 1:

Продолжительность войны: 1 – до 1 года; 2 – свыше 1 года;

Стороны войны (см. дополнительно таблицу 3): 1 – двухсторонняя; 2 – многосторонняя (рассматривается количество внутренних участников, без наличия интервенции);

Интервенция – вмешательство других государств: 1 – да; 2 – нет;

Количество жертв (кодируется): 1 – 1000–10000; 2 – 10001–100000; 3 – 100001–1 млн.; 4 – более 1 млн. Общее число жертв указывается также в случае невозможности разделить численность погибших среди военных и мирного населения. Приблизительная цифра жертв указывается в скобках.

Таблица 2

Таблица формальных закономерностей
гражданских войн

Страна	Основные принципы раскола	Роль интервенции	Территория боевых действий	Победитель

Пояснения к таблице 2:

Основные принципы раскола: 1 – социальный; 2 – национальный; 3 – религиозный (3а – светское государство – церковь); 4 – политико-идеологический;

Роль интервенции: 1 – сыграла важную роль в победе установившегося после войны режима; 2 – не привела к победе стороны, которую поддерживала; 3 – интервенция отсутствовала;

Территория боевых действий: 1 – вся страна; 2 – периферия; 3 – центр (имеется в виду близость к столице);

Победитель: 1 – власть, существовавшая к моменту начала войны; 1а – раскол страны, сохранение прежней власти на одной из самостоятельных территорий; 2 – сторона войны, не обладавшая к началу военных действий значительными (или какими-либо) властными полномочиями.

Таблица 3

Таблица причин и итогов войн

Страна	Причины войны	Результаты войны								
		Экономические успехи	Стабильность политического режима	Содержание политического режима	Сохранение государственности	Полнота суверенитета	Решение социальных проблем	Решение религиозных проблем	Решение национальных проблем	Наличие повторных гражданских войн

Пояснения к таблице 3:

Причины конфликта: 1 – экономическая отсталость страны, низкий уровень жизни большинства населения; 1а – диспропорции в экономическом развитии регионов страны; 2 – борьба элит за власть и другие политические ресурсы; 2а – наличие популярной революционной идеологии; 3 – наличие в стране социальных и политических религиозных движений; 3а – стремление государства полностью отделиться от церкви; 4 – стремление национальной территории получить независимость, широкую автономию или присоединиться к другому государству; 5 – наличие внешней войны, спровоцировавшей войну внутреннюю; 5а – значительная роль интервенции в эскалации внутреннего конфликта;

Экономические успехи (контрольный срок – 20 лет): 1 – значительный рост экономики; 2 – отсутствие значительных экономических успехов;

Стабильность режима: 1 – существовал до 20 лет; 2 – существовал свыше 20 лет;

Содержание политического режима: 1 – плюралистический, демократический; 2 – националистический, традиционалистский; 3 – леворадикальный, модернизаторский;

Сохранение государственности (контрольный срок – 20 лет): 1 – сохранилось; 1а – сохранилась, но утеряна часть территории; 2 – ликвидирована; 3 – появилась новая / восстановлена после длительного периода / раскол страны;

Полнота суверенитета (контрольный срок – 20 лет): 1 – иностранное вмешательство во внутренние дела незначительно / отсутствует; 2 – наличие иностранных воинских контингентов в стране и/или экономическое или политическое доминирование иностранных держав;

Решение социальных проблем (при наличии; контрольный срок – 20 лет): 1 – отсутствие значительных социальных конфликтов; 2 – наличие значительных социальных конфликтов;

Решение религиозных проблем (при наличии; контрольный срок – 20 лет): 1 – отсутствие значительных религиозных конфликтов; 2 – наличие значительных религиозных конфликтов (проявляющихся в вооруженной форме);

Решение национальных проблем (при наличии; контрольный срок – 20 лет): 1 – национальный конфликт не возобновлялся в вооруженном виде / отсутствовал; 2 – национальный конфликт возобновлялся в вооруженном виде;

Наличие повторных гражданских войн (контрольный срок – 100 лет): 1 – отсутствовали; 2 – происходили; 3 – война продолжается / исход не ясен, поскольку война закончилась не до конца.

Таблица 4

Формы гражданских войн

Война	Форма

Формы:

А – гражданская война как раскол титульной нации;

Б – национально-освободительная война.

Два в одном, или что же такое гражданская война?

Проведенные первичные исследования указали на необходимость выделения двух форм гражданских войн. Первая из них связана с расколом титульной нации, вторая (национально-освободительная) – со стремлением одной или нескольких территорий выйти из состава существующего государства. К войнам первой формы следует отнести, например, гражданские войны в Финляндии (1918), Ирландии (1922–1923), Испании (1936–1939), Греции (1946–1949), Китае (1927–1950), Корее (1950–1953). К войнам второй формы, например: войну за независимость Ирландии (1919–1921), восстания ихэтуаней в Китае (1899–1901), друзов в Сирии (1925–1927), курдов в Ираке (1930–1932, 1934–1936, 1943–1945), арабов в Палестине (1936–1939). Отметим, что для первой половины XX века войны второй формы происходили обычно на территории Британской и Французской колониальных империй, либо, как восстание ихэтуаней, связаны с борьбой против колониализма в полузависимой стране.

Гражданская война выступает, таким образом, в двух ипостасях, причем такая постановка вопроса, несомненно, вызовет споры. Частично на возникающие возражения будет отвечено в следующих разделах. Однако представляется, что неясность понятия, выявления критериев, по которым пытаются выделить гражданскую войну как особый тип войны, как раз и связана с нежеланием признать единство этих двух форм, подчас налагающихся друг на друга, как это произошло в России или, скажем, в Бирме. Зато признание их как научного факта сулит ясность представления о

том, что же происходит на этих проклятых, ненавистных всякому мирному человеку, войнах, с которыми человечество никак не может расстаться.

Гражданские войны в распадающихся империях

Гражданские войны в Евразии первой половины XX века связаны с двумя глобальными геополитическими факторами: распадом империй и мировыми войнами. Следует отметить, что при распаде империй критерии определения понятия – что же такое гражданская война, размываются, поскольку территориальные границы государств нестабильны и между территориями вроде бы уже развалившейся империи сохраняются прежние связи, а также претензии, обиды, сближающие их в своеобразную конфедерацию. Вместе с тем, рассмотрение гражданских конфликтов именно в ракурсе распада империй представляется продуктивным.

Падение Германской, Австро-Венгерской, Османской империй (о Российской империи будет сказано особо) в результате Первой мировой войны, не вызвала в них гражданских войн. Однако в Германии в 1919 г. наблюдались множественные гражданские конфликты (Берлин, Бремен, Бавария), в Османской империи произошла война против интервенции стран Антанты (1919–1923 гг.). Весьма болезненным, и с далекими последствиями, стал распад Австро-Венгерской империи. Во-первых, в 1919 г. здесь произошел конфликт, связанный с попыткой советской Венгрии расширить свои территории (прежде всего, за счет Чехословакии) и закончившийся ее падением. Несмотря на то, что война выглядит как классический межгосударственный конфликт, вопрос этот представляется гораздо более сложным, ведь воевали граждане только что распавшегося единого государства. Во-вторых, в 1934 г. в Австрии на несколько дней вспыхнул мощный гражданский конфликт, который, возможно, и нельзя отнести к полномасштабной гражданской войне, но который унес за пять дней 1600 жизней и стал провозвестником потери Австрией государственной независимости в 1938 г.

Более длительным был распад Британской и Французской колониальных империй. Стоит ли рассматривать национально-освободительные войны и восстания в Сирии, Ираке, Бирме, Палестине, Индокитае, Кашмире, Малайе, Ирландии как гражданские? Думается, стоит, поскольку по территориальной принадлежности они относились к вполне определенным империям. Следовательно

но, войны шли *внутри* этих империй. Если прибегнуть к языку ассоциаций, то возникает в этой связи четкая параллель с Чеченскими войнами рубежа XX–XXI вв. в России. Можно ли считать эти войны гражданскими, ведь они не охватили всей страны, носили со стороны чеченцев откровенный сепаратистский характер, т.е. раскола титульной нации не произошло? Ответ автора – безусловно можно.

Распад Японской колониальной империи также не прошел бесследно, спровоцировав гражданские войны в Корее и на Филиппинах, войны в Юго-Восточной Азии, инициировав новый виток гражданского противостояния в Китае.

Эта сложная Гражданская война в России

Гражданская война в России (1917–1922 гг.) представляется самым сложным конфликтом из рассмотренных. Очевидно, что среди исследователей до сих пор отсутствует четкий взгляд на природу этой войны. Большинство современных работ рассматривают ее как раскол титульной нации, т.е. как, *прежде всего*, конфликт белых и красных, символизирующих русскую национальную власть (форма А), оставляя многонациональность этой войны в лучшем случае одним из явлений, но не равноправным существенным элементом данного конфликта. Между тем, Гражданская война в России является сложным конфликтом смешанной формы А-Б. И дело тут даже не в том, что национальные государства (Украина, Польша, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Грузия, Армения, Азербайджан, среднеазиатские образования) боролись как против белых, так и против красных. Дело еще и в том, что раскол, поразивший русскую нацию, *копировался* в национальных государствах. Им оказались поражены, по крайней мере, Финляндия, Украина, Латвия, в несколько меньшей степени – другие государства территории бывшей империи. Рассматривать события Гражданской войны в России в узких границах РСФСР, или, в лучшем случае, СССР образца 1922 года представляется, поэтому, методологически ошибочным. Для понимания сущности этой войны, необходимо анализировать события на *всей* территории бывшей Российской империи в границах 1913 г.

Считаю, что Гражданская война в России – это:

- 1) война, сочетающая в себе *обе формы* гражданских войн;
- 2) война, *объединяющая сразу несколько гражданских войн* разной степени продолжительности, но высокой интенсивности;

3) война, сочетавшая *несколько* войн по национально-освободительному признаку (форма Б) и *несколько* по признаку раскола титульной нации (форма А).

Иначе говоря, Гражданская война в России – это целый *комплекс* войн. В этом отношении война представляется уникальной, т.е. найти ее аналоги, в т.ч. среди наиболее значительных и кровопролитных гражданских войн первой половины XX века (Испания, Китай, Корея) не удастся.

Другой аспект, позволяющий говорить о сложном характере Гражданской войны в России – это тот набор формально определенных принципов раскола и причин войны. Дело в том, что она сочетает в себе почти все основные причины гражданских войн (1, 1а, 2, 2а, 3а, 4, 5, 5а) и принципов раскола (1, 2, 3а, 4). Это отличает ее от, казалось бы, наиболее близкого по масштабам аналога – войны в Китае, которая в этом отношении представляется более простой (причины 1, 2, 2а, 5, 5а; принципы раскола 1, 4), но сближает с войной в Испании (причины: 1, 1а, 2, 2а, 3, 3а, 4, 5а; принципы раскола 1, 2, 3а, 4), а также, как ни странно, в Бирме (причины: 1, 2, 2а, 3, 4, 5, 5а; принципы раскола: 1, 2, 3, 4).

Вместо заключения

Современная Украина: затянувшееся дежавю

Современные страшные события на Украине, реанимировавшие, казалось бы, навсегда похороненную «холодную войну», требуют объяснения. Попробуем дать его с помощью методик, применяемой в данном исследовании.

Таблица 5

Таблица формально-статистических закономерностей гражданских войн

Страна	Время войны (даты)	Продолжительность (указывается код и количество месяцев, лет)	Стороны войны (формальное количество)	Наличие интервенции	Количество жертв (указывается код и цифра жертв)
Украина	2014 – н.в.	1–2	1	1	1 (около 6,5 тыс.)

**Таблица формальных закономерностей
гражданских войн**

Страна	Основные принципы раскола	Роль интервенции	Территория боевых действий	Победитель
Украина	1, 2, 3, 4	1	2	1а

Таблица причин и итогов войн

Страна	Причины войны	Результаты войны								
		Экономические успехи	Стабильность политического режима	Сохранение политического режима	Сохранение государственности	Полнота суверенитета	Решение социальных проблем	Решение религиозных проблем	Решение национальных проблем	Наличие повторных гражданских войн
Украина	1, 1а, 2, 2а, 3, 4, 5а	–	–	2	3	2	–	–	–	3

Формы гражданских войн

Война	Форма
Гражданская война на Украине	А, Б

Конечно, данные таблиц являются своеобразным допущением, поскольку гражданская война пока не завершена и ее движущие силы до конца не осмыслены. Однако она дает пищу для размышлений.

Во-первых, оказалось, что вплоть до начала XXI века понятие «украинец» оказалось размытым, недостаточно обозначенным в сознании населения, научной и политической элиты. Что есть война на Украине: раскол титульной нации или стремление части населения, осознающего себя русским, отделиться? Думается, и то, и другое. Смешение форм гражданской войны теперь нам хорошо известно.

Во-вторых, обратим внимание на чрезвычайную сложность войны по параметрам причин и принципов раскола. Попытаемся рассмотреть их в отдельности. Сначала о принципах раскола. 1 – социальный: налицо совмещение в ЛНР и ДНР националистического движения с идеями социальной революции, построения «справедливого общества», борьба с захватившим страну «олигархатом» и стремление передать производственные силы «народу». 2 – национальный: очевидно противостояние «русских» и «украинцев». 3 – религиозный: восставшие на Донбассе часто говорят о православии как об объединяющем факторе их вооруженных формирований, следовательно – идет борьба с «неправославием», очевидно, «униатской», либо агрессивно отколовшейся от Московской патриархии украинской церковью. 4 – налицо также и политико-идеологический раскол, прежде всего, по разновидностям национализма, в меньшей степени, по присутствию коммунистической идеологии в рядах восставших.

Теперь обратимся к причинам этой войны: 1 – при всех плюсах цветущего Киева и замечательной украинской кухни, очевидно, что Украина оказалась к началу XXI века страной с невысоким уровнем жизни, архаичной для постиндустриальной эры экономикой, да еще и с очевидными региональными диспропорциями развития (Донбасс в данном случае выступал как регион-донор) (1а). 2, 2а – затянувшаяся борьба элит за власть, притягательное обещание ультранационалистами процветания «как в Евросоюзе» привели к революции 2013–2014 гг. и дальнейшему коллапсу прежней политической системы. 3 – о причинах религиозного противостояния сказано выше. 4 – очевидно изначальное стремление территорий Новороссии войти в состав РФ, что было закреплено референдумами. 5а – аннексия Россией Крыма стала важнейшим фактором эскалации конфликта в Донбассе. Любого здравомыслящего человека нельзя обмануть «миролюбивыми» заявлениями нашего правительства, когда «добровольцы» на фронт братской борьбы набираются прямо в военкоматах. Я уже не говорю об американском военном присутствии в Черном море и на остатках Украины.

Очевидная сложность конфликта сближает его с ситуацией начала XX века. Может быть «задним числом», но становится очевидным главная причина затягивания конфликта: его чрезвычайная сложность. Рискну предположить, что дальнейшие попытки украинцев решить эту проблему вооруженным путем будут вести к углублению войны и возможному исчезновению Украины с политической карты Европы. Боюсь даже подумать, что будет, если в конфликте напрямую примут участие войска НАТО и РФ.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

В.И. Голдин

Великий князь Николай Николаевич: жизнь и судьба

Поводом для этой статьи послужило состоявшееся в конце апреля 2015 года перенесение из Франции в Россию праха бывшего Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской Империи в годы Первой мировой войны великого князя Николая Николаевича. Добавим, что он рассматривался в период Гражданской войны, на Яском совещании как одна из возможных кандидатур на пост вождя антибольшевистского движения, а в эмиграции стал одним из руководителей Русского Обще-Воинского Союза, претендовавшего на создание «армии в изгнании». Личность этого человека вызывала неоднозначные оценки в период его жизни и это различие оценок и суждений сохраняется сегодня. Да и сам факт его перезахоронения на Братское воинское кладбище в Москве вызвал как одобрительные, так и негативные суждения. Так или иначе, обращение к личности и деятельности великого князя позволяет перелистать страницы нашей истории, и особенно эпохи Первой мировой и Гражданской войн, а также Русского военного Зарубежья.

Герой нашего повествования родился 16 (28) ноября 1856 года в Санкт-Петербурге, в семье великого князя Николая Николаевича (Старшего), третьего сына императора Николая I и великой княгини Александры Петровны (урожденной принцессы Ольденбургской). То, что отец занимал видные посты в Русской армии (генерал-инспектор по инженерной части, а затем генерал-инспектор по кавалерийской части, командующий войсками гвардии и Петербургского военного-округа, главнокомандующий Русскими войсками на Европейском театре военных действий в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.), во многом предопределило и блестящую военную карьеру великого князя Николая Николаевича (Младшего). Смолоду он был зачислен в Лейб-гвардии гусарский Его Величества полк и в гвардейский саперный батальон. Получил военное образование в Николаевском военно-инженерном училище.

В 1876 году блестяще, с серебряной медалью окончил академию Генерального штаба, в связи с чем его имя было выгравировано на мраморной доске академии.

Николай Николаевич был зачислен в офицеры Генерального штаба и назначен флигель-адъютантом при императоре Александре II. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием. В 1884–1894 годах командовал кавалерийским полком, затем бригадой и, наконец, дивизией. В 1893 году был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1894 году – в генерал-адъютанты. В 1895–1905 годах являлся генерал-инспектором кавалерии и получил чин генерала от кавалерии, что было вполне заслуженно, ибо он не только считался прекрасным наездником, но и человеком, внесшим большой вклад в укрепление боеспособности русской кавалерии, которая считалась одной из лучших в мире.

В период русской революции 1905 года великий князь Николай Николаевич становится активным сторонником графа С.Ю. Витте в предоставлении населению России конституционных прав. Это привело к тому, что у него появилось много врагов и недоброжелателей при Дворе. Одни считали, что он проявил слабость перед наступающими грозными революционными событиями, другие подозревали его в честолюбивых помыслах овладения тронem, третьи обвиняли его в «либерализме». В действительности великий князь оставался монархистом, хотя и считал возможным проведение определенных реформ и эволюцию абсолютной монархии в сторону конституционной. Что касается революции и революционеров, то он полагал необходимым решительно использовать оружие для предотвращения их попыток захвата власти.

В 1907 году великий князь женился на сестре жены своего брата Петра Николаевича, великой княгине Анастасии (Стане) Николаевне, урожденной княжне Черногорской. Она воспитывалась в Петербурге, в Смольном Институте, и первым браком была замужем за принцем Георгием Лейхтенбергским. Ее брак с великим князем Николаем Николаевичем стал бездетным.

В 1905 году великий князь стал одним из инициаторов создания Совета государственной обороны, призванного координировать деятельность высших военного и морского управлений с работой высших государственных учреждений по вопросам обороны и безопасности страны. С 1905 и по 1908 год он становится председателем Совета государственной обороны и возглавляет

его до упразднения в 1908 году. Одновременно с вышеуказанным назначением великий князь Николай Николаевич стал главнокомандующим гвардией и войсками Петербургского военного округа, занимая эти должности до 1914 года. С 28 февраля 1909 года – попечитель Офицерского собрания Армии и Флота. Он являлся и председателем Высшей аттестационной комиссии, в силу чего хорошо знал командный состав вооруженных сил.

По признанию окружающих, в том числе членов Дома Романовых, великий князь Николай Николаевич пользовался большим влиянием на императора, и он считался с его мнением в делах государственного управления. При этом следует заметить, что великий князь с 1909 года являлся членом масонского ордена мартинистов и состоял в масонской «Великокняжеской Ложе».

В высших правительственных кругах отношение к великому князю было сложным. Бывший глава правительства С.Ю. Витте называл его человеком самоуверенным и неуравновешенным, с весьма малым запасом логики. «Несмотря на многие недостатки Великого Князя Николая Николаевича, я его считаю человеком крайне ограниченным, но недурным и честным, безусловно преданным Государю, имеющим некоторые военные способности», – добавлял Витте. Более резко отзывался о великом князе другой бывший глава правительства П.А. Столыпин, мечтавший в ходе проведения своих реформ об эпохе мирного развития России. «Удивительно он резок, упрям и бездарен, все его стремления направлены только к войне, что при его безграничной ненависти к Германии очень опасно, – указывал Столыпин. – Не будь миролюбия государя, он многое мог бы погубить»¹.

Рубежной вехой в биографии великого князя Николая Николаевича стало его назначение Верховным Главнокомандующим Русскими армиями после начала Первой мировой войны. В соответствии с основными указаниями русского «Положения о полевом управлении войсками в военное время» в случае большой войны, угрожавшей существованию или достоинству русского государства, во главе всех вооруженных сил должен был стать действующий монарх, то есть Николай II. Но он не обладал ни должной подготовкой и опытом, ни сильной волей и характером. Масштаб

¹ *Vitte С.Ю.* Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин, 1922. Т. I. С. 248, 251; *Бок М.П.* Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 321.

войны и интересы государства потребовали, чтобы монарх назначил верховного главнокомандующего из старших по возрасту, наиболее опытных в военном деле и близких к Армии великих князей. Безусловно, что наиболее достойным, уважаемым и опытным в военном деле среди членов Императорского Дома Романовых был великий князь Николай Николаевич. В пользу его кандидатуры высказывалось и правительство. В результате с 20 июля (2 августа) 1914 по 23 августа (5 сентября) 1915 года великий князь занимал должность Верховного Главнокомандующего.

Война, особенно ее начальный и относительно успешный период способствовал росту популярности Николая Николаевича в армии и обществе. Быстрое и неожиданное для Германии вступление России в войну и развернутые наступательные действия спасли Францию, да и, вероятно, всю коалицию от поражения в результате германского блицкрига. Русская армия добилась ярких побед на фронте с Австро-Венгрией. В результате 10 октября 1914 года великий князь Николай Николаевич был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени «в воздаяние мужества, решительности и непреклонной настойчивости в проведении планов военных действий, покрывших неуязвимой славой русское оружие». 9 марта 1915 года он был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени за взятие крепости Перемышль. 12 апреля 1915 года последовало его награждение Георгиевской саблей, украшенной бриллиантами, с надписью «За освобождение Червонной Руси». По мнению А.А. Брусилова, одного из самых известных и популярных русских генералов в период Первой мировой войны, «в это время лучшего верховного главнокомандующего найти было нельзя». «Это – человек, несомненно, всецело преданный военному делу и теоретически и практически знавший и любивший военное ремесло»¹, – добавлял Брусилов.

Впрочем, деятельность великого князя в качестве Верховного Главнокомандующего и в этот период и позднее вызывала как положительные, так и критические или даже негативные оценки. Особо преуспел в последнем бывший военный министр В.А. Сухоминов. По его утверждению, Николай Николаевич обладал «ограниченными духовными качествами, злым и высокомерным характером». «Мания величия великого князя дошла до того, что

¹ *Брусилов А.А.* Воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 74–75.

он стал вмешиваться в дела Совета Министров, – утверждал Сухомлинов. – Вскоре началось паломничество в Ставку лиц, никакой связи с задачами и обязанностями верховного командования не имевших, но искавших лишь предлога для поездки туда. Николай Николаевич был ведь всесильным человеком»¹. На великого князя возлагали ответственность за раздувание германофобии и шпиономании в стране, что негативно сказывалось и на отношении к высшим кругам, в том числе к императрице, урожденной немке. Его обвиняли также в чрезмерном честолюбии, жажде власти.

Несмотря на то, что великий князь был безусловно человеком с «военной косточкой», преданным армии и стремившимся к достижению победы, он, вместе с тем, не проявил себя как выдающийся полководец, подобно Суворову или Кутузову. К тому же, Россия была явно не готова к войне нового типа, «тотальной войне», как ее будут именовать в дальнейшем, что негативно сказывалось и на армии, ее оснащенности и боеспособности.

Тяжелые поражения и «великое отступление» 1915 года поставили Русскую армию перед угрозой катастрофы. Такое развитие событий и растерянность самого Верховного Главнокомандующего, плакавшего, по свидетельству царя, в его кабинете в Ставке и задававшего ему вопрос, не думает ли он заменить его более способным человеком, вынудили Николая II самому встать во главе вооруженных сил, несмотря на возражения и увещевания большей части министров. Здесь, вероятно, сказались и давнее желание самого монарха непосредственно предводительствовать Армией, и интриги Двора против великого князя, и настояния императрицы, и, наконец, усилия влиятельного «старца» – Григория Распутина, ибо великий князь Николай Николаевич не давал ему вмешиваться в дела вооруженных сил.

Великий князь Николай Николаевич был назначен в августе 1915 года Кавказским наместником, главнокомандующим Кавказской отдельной армией и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск и исполнял эти обязанности до марта 1917 года. Он выехал в Тифлис, где в основном и находился, а непосредственное командование войсками Кавказской армии было вверено генералу Н.Н. Юденичу.

В 1915–1916 годах Кавказская армия провела ряд успешных операций против турок, отбросив их от русских границ. Сформи-

¹ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Минск, 2005. С. 315.

рованный отдельный экспедиционный корпус генерала Н.Н. Баратова очистил от германско-турецкого влияния северную Персию. И хотя сам Николай Николаевич руководил непосредственно тылом армией и администрацией, но победы над турками связывались с его именем и способствовали росту его популярности в армии и обществе.

Тем временем, в условиях углубляющегося кризиса самодержавия и крайней непопулярности самого Николая II в верхах зрели замыслы о дворцовом перевороте. Предполагалось, что престол должен занять великий князь Николай Николаевич. По некоторым данным, это предложение было передано ему от лица заговорщиков 1 января 1917 года, но, поразмышляя два дня, он отказался, заявив, что «мужик» и «солдат» не поймут насильственного переворота.

В начале марта 1917 года великий князь был одним из главнокомандующих фронтами, которые посоветовали Николаю II отречься от престола, что потрясло последнего и во многом предопределило его решение. Это предъявлялось Николаю Николаевичу в дальнейшем в качестве обвинения некоторой частью эмиграции.

Своим последним указом отрекающийся монарх вновь назначил великого князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим Русскими армиями. И хотя последний принял это назначение, о чем уведомил председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова и прибыл 11 (24) марта в Ставку, но в тот же день правительство объявило о состоявшемся отстранении его от этой должности. Мотивировалось это тем, что народное мнение решительно и настойчиво выступает против назначения кого-либо из Дома Романовых на государственные должности. Великий князь, после совещания с генералом М.В. Алексеевым, не стал возражать, и глубоко уязвленный отказался от этой должности и ушел в отставку.

Он уехал в крымское имение Дюльбер, принадлежавшее его младшему брату Петру Николаевичу. Здесь он встретил приход большевиков к власти в России, а затем германскую оккупацию Крыма в 1918 году. Великий князь вел уединенный образ жизни. По воспоминаниям П.Н. Врангеля, находившегося в тот период в Крыму, после вступления сюда немцев в Дюльбер прибыли представители германского командования. Николай Николаевич передал им, «что, если они желают видеть его, как военнопленного, то он, конечно, готов этому подчиниться, если же их приезд есть простой визит, то он не находит возможным его принять». Немецкие

офицеры вели себя корректно и передали, что великий князь ни в чём не будет стеснён. На их вопрос, нуждается ли он в германской охране, великий князь ответил, что он предпочитает сформировать русскую охрану, что и было сделано¹.

На совещании в Яссах в ноябре 1918 года представители основных антисоветских организаций решали вопрос об организации власти на освобождаемых от большевиков территориях и кандидатуре главнокомандующего вооружёнными силами. Большинство делегатов высказалось за принцип диктатуры. В отношении главнокомандующего обсуждались две кандидатуры: генерала А.И. Деникина и великого князя Николая Николаевича. Сторонники последнего полагали, что он по своему прежнему положению и званию Верховного Главнокомандующего является старшим среди русских генералов и его выбор в качестве вождя антибольшевистского движения устранил все местнические споры и мелкое соперничество. Кроме того, его кандидатура будет признана представителями Антанты и частью солдатской массы.

По утверждению участника Ясского совещания В.В. Шульгина, сам Деникин направил через курьера письмо великому князю, подписанное еще и председателем последней Государственной Думы М.В. Родзянко. Они просили его стать во главе Белого движения.

Позиция самого великого князя была в этот период очень осторожной. В беседе с общественным деятелем и дипломатом князем Г.Н. Трубецким он говорил, что ничего не ищет для себя лично, но что к нему постоянно обращаются со всех сторон: «Если я могу оказаться полезен для целей объединения, то моя совесть требует, чтобы я выполнил свой долг. Я не могу связывать этого дела с какой-нибудь партией, классовыми или личными интересами. Если Богу угодно будет, чтобы меня признали, то я так смотрю на свою задачу: освободить страну от большевиков и стоять у власти вплоть до той минуты, когда народ может свободно высказаться о том, какую форму правления он предпочитает. Тогда я, как человек военный, – руку к козырьку и налево кругом марш, – кончил свое дело и ушел. Я не хочу провозглашать себя диктатором, мне это претит. Это – нерусское слово и нерусское понятие. И – еще одно условие: если меня призовет Добровольческая армия, но против меня будет Сибирская армия, то я не пойду на братоубий-

¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.

ственную борьбу из-за своей личности. Я считаю возможным вести борьбу только с большевиками»¹.

Вместе с тем, по свидетельству некоторых близких великому князю людей, он ожидал по итогам Ясского совещания приглашения стать во главе антибольшевистской армии. Предполагалось, что такое приглашение привезет его сторонник и участник этого совещания А.В. Кривошеин, а в его окружении уже шли разговоры о том, кому из великих князей следует ехать вместе с ним. Но 21 ноября 1918 года, в ходе голосования по кандидатуре Верховного Главнокомандующего антибольшевистскими армиями 9 делегатов высказались за генерала Деникина и лишь 4 – за великого князя. Такой исход объяснялся рядом причин, и среди них тем, что «непредрешенчество», т.е. непредрешение будущей формы государственной управления, являлось программным требованием антибольшевистского движения. Приглашение же великого князя во многом предопределяло вопрос о форме будущего правления. По словам одного из лидеров кадетов П.Н. Милюкова, в Яссах «монархисты были достаточно благоразумны, чтобы отодвинуть это имя (великого князя Николая Николаевича. – В.Г.) в тень»².

Таким образом, призыв верховного князя на пост военного диктатора и Верховного Главнокомандующего антисоветскими армиями не состоялся. В конце марта 1919 года, в связи с возникшей угрозой вступления советских войск в Крым, он вместе с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной и другими членами Российского Императорского Дома, остававшимися в Крыму, покинул его на борту английского дредноута «Мальбор». Так началась эмигрантская эпопея великого князя.

С апреля 1919 года он жил в Италии в Генуе в качестве гостя своего свояка, итальянского короля Виктора Эммануила III. В 1922 году великий князь перебирается во Францию, где и прожил последние годы жизни. Под фамилией Борисов он проживал сначала на вилле «Тенар» в Антибе вместе с младшим братом, великим князем Петром Николаевичем. С июля 1923 года Николай Николаевич с женой поселились в замке Шуаньи, в двадцати километрах от Парижа. Французское правительство в знак признания

¹ Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 266.

² Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 199–201.

заслуг великого князя в качестве главнокомандующего союзной армией назначило ему маршальскую пенсию, поэтому он не бедствовал, как многие его бывшие соратники.

В эмиграции великий князь Николай Николаевич пользовался большой популярностью и прежде всего у бывших военнослужащих Императорской армии, для которых он оставался верховным главнокомандующим эпохи Великой войны. В нем видели некую объединяющую фигуру представителя различных политических сил Русского Зарубежья. Особые надежды возлагали на великого князя Николая Николаевича монархисты. Сам он, безусловно, придерживался монархических убеждений, но в эмиграции призывал прежде всего к объединению во имя России, не предпреляя ее будущего государственного устройства. Это должно было произойти, по его мнению, уже на родине после освобождения ее от большевиков¹.

С начала 20-х годов в рядах эмиграции развернулось движение за объединение бывших военнослужащих Императорской армии и антисоветских армий и формирований периода Гражданской войны в виде воинских союзов, обществ и организаций. Инициатива подобного объединения принадлежала бывшему главнокомандующему Русской Армии в 1920 году генералу П.Н. Врангелю, ибо ядро военной эмиграции составили ее бывшие военнослужащие: из Крыма в ноябре 1920 года было вывезено более 100 тысяч воинских чинов. Врангель пытался взять под свой контроль процесс создания воинских союзов, обществ и организаций, внести в него должную унификацию и поставить их под свое командование. С этой целью в его штабе был разработан в 1921 году так называемый «Нормальный устав», на который должны были ориентироваться создаваемые воинские организации. Вслед за этим в эмиграции развернулась регистрация бывших военнослужащих, списки которых должны были направляться в штаб Русской Армии. В 1922 году в штабе Врангеля было разработано и разослано на места Положение о Главном Союзе Обществ и Союзов русских войск.

В начале 20-х годов в эмиграции развертывается борьба за престолонаследие, и важным аргументом в этом споре могла стать позиция армии, военной эмиграции. 11 августа 1922 года генерал Врангель получил от великого князя Кирилла Владимиро-

¹ Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 358–359.

вича телеграмму, в которой тот сообщал о принятии на себя мессоблюстительства Государева престола и просил барона оказать ему творческое сотрудничество в великом деле спасения России. Врангель уклончиво ответил, что как и громадное большинство его соратников, видит Россию такой, какой пожелает народ, веря, что народная мудрость вернет Россию, как и 300 лет назад, на ее исторический путь¹.

Страстная политическая борьба, разгоравшаяся в эмиграции, оказывала влияние и на бывших военнoслужаших, грозила расколoть их. Это вызывало серьезную озабоченность генерала Врангеля, который 8 сентября 1923 года издал приказ № 82 по Русской Армии. В соответствии с ним армейским чинам запрещалось входить в какие-либо политические организации и объединения. В этом же приказе указывалось: «Ныне, после трех с половиной лет изгнания, армия жива, она сохранила свою независимость, она не связана ни договорами, ни обязательствами, ни с государствами, ни с партиями, она собственным трудом обеспечивает свое существование... Армия перешла на трудовое положение». Врангель зачислял офицерские союзы и общества в состав армии и обязывал всех офицеров, считающих себя в составе армии, записаться в один из офицерских союзов, состоящих при военных агентах или военных представителях в данной стране².

Между тем, сам Врангель находился в сложной ситуации, и в том числе в связи с разгоравшейся борьбой за престолонаследие между великими князьями Кириллом Владимировичем и Николаем Николаевичем. Постепенно барон все более склонялся к поддержке последнего, что было обусловлено тем, что он являлся ранее Верховным Главнокомандующим и пользовался большим авторитетом среди воинских чинов. Впрочем, такое мнение разделяли не все. Бывший главнокомандующий Добровольческой армии, а затем Вооруженными силами Юга России генерал Деникин, в ответ на запрос, посланный в его адрес генералом Кутеповым, ответил следующее: «Николай Николаевич пользуется популярностью. Это знамя, которое надо хранить на почетном месте. Но если он выступит официально, то ввиду современной между-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5955. Оп. 1. Д. 9. Л. 84.

² Россия в изгнании. Судьбы русских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 422–423.

народной обстановки и отсутствия крупных средств и возможностей ничего серьезного ему сделать не удастся. А годы бездеятельности набросят тень и на популярность, и на авторитет»¹.

Весной 1923 года генерал Врангель заявил о своем безоговорочном подчинении великому князю Николаю Николаевичу. 12 мая в своем письме ему барон призвал принять от него трехцветное знамя, поднятое пять лет назад генералами Алексеевым и Корниловым². Вслед за этим начальник штаба Врангеля генерал Е.К. Миллер и состоявший в распоряжении барона генерал П.Н. Шатилов отбыли в Париж с письменной инструкцией Врангеля, в которой указывалось, что после образования политического объединения при великом князе Николае Николаевиче с главнокомандующего должна была быть снята вся политическая, финансовая и другая работа, не связанная непосредственно с жизнью Армии³.

Великий князь Николай Николаевич утверждал в это время в ходе происходивших у него встреч, что не считает возможным для себя возглавить какое-либо политическое объединение, но его окружением велась подготовка к тому, чтобы объединить именно вокруг него широкое национальное движение в эмиграции и прежде всего военные организации. Великий князь считал, что армия и офицерские союзы должны стоять вне политики. Касаясь проблемы престолонаследия, великий князь заявлял, что лишь в условиях, когда в России установится монархический государственный строй и подтвердится гибель Государя и всей Царской семьи можно всерьез обратиться к этому вопросу. Пока же это преждевременно.

15 декабря 1923 года генерал Врангель утвердил предписание № 04109, в котором подчеркивалось, что «армия отныне находится под покровительством великого князя Николая Николаевича». Вся политическая работа – зарубежная и в Советской России (разведка, установление связи, пропаганда, информация) и ответственность за нее передавалась из Белграда в Париж. В качестве переходной меры генерал Врангель предписал своему начальнику штаба генералу Миллеру «всю работу по агентуре, пропаган-

¹ *Лехович Д.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 297.

² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 258.

³ *Бортневский В.Г.* Загадка смерти Врангеля. Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996. С. 160.

де в Советской России, по информационной части, по советским учреждениям в Европе, по обследованию политического положения в иностранных государствах и другим, не связанным непосредственно с управлением армией и заведованием состоящими при ней Офицерскими союзами», передать временно военному представителю во Франции. Тот должен был передать все органы, ведающие этими отраслями работы, в ведение учреждения или лица по поручению великого князя Николая Николаевича. Во исполнение указанного предписания все органы и чины, которые вели работу по указанным направлениям, откомандировывались от штаба главнокомандующего и управлений военных представителей. Вместе с ними передавались и средства, предназначенные для указанной деятельности¹.

Резюмируя принятое решение, генерал Врангель указывал: «Большая нравственная ответственность спадает с меня. Отныне все вопросы политические – международного характера, по объединению национальных русских сил и т.п. не лежат более на мне и на представителях армии»². Но великий князь Николай Николаевич не спешил издавать приказ или распоряжение и не давал официально согласия на взятие армии под свое покровительство.

Тем временем великий князь Кирилл Владимирович развернул в эмиграции борьбу за привлечение на свою сторону и под монархическое знамя бывших военнослужащих. Своим Высочайшим Приказом № 108 от 30 апреля 1924 года он образовал Корпус Императорских Армии и Флота. Заведовать делами Корпуса был назначен генерал-лейтенант Н.А. Обручев.

В мае 1924 года в русской эмигрантской и иностранной печати было опубликовано заявление великого князя Николая Николаевича, изложенное им в беседе с директором американского агентства «Ассошиэйтед Пресс». Характеризуя тяжелое положение, сложившееся в России, он, вместе с тем, высказал убежденность, что за эпохой разрушения должна начаться созидательная работа. «Мы не должны здесь, на чужбине, предрекать за русский народ коренных вопросов его государственного устройства, – заявил великий князь. – Они могут получить разрешение только на русской земле в согласии с чаяниями русского народа».

¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 46–47.

² Русская военная эмиграция. Т. 2. М., 2001. С. 153.

Определяя в то же время контуры будущего обустройства России и организации власти, великий князь Николай Николаевич указывал, что власть должна быть национальной, внеклассовой и внепартийной, быть твердой и сильной, но в то же время справедливой и просвещенной, она должна стать на охрану священной, праволичной и гражданской свободы, собственности, правопорядка. В указанном заявлении великого князя констатировалось право народов, входящих в состав российского государства, на свободное развитие их национальной жизни. Касаясь одного из ключевых вопросов российской жизни – земельного вопроса, великий князь заявлял, что земля, которой пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята, и высказывался за закрепление ее в полную их собственность новой государственной властью. Он указывал и на невозможность взыскания с крестьян того, что погибло или было расхищено в начале революции.

Что касается организации и будущего российской промышленности, то великий князь в своем заявлении высказывался за право собственности и инициативы. Центральный вопрос, который, очевидно, был поставлен американским собеседником и на который отвечал великий князь, был связан с призывом его соотечественников к нему встать во главе движения во имя освобождения Родины. «Я ничего не ищу для себя и, как старый солдат, могу только сказать, что я готов отдать все свои силы и жизнь на служение родине, – заявлял великий князь Николай Николаевич. – Но стать во главе национального движения я сочту возможным только тогда, когда убежусь, что наступило время и возможность для принятия решения в соответствии с чаяниями русского народа»¹.

Тем временем продолжались контакты генерала Врангеля и великого князя Николая Николаевича. И именно ему главнокомандующий Русской Армии направил летом 1924 года проект документа о создании Русского Обще-Офицерского Союза. Но ответа не получил.

Внутриполитическая борьба в эмиграции получила новое развитие 31 августа 1924 года, когда великий князь Кирилл Владимирович издал Манифест о принятии на себя титула «Императора Всероссийского». Это решение углубило раскол в Императорском Доме и в Русском Зарубежье в целом. Императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич решительно осудили

¹ Галлиполийский Вестник. 1938. № 60. С. 2–5.

это заявление¹. Все вышесказанное, в свою очередь, оказало сильное влияние на последующие события и развитие процессов в политических и военных кругах российской эмиграции.

На следующий день после провозглашения Манифеста Кирилла Владимировича произошло другое знаковое событие в жизни эмиграции и прежде всего формирующегося Российского военного Зарубежья. Генерал Врангель собрал в своей резиденции в Сремских Карловцах (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) 1 сентября 1924 года высших чинов армии и огласил текст приказа № 35 о создании Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Это была организация более широкого состава, нежели планируемый ранее к созданию им Русский Обще-Офицерский Союз, хотя именно офицерство должно было составить ядро РОВСа.

Сам термин «обще-воинский» означал, что в Союз могли и должны были войти военнослужащие различных родов войск, армии и флота, а также казачество, которое и сейчас в эмиграции старалось держаться особняком. РОВС призван был объединить в своем составе (вокруг генерала Врангеля и его Русской Армии) солдат и офицеров бывшей Императорской, белых армий и других антибольшевистских воинских формирований. По замыслу своему Русский Обще-Воинский Союз должен был, если и не собрать в своих рядах всю военную эмиграцию, то, по крайней мере, стать ее ведущей организацией и объединяющим ядром и ускорить процесс формирования Российского военного Зарубежья как единого целого, сплоченного общностью воинских традиций, потребностью взаимопомощи и взаимоподдержки, объединения русских военнослужащих на чужбине, в странах русского рассеяния, сохранения их боевого братства, а самое главное – во имя продолжения борьбы с советской властью и возвращения с оружием в руках и с победой на родину.

В Русский Обще-Воинский Союз включались все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельные воины, не могущие по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества и союзы, пожелавшие числиться в составе Русской Армии. Внутренняя жизнь отдельных организаций сохранялась в неизменном виде, а РОВС выступал в качестве объ-

¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 395.

единяющей их структуры. Таким образом, с Русской Армией в состав РОВСа объединялись все те воинские организации, которые до этого не имели с ней связей. Общее управление делами РОВСа возлагалось на штаб главнокомандующего Русской Армией. Было создано пять территориальных отделов РОВСа.

В этот же день, 1 сентября 1924 года был принят еще ряд документов о Русском Обще-Воинском Союзе. В утвержденном генералом Врангелем «Временном положении о Русском Обще-Воинском Союзе» цель его определялась следующим образом: «... объединить русских воинов, рассредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов старой Императорской Армии». Задачи Союза сводились к укреплению начал воинской дисциплины, к общему руководству и согласованию деятельности обществ и союзов, воинских частей и отдельных групп, вошедших в его состав, а также к оказанию материальной и моральной помощи своим членам. Во главе РОВСа в соответствии с Временным положением стоял главнокомандующий Русской Армией. Отделы Союза возглавляли председатели, назначаемые главнокомандующим и подчиняющиеся ему непосредственно¹. С учреждением Русского Обще-Воинского Союза понятия РОВС и Армия начинают отождествляться и, как указывалось в «Справке о РОВС», подготовленной несколько лет спустя, «Армия стала Р.О.В.Союзом»².

Создание РОВСа должно было укрепить позиции генерала Врангеля, вставшего во главе новой организации. Чтобы повысить авторитет и влияние Русского Обще-Воинского Союза среди военнослужащих, способствовать развитию объединительных процессов в военной эмиграции вокруг РОВСа и избежать ненужных политических интриг и инсинуаций, генерал Врангель обратился к великому князю Николаю Николаевичу с предложением стать почетным председателем Союза³.

12 сентября 1924 года генерал Врангель пишет великому князю письмо, которое напоминает попытку объясниться и выработать общие позиции в отношении дальнейшего взаимодействия. Главнокомандующий упоминал, что испрашивал у него указания по некоторым вопросам, но, не получив их, принимал самостоятель-

¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 87–90об

² Там же. Л. 5об.

³ Там же. Л. 95.

ные решения, руководствуясь стремлением к объединению Зарубежного воинства Армии. В последнее время, продолжал генерал, «некоторые круги» вынашивали мысль о необходимости «объединения Зарубежного воинства вне Армии и ограничения деятельности Главнокомандующего лишь заботами о воинских частях», ссылаясь при этом, что действуют, руководствуясь высказываниями великого князя. В итоге перед каждым офицером встал вопрос, «держаться ли Армии или объединиться вне Армии». Все это привело его, объяснял генерал Врангель, к отдаче приказа от 1 сентября (о создании РОВСа), но он считает возможным внести в него изменения, если бы руководство согласился принять великий князь. Автор письма указывал, что лицо, которое великому князю угодно было бы поставить во главе Союза, стало бы в зависимости от главнокомандующего. Как бы резюмируя изложенное в письме и не исключая попытки разъединения воинских союзов и главнокомандования, Врангель пишет: «Приемлю смелость доложить Вашему Императорскому Высочеству, что решение о выделении воинских союзов из ведения Главного Командования было бы ошибочно, что этим не будет предотвращено дальнейшее расслоение офицерства...»¹.

Предложения генерала Врангеля, характер и возможные способы взаимоотношений великого князя Николая Николаевича с Русской Армией и Русским Обще-Воинским Союзом становятся предметом продолжительных размышлений последнего и вызывают оживленное обсуждение в его окружении. Здесь рождается целый ряд проектов, касающихся взаимоотношений с генералом Врангелем, Русской Армией и РОВСом.

5 ноября 1924 года генерал Врангель получил телеграмму от генерала Е.К. Миллера, в которой сообщалось, что великий князь Николай Николаевич просит его срочно прибыть во Францию и остановиться в его замке в Шуаньи. Одновременно он информировал главнокомандующего, что отношение к нему изменилось от враждебного к благожелательному².

13 ноября генерал Врангель прибыл в резиденцию великого князя. Собеседники обсудили ряд вопросов, требующих немедленного решения. 16 ноября Николай Николаевич отдал барону распоряжение, в котором, ссылаясь на письмо императрицы Ма-

¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 58. Л. 3–4.

² *Бортневский В.Г.* Загадка смерти Врангеля. С. 49.

рии Федоровны от 7/20 октября 1924 года, призвал всех одинаково мыслящих с Ее Величеством и им самим «объединиться и продолжить работу на дело Спасения России». «Для полного объединения в моем лице всех военных, – заявил великий князь, – принимаю на себя руководство через Главнокомандующего, как Армией, так и всеми военными организациями». Все приказания войсковым частям и военным организациям должны были отдаваться им через главнокомандующего. Впредь все начальники отдельных частей, военных учреждений, заведений и организаций, председатели офицерских союзов и объединений должны были уже не избираться, а назначаться великим князем Николаем Николаевичем.

Распоряжение великого князя Николая Николаевича от 16 ноября 1924 года не предназначалось для печати. Но завершалось оно следующими словами: «Приказываю Главнокомандующему объявить настоящее мое распоряжение всем, кому надлежит, к точному и неуклонному исполнению»¹. Заметим, что начальник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича капитан II ранга Г. Граф поспешил сделать заявление, в котором объявил действия великого князя Николая Николаевича антиимператорскими.

Врангель передал в ведение великого князя как верховного главнокомандующего все денежные средства, материальные ценности, бывшие у него и обеспечивавшие существование армии и помощь офицерским союзам и обществам. Кроме того, для ведения антибольшевистской борьбы в 1924 году была основана «Казна Великого Князя Николая Николаевича» (иное бытовавшее наименование – «Казна национального вождя – Великого Князя Николая Николаевича») и был объявлен сбор средств в нее. В дальнейшем она стала именоваться «Фондом Спасения России»².

30 ноября 1924 года были изданы рескрипты великого князя, в соответствии с которыми выстраивалась структура управления Армией и были определены лица, ответственные за эту деятельность: генералы А.П. Кутепов и М.Н. Скалон состояли в распоряжении великого князя; генерал Е.К. Миллер назначался заведующим финансовой частью с непосредственным докладом у Его Высочества; генерал П.К. Кондзеровский был назначен начальником

¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 72.

² ГАРФ. Ф. 9109. Оп. 1. Д. 4. Л. 117–117об.

канцелярии великого князя по военным вопросам¹. Информация об этом была сообщена генералу Врангелю.

Тот положительно оценил происшедшее в результате встречи в Шуаньи и в посланиях своим ближайшим сподвижникам – генералам Шатилову и Кусонскому, а также Н.Н. Чебышеву, писал: «Неясному, двойственному положению, длившемуся более 1 1/2 года, положен предел... Великий Князь, принимая на себя руководство зарубежным воинством, будет окружен близкими Армии людьми, людьми, которым особенно близки ее интересы... Рубикон, наконец, перейден»².

Приказом генерала Врангеля № 53 от 3 декабря 1924 года объявлялось содержание распоряжения великого князя Николая Николаевича от 16 ноября и вносились дополнения в приказ № 35 о создании Русского Обще-Воинского Союза. Все военные организации, сохраняя свои названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок внутреннего управления, установленный действующими уставами, должны были иметь ныне председателя не «выборного», а назначенного великим князем Николаем Николаевичем. Общее руководство деятельностью всех военных организаций в данной стране или в группе стран осуществлялось председателями отделов РОВСа, назначаемыми ныне великим князем Николаем Николаевичем. Ранее эти назначения производились непосредственно Врангелем, как председателем РОВСа.

В ходе встреч и совещаний с руководителями военных организаций генерал Врангель разъяснял существо перемен, произошедших после встречи в Шуаньи, пытался укрепить свой авторитет как председателя РОВСа и главнокомандующего, используя для сплочения военнслужащих имя великого князя Николая Николаевича, являвшегося ранее верховным главнокомандующим и снова ставшего фактически таковым в эмиграции. Нет Северной, Южной, Юго-Западной и Восточной армии, Врангеля и Юденича, утверждал барон. В информационных сводках РОВСа подчеркивалось, что все белые армии были по духу Единой Русской национальной армией, во главе которой ныне находится генерал Врангель, облеченный доверием великого князя Николая Николаевича³.

¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 62. Л. 198; Д. 28. Л. 43; Д. 30. Л. 20; Ф. 5853. Оп. 1. Д. 118. Л. 395об.

² ГАРФ. Ф. 5955. Оп. 1. Д. 14. Л. 229.

³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 110–111.

Новую ситуацию пытались использовать и для нормализации отношений генерала Врангеля с Высшим Монархическим Советом и с правыми кругами эмиграции. Но трения по-прежнему сохранялись, ибо монархисты обвиняли Врангеля в бонапартизме и в том, что он пытается поставить армию вне политики, ведет диалог с различными, и в том числе демократическими, слоями эмиграции. Сам генерал Врангель был монархистом по политическим убеждениям, поддерживал контакты с руководителями монархистских организаций, но официально отрекся от монархических лозунгов «для армии, которая ставит себе задачей свержение большевизма, для обеспечения народу свободного волеизъявления по вопросу о будущей форме государственного устройства России»¹.

Одновременно в руководстве РОВСа развертывается соперничество между генералом Врангелем и его штабом, с одной стороны, и окружением великого князя Николая Николаевича, с другой. Это ярко проявилось, например, при назначении начальника одного из ключевых – I отдела РОВСа с центром в Париже. После назначения его председателя генерала Миллера на должность начальника финансовой части при великом князе Николае Николаевиче эти обязанности исполнял близкий Врангелю генерал П.Н. Шатилов. Но окружение великого князя продвигало на этот пост престарелого, но близкого Николаю Николаевичу генерала графа А.А. Адлерберга, специально вызванного в январе 1925 года из Загреба в Париж. Но против его кандидатуры резко протестовал Врангель. В конечном итоге, в июле 1925 года начальником I отдела стал генерал-лейтенант И.А. Хольмсен, ставший своего рода компромиссной фигурой.

Рескриптом великого князя Николая Николаевича на имя главнокомандующего генерала Врангеля от 26 июня 1925 года все воинские союзы и организации, находящиеся в Америке и на Дальнем Востоке, были изъяты из подчинения Врангеля и непосредственно подчинены верховному главнокомандующему через генерала А.С. Лукомского. Великий князь мотивировал это его лучшим знанием обстановки в этих регионах, а также тем, что разрешение всех возникающих там вопросов будет происходить быстрее, чем при сношениях этих организаций со штабом главнокомандующего в Сремских Карловцах. Генералу Врангелю пред-

¹ Россия в изгнании. С. 108.

писывалось все отдаваемые им приказы и руководящие указания по Русскому Обще-Воинскому Союзу сообщать генералу Лукомскому, чтобы не было разногласий в направлении деятельности военных союзов и организаций, находящихся вне круга ведения председателя РОВСа¹.

Таким образом, в сложившейся структуре Русского Обще-Воинского Союза при формальном единоначалии фактически существовали два центра – Париж (Шуаньи), олицетворяемый именем великого князя Николая Николаевича, и Белград (Сремски Карловци) в лице главнокомандующего и председателя РОВСа генерала Врангеля и его штаба. Отсутствие должного взаимопонимания между этими двумя центрами, сохранение взаимной подозрительности и напряженности во взаимоотношениях препятствовали совместной работе, выработке и реализации единой стратегии и тактики действий Русского Обще-Воинского Союза и сил российской военной эмиграции.

Тем не менее, создание Русского Обще-Воинского Союза стало важным событием в жизни российской эмиграции. РОВС превратился в организационное ядро формирующегося в тяжелых условиях русского зарубежного рассеяния Российского военного Зарубежья. Руководство РОВСа пыталось сплотить вокруг Союза разбросанные по всему миру широкие и достаточно разнородные массы бывших военнослужащих Императорской и белых армий и прежде всего офицерство, стремясь при помощи мощной единой военной организации предотвратить их интеграцию в зарубежное сообщество. Это осуществлялось посредством создания в рамках РОВСа разветвленной инфраструктуры и поддерживалось активно пропагандируемой идеей продолжения борьбы с советской властью и возвращения на родину с победой. Имя великого князя Николая Николаевича, широко известное и популярное среди военнослужащих, призвано было способствовать их консолидации.

По данным штаба главного командования Русской Армии, в 1925 году РОВС насчитывал в своих рядах 40 тысяч человек. Иногда в дальнейшем эта численность оценивалась в 50–60 ты-

¹ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Ролон 189а. Л. 450; ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 26. Л. 20–20об., 133–134; Д. 28. Л. 51; Д. 62. Л. 96; Д. 15. Л. 60б.

сяч человек¹. Отсутствие строгой системы учета затрудняет точный подсчет чинов этой ведущей эмигрантской военной организации. Одним из основных критериев принадлежности к РОВСу становится уплата членских взносов. В документах РОВСа и в выступлениях его руководителей традиционно указывалось, что в случае начала военных действий против СССР его ряды многократно увеличатся.

Важным, но очень непростым для главного командования и руководства РОВСа, оставался казачий вопрос, ибо первые стремились подчинить казаков себе и включить их в формируемую «армию в изгнании», но казачьи атаманы отказывались от этого. 12 октября 1925 года состоялась встреча великого князя Николая Николаевича с войсковыми атаманами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, носившая, как подчеркивалось, «совещательный и осведомительный характер». Итогом встречи стало заявление войсковых атаманов, что если международная и внутренняя обстановка изменится и возникнет реальное дело, то может быть решен вопрос об объединении казачьих войск с общими силами, но «в период подготовительной работы они не считают возможным признать Великого Князя Николая Николаевича вождем и следовать его указаниям». В итоге великий князь заявил, что не видит возможности вести какую-либо согласованную работу с атаманами². В дальнейшем контакты руководства РОВСа и казачества, направленные на достижение взаимодействия, продолжались.

После передачи всех денежных средств в распоряжение великого князя Николая Николаевича председатель РОВСа генерал Врангель оказался полностью зависим от него в финансировании Армии. Финансовое положение было трудным и грозило стать критическим или даже прекратиться вовсе. Это вело к обострению отношений между Врангелем и его сторонниками, с одной стороны, и великим князем, с другой.

В конце января 1926 года председатель РОВСа писал в Берлин начальнику II отдела генералу Лампе, что прекращение финанси-

¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 91. Л. 38; Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000. С. 74; Россия в изгнании. С. 100.

² ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 24. Л. 41; Д. 61. Л. 24, 77, 121; Ф. 5829. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

рования имеет причины более глубокого порядка: «Белая мысль чужда Великому Князю. Он верит в predeterminedный призыв русского народа оттуда из России». Врангель указывал, что еще два года назад в первых словах к Армии, великий князь высказывал идею мирного возвращения, «когда нас примут те, кто в России». В этой ситуации, по мнению барона, белая армия могла быть для великого князя лишь помехой. «В сложившихся условиях передо мной стоят две задачи», подчеркивал генерал Врангель: 1) отразить ближайшую угрозу, изыскать средства и сохранить организацию, объединяющую более 35 тысяч офицеров и представляющую собой огромную национальную ценность; 2) искать все возможности для использования Армии по ее прямому назначению – продолжения белой борьбы, опираясь на всех тех, кто готов бороться с III Интернационалом, соотечественников и иностранцев. Прекращение великим князем финансирования Армии, когда он «отдавшую себя Ему Армию предоставляет самой себе», резюмировал председатель РОВСа, имеет и положительную сторону – «возвращение мне некоторой свободы и важно решить поставленные задачи»¹.

Тем не менее, контакты и переписка генерала Врангеля и великого князя Николая Николаевича продолжали иметь место. Выкраивались средства, хотя и весьма скудные, на поддержание работы РОВСа и прежде всего его управленческих структур.

В апреле 1926 года в Париже состоялся эмигрантский форум под громким названием – Российский Зарубежный съезд (он именовался также Всемирный русский съезд или съезд Зарубежной России). В его работе приняли участие 420 делегатов, представители от 26 стран. Съезд вынашивал идею создания Центра Зарубежной России. Он намерен был объявить великого князя Николая Николаевича главой широкого национального фронта. Но этот форум (как и подготовка к нему) обнаружил и глубокие противоречия его участников и трудную совместимость различных его фракций и группировок, невозможность выработки единой программы и стратегии действий.

Съезд принял обращение к великому князю Николаю Николаевичу, приветствуя в его лице «твердого носителя российской госу-

¹ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рун-лон 190. Л. 12, 17–18.

дарственной идеи и славного Верховного Вождя христолюбивого Российского Воинства». «По Вашему зову все русские люди без колебаний отдадут себя делу освобождения Родины», – подчеркивалось в обращении. Великий князь выразил свою благодарность делегатам съезда. На съезде была предпринята попытка создания исполнительного органа при великом князе Николае Николаевиче для консолидации эмиграции. Но устранить противоречия и достичь единства действий Зарубежной России в борьбе с Советской Россией не удалось. Резюмируя итоги этого форума, генерал Врангель с горькой иронией заметил: «После Зарубежного съезда общественность оказалась у разбитого корыта»¹.

Отношения великого князя Николая Николаевича и председателя РОВСа генерала Врангеля в дальнейшем формально сохранялись. Но шаг за шагом происходило ослабление позиций последнего. Осенью 1926 года его штаб был расформирован, а сам барон переехал из Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевство СХС) в Брюссель. Это знаменовало собой существенные изменения в конфигурации и в соотношении сил в руководстве Русского Обще-Воинского Союза. Тем самым свертывалось двоецентрие, фактически существовавшее в нем ранее в виде Шуаньи (резиденции великого князя Николая Николаевича, политического и военно-политического центра РОВСа) и Сремских Карловц (месторасположения председателя РОВСа, главнокомандующего Русской Армией и его штаба), олицетворявших непосредственную связь с Белым движением и непримиримой борьбой с большевиками в годы Гражданской войны в России. Оставление главнокомандующим частей Русской Армии, расквартированных и находившихся на трудовом положении в Королевстве СХС, важном центре формирующегося Русского военного Зарубежья, и переезд в периферийную Бельгию объективно ослабляли позиции генерала Врангеля и его влияние в Русском Обще-Воинском Союзе и в кругах военной эмиграции. Хотя барон и пользовался по-прежнему несомненным и высоким моральным авторитетом и формально сохранял за собой право издания приказов по РОВСу.

¹ ГАРФ. Коллекция микрофильмов Гуверовского Института войны, революции и мира. Микрофотокопии «Коллекция П.Н. Врангеля». Рулон 189а. Л. 526–527, 573; рулон 190. Л. 43–44; ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 23. Л. 189; Д. 26. Л. 72; Ф. 5955. Оп. 1. Д. 188. Л. 111–136; Д. 19. Л. 54–55; *Бортневский В.Г.* Загадка смерти Врангеля. С. 58.

Происходившие перемены укрепляли или, по крайней мере, призваны были укрепить позиции великого князя Николая Николаевича в Русском Обще-Воинском Союзе и в Российском военном Зарубежье, а также его претензии (или претензии его окружения) на роль вождя эмиграции и будущей Национальной России.

В дальнейшем отношения этих двух лидеров РОВСа складывались очень сложно и напряженно до самой смерти генерала Врангеля 25 апреля 1928 года после скоротечной болезни, вызвавшей много вопросов, в том числе и версию об его отравлении в результате операции ОГПУ. Но это предмет уже другого исследования, и на эту тему автору приходилось ранее писать¹.

Великий князь Николай Николаевич, при жизни не жаловавший генерала Врангеля и часто относившийся к нему по наущению своего окружения весьма предвзято, в посмертном приказе Русскому Обще-Воинскому Союзу писал: «С назначением Главнокомандующим генерал Врангель вселил в Армию дух, давший ей возможность вести долгую тяжелую борьбу с превосходящими силами врагов. После беспримерной эвакуации Крыма, генерал Врангель на чужбине, при самых тяжелых обстоятельствах сохранил кадры доблестных частей Армии. Благодарное чувство к заслугам горячо любимого Главнокомандующего генерала Врангеля будет вечно жить в сердцах его соратников и всех русских людей»².

После смерти генерала Врангеля верховное руководство РОВСом продолжало находиться в руках великого князя Николая Николаевича. Его приказом от 29 апреля 1928 года председателем Русского Обще-Воинского Союза был назначен генерал Кутепов. В приказе указывалось, что по всем вопросам, касающимся РОВСа, он докладывает ему. Заметим, что Кутепов в марте 1924 года с должности помощника главнокомандующего (генерала Врангеля) поступил в распоряжение великого князя и с тех пор неизменно руководил работой «по связи с СССР», что означало ведение разведывательной и подрывной, диверсионно-террористической деятельности против Советского Союза. Он был близким и доверенным сотрудником великого князя и сторонником непримиримой борьбы с большевиками.

¹ См.: *Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск, 2010. С. 461–466.

² Часовой. 1974. № 579. С. 20.

Заняв пост председателя Русского Обще-Воинского Союза, Кутепов отказался от должности главнокомандующего, каковым являлся генерал Врангель, ссылаясь на то, что он действует вне российской территории, где нет внешнего облика вооруженной силы¹. 8 мая приказом великого князя Николая Николаевича начальник его военной канцелярии генерал-лейтенант Кондзеровский был подчинен генералу Кутепову как председателю РОВСа. Это было важным шагом к ликвидации того фактического двоевластия, которое сложилось в бытность председателем РОВСа генерала Врангеля, когда Кондзеровский был своего рода промежуточной фигурой между Врангелем и великим князем при существующем у последнего недоверии к барону.

С весны 1928 года здоровье великого князя Николая Николаевича стало заметно сдавать. Первое время его организм еще упорно боролся с болезнью, но преклонный возраст брал свое. Обострение стало особенно заметно осенью, и близкие настояли на его переезде на юг Франции. 30 октября, отъезжая для лечения в Антиб (на ту же дачу, где он проживал после переезда из Италии во Францию в 1922 году), великий князь передал свои функции в отношении Русского Обще-Воинского Союза генералу Кутепову, о чем тот уведомил в своем приказе от 1 ноября. Это было последнее путешествие великого князя. В Антибе в десятых числах декабря он заболел воспалением легких. 17 декабря того же года председатель РОВСа был вызван к великому князю, который разрешил Кутепову на время своей болезни самостоятельно разрешать вопросы, донося ему.

Вечером 5 января 1929 года великий князь, казалось бы, чувствовал себя еще неплохо и направил поздравительную телеграмму с праздником (по случаю сочельника) чинам русской армии за рубежом. Он, как и всегда, призывал к единению, заканчивая свой призыв словами: «Памятуйте о России!». Но жить ему оставалось всего несколько часов. Внезапно наступило ослабление деятельности сердца, и в 9 часов 30 минут вечера Николай Николаевич умер в возрасте 72 лет, сохраняя сознание до последней минуты, в окружении своих родных. Так завершилась его жизнь и второе верховное главнокомандование в ней.

При прощании тело великого князя было одето в форму кавказских казачьих войск, а почетный караул составили бывшие рус-

¹ ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

ские военнослужащие. Затем тело было покрыто боевым Андреевским флагом с «Меркурия». Этот флаг был спасен черноморскими моряками и хранился в Париже. Телеграммы соболезнования в связи со смертью великого князя Николая Николаевича поступили от правительств, политических деятелей и военачальников ряда европейских стран. В Италии и Королевстве СХС был объявлен траур. 8 января гроб с телом великого князя Николая Николаевича был перевезен на автомобиле в г. Канны, где временно помещен в имеющемся при церкви Святого Архангела Михаила склепе. В той же церкви было решено устроить для более постоянного пребывания гроба почившего усыпальницу и над нею маленькую часовню. Отпевание великого князя было совершено здесь архиепископом Русской Православной Церкви Заграницей Серафимом в присутствии высших военных чинов Франции. У его гроба стоял почётный караул из чинов русской армии.

6 января 1929 года генерал Кутепов вступил в высшее управление Русским Обще-Воинским Союзом, приняв на себя исполнение обязанностей, выполняемых до этого верховным главнокомандующим. Таким образом, в руках А.П. Кутепова оказалась вся власть над этой организацией и одновременно ответственность за нее. В циркуляре-письме генерала Кутепова к начальникам отделов РОВСа от 9 февраля 1929 года он заверял их в своей преемственности деятельности и заветам великого князя Николая Николаевича¹. К полугодовому дню его кончины была сооружена большая доска из зеленого мрамора. На левой стороне ее, между двумя серебряными ветвями – лавровой и дубовой, серебряными же буквами была начертана надпись: «Верховному Главнокомандующему Русской Армии, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу», а ниже – «от российского зарубежного воинства». Под надписью был помещен большой белый крест Св. Георгия с черно-желтыми лентами, на которых были указаны даты рождения и смерти бывшего Верховного Главнокомандующего Русской армии и верховного руководителя Русского Обще-Воинского Союза.

В 1935 году рядом с великим князем была похоронена и его супруга.

В 2014 году внучатые племянники Николая Николаевича князя Николай Романович и Димитрий Романович обратились к прави-

¹ Часовой. 1929. № 1–2. С. 5.

тельству России с просьбой о перезахоронении останков великого князя и его супруги в России. Идею о перезахоронении поддержал председатель Государственной думы РФ С.Е. Нарышкин. Он заявил в интервью в декабре 2014 года, что вопрос перезахоронения останков Николая Николаевича прорабатывался в течение полутора лет. «Родственники великого князя сохранили предание, что его последней волей было найти покой на родной земле, быть похороненным рядом со своими солдатами»¹, – указывал Нарышкин.

1 декабря 2014 года председатель правительства России Д.А. Медведев подписал указ о создании межведомственной рабочей группы по организации церемонии переноса из Франции и захоронения в Москве праха великого князя Николая Николаевича и его супруги великой княгини Анастасии Николаевны. Согласно документу, останки членов императорской фамилии могли быть погребены в часовне в честь Преображения Господня на Братском воинском кладбище российской столицы, точнее в Мемориально-парковом комплексе героев Первой мировой войны, созданном на месте бывшего Братского воинского кладбища.

Посол России во Франции А.К. Орлов заявил в декабре, что в развитие беседы президента России Владимира Путина с президентом Франции Франсуа Олландом французы дали согласие «на проведение экуменической церемонии в церкви Святого Людовика»².

На состоявшемся 1 апреля 2015 года заседании правительственной комиссии было принято решение, что первый этап церемонии пройдет в Каннах, в Михаило-Архангельском храме, где покоились великий князь и его супруга. Второй этап должен был пройти в Париже, с торжественным экуменическим богослужением в базилике Дома инвалидов, а третий – в Москве, где великого князя и его супругу Анастасию Николаевну должны были похоронить в часовне в честь Преображения Господня, на Братском воинском кладбище. По словам государственного герольдмейстера Георгия Вилинбахова, за основу церемонии был взят сценарий переноса в 2006 году из Дании в Петербург праха императрицы Марии Федоровны. «Перезахоронение останков великого князя, безусловно, станет заметным, особым событием и для России и для всего рус-

¹ URL: <http://www.pravmir.ru/velikogo-knyazya-nikolaya-romanova-perzahoronyat-v-rossii/#ixzz3YpDbqhMt>

² Там же.

ского мира. Уже сейчас эта инициатива является одним из символов возвращения и сохранения исторической памяти», – указал председатель Государственной Думы и по совместительству председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин. Он подчеркнул, что все мероприятия и церемонии должны быть проведены на достойном уровне¹.

После проведения церемонии прощания с прахом великого князя Николая Николаевича в Париже останки великокняжеской четы были доставлены в Москву из Парижа 27 апреля 2015 года. В течение трех дней все желающие могли попрощаться с представителем династии Романовых в Донском монастыре столицы.

30 апреля на Братском воинском кладбище в Москве состоялось перезахоронение праха великого князя Николая Николаевича и его супруги. В церемонии приняли участие видные государственные деятели России, депутаты Госдумы, представители Русской Православной Церкви. «Николай Николаевич и его супруга при жизни не успели вернуться в Россию, но последней волей великого князя, сохраненной в семейном предании, было обрести покой в родной земле, в великой и любимой России, рядом со своими солдатами, и сегодня воля великого князя Николая Николаевича исполняется», – сказал на торжественной церемонии председатель Госдумы С.Е. Нарышкин. Он добавил, что «заслуги великого князя как военного и государственного деятеля, как верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской империи переоценить невозможно». Нарышкин указал также, что великий князь много сделал для воинского братства между Россией и Францией.

Мэр Москвы С.С. Собянин назвал это перезахоронение восстановлением исторической справедливости. Патриарх РПЦ Кирилл указал, что «сегодня осуществляются мечты тех выдающихся сынов и дочерей России, которые, скончавшись за пределами своей Родины, мечтали быть похороненными в родной земле». «То, что мы сейчас совершаем, есть символический акт или частица акта преодоления всего того хаоса и разделения, которые принес нашему народу XX век»², – сказал предстоятель РПЦ. После отпевания в Донском монастыре останки великокняжеской семьи захоронили на территории мемориала героев Первой мировой войны – в ча-

¹ URL: <http://ria.ru/religion/20150401/1055896619.html#ixzz3YpAdbEks>

² URL: <http://ria.ru/religion/20150430/1061875921.html#ixzz3YpA15Z1A>

совне Преображения Господня. В ходе церемонии орудийная батарея произвела артиллерийский салют.

Итак, в период перезахоронения официальная российская пропаганда не жалела высоких слов для великого князя. На телеэкранах был показан фильм, посвященный ему. Придворные эксперты именовали произошедшее «великим событием для страны».

Но в это время звучали и другие, более взвешенные и критические оценки произошедшего, жизни и деятельности великого князя. «Возникает резонный вопрос, за какие такие заслуги будет производиться торжественное перезахоронение Николая Николаевича? – писал, например, российский военный специалист и публицист Александр Широкопад. – Как генерала, который никогда в жизни не водил солдат в атаку? Как заговорщика, предавшего своего императора?» «Замечу, что вина Николая Николаевича перед Николаем II была несоизмеримо больше, чем других генералов-заговорщиков, – добавлял он. – Ведь он помимо обычной давал Государю еще и великокняжескую присягу». «А, может, будем славить Николая Николаевича как лидера террористической организации РОВС?»¹, – вопрошал указанный автор.

Перезахоронение великого князя Николая Николаевича стало поводом для новых конфликтов среди представителей династии Романовых. Дом Романовых, возглавляемый великой княгиней Марией Владимировной, еще в декабре 2014 года выразил протест против планов перезахоронения праха Николая Николаевича в Москве, отдельно от других членов семейства, похороненных ранее в Санкт-Петербурге. Решение о перезахоронении было названо «странным» и «не соответствующим традициям династии»².

Зададимся вопросом, почему руководство России и официальная пропаганда уделяли столь большое значение перезахоронению великого князя Николая Николаевича в Россию, и почему это событие состоялось именно сейчас. Отвечая на этот вопрос, надо, видимо, начинать с того, что оно трактовалось в русле официальной идеологии и новой исторической мифологии. Это вполне соответствовало концепции консерватизма, декларируемой президентом России В.В. Путиным и его политическим окружением. Среди

¹ URL: <http://krasvremya.ru/velikij-knyaz-nikolaj-nikolaevich-portret-bez-retushi/>

² URL: http://www.aif.ru/society/history/posmertnoe_vozvrashchenie_dyady_nikolaya_ii_s_pochestyami_pohoronyat_v_moskve?google_editors_picks=true

постулатов этой концепции: консервативные политические ценности, антиреволюционизм; воссоединение связи дореволюционной (до 1917 г.) истории и современности; возведение на политический и исторический олимп русских монархов, политических и государственных деятелей царской эпохи; союз государства и церкви (в первую очередь с православием); декларация единения власти и народа; патриотизм; единство русского мира и др.

С этих позиций развернулось переписывание в духе новой политической конъюнктуры истории Первой мировой войны¹. В ней особое место уделялось концепту так называемой «утерянной» (в результате якобы предательства большевиков) победы, героизации войны, возвращение исторической памяти о ней и ее участниках, государственных, военных и политических деятелях страны той поры. И тут, как нельзя, кстати, оказалось имя первого верховного главнокомандующего русскими вооруженными силами в Великой войне и торжественная церемония его «возвращения на Родину». Очевидно, что в эпоху конфронтации в мире это событие пытались обыгрывать и как возвращение памяти о прошлом воинском братстве России и ее союзников по Антанте.

Под влиянием политической конъюнктуры происходит активное переписывание в духе идеализации истории послереволюционной эмиграции, предпринимаются активные попытки восстановления связи с потомками эмигрантов во имя идеи воссоздания русского мира, единения его представителей за рубежом и современной России.

Впереди столетие Русской революции 1917 года и Гражданской войны в России, и к этому идет активная политико-идеологическая подготовка. Симпатии власти и официальной пропаганды находятся явно на стороне противников большевиков, и власть пытается оказать соответствующее влияние или даже давление на историческую науку с призывом к переоценке ранее сложившихся ценностей и суждений, идеализации дореволюционной России и ее лидеров, а также видных деятелей антисоветского движения в последующую эпоху, для воссоздания мира и единства общества, расколотого когда-то Гражданской войной, вокруг которой и сегодня идут активные дискуссии.

¹ Подробнее см.: *Голдин В.И.* Великая война: размышления спустя столет // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 2. С. 5–14.

Столетие событий той бурной политической эпохи может быть использовано российской политической элитой для восстановления связей с Западом, для декларации того, что современная Россия и ее руководство последовательно придерживается антиреволюционных и капиталистических ценностей, буржуазной политики и идеологии.

Все вышеизложенные причины в совокупности и предопределили действия российских властей и ту пропагандистскую шумиху, с которой проводилось перезахоронение праха великого князя Николая Николаевича в Россию. Вместе с тем, само по себе возвращение на Родину и перезахоронение в родную землю российских граждан, наверно, дело неплохое, если они, разумеется, сами этого хотели и завещали сделать это своим потомкам.

ЛИКИ ПОВСТАНЧЕСТВА

Мы продолжаем публиковать очерки о «народных вожаках» различной «окраски» периода Гражданской войны в России 1918–1922 гг. Предлагаем подключиться к обсуждению проблемы повстанчества в условиях гражданского противостояния, расширив эпоху до событий 1902–1923 гг. (так называемая «крестьянская война»).

Ждем отзывов на опубликованные материалы.

Обращаем Ваше внимание, что к публикации принимаются тексты как профессиональных историков, так и краеведов, биографов.

В.В. Канищев, Е.В. Баранова
Д.П. Иванов, А.В. Посадский

Возможности пространственного отображения крестьянского движения периода Гражданской войны средствами ГИС-технологий

Статья подготовлена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ (Задание № 33.956.2014/К).

Изучение крестьянских выступлений против Советской власти, как и всех протестных выступлений вообще, в основном ведется традиционными для историков описательными методами. Но именно в исследованиях по истории «классовой борьбы» в советское время стали появляться тематические карты, которые в определенной мере отражали пространственное распространение конкретных протестных движений. Такие карты, хотя и редко, но все-таки касались и периода Гражданской войны.

Одним из наиболее ярких примеров является Атлас «Великий Октябрь». В этом атласе на картах отдельных регионов отмечались зоны крестьянских выступлений и в относительно редких случаях места конкретных «кулацких мятежей»¹. Авторы этого, как и всех

¹ Великий Октябрь: атлас. М., 1987. С. 98, 104 и др.

других печатных историко-картографических изданий, не имели возможностей для детализации информации и тем более для создания многочисленных тематических карт, которые отражали бы динамику процессов.

Современные геоинформационные технологии позволяют создавать самые разнообразные тематические карты. Сравнительно небольшие затраты труда и времени для формирования отдельного ГИС-ресурса создают условия для проведения историко-картографических экспериментов в целях последующего построения наиболее оптимальных карт тех или иных исторических явлений и процессов.

В данной статье в качестве «модельного полигона» мы взяли зону, где в 1920–1921 гг. происходило известное восстание тамбовских крестьян («Антоновщина»). В советской и российской литературе это восстание зачастую связывается с Тамбовской губернией в целом, не учитывается, что оно охватило только 6 уездов губернии из 12. Если говорить об интенсивности восстания, то она может быть представлена на карте уездов Тамбовской губернии разноцветной гаммой (рис. 1).

Дополнительную информацию можно получить в виде диаграммы (рис. 2).

Карта и диаграмма достаточно наглядно показывают, что только в 3-х уездах (Борисоглебском, Кирсановском и Тамбовском) восстание приобрело значительный размах, а в 3-х имело сравнительно ограниченный характер. В диаграмме даже не удалось отразить число повстанцев в Моршанском уезде ввиду отсутствия четких данных об их количестве. Ясно, что оно было незначительным.

Следует учитывать то, что и внутри наиболее «буйных» повстанческих уездов в восстание были втянуты далеко не все населенные пункты. Поэтому мы посчитали важным попытаться представить события Тамбовского восстания 1920–1921 гг. на микроуровне. Содержательной основой для создания карт поселений, захваченных восстанием, стала созданная в программе «Excel» электронная база данных (далее БД), в которую включены 75 записей об активных проявлениях повстанчества в 56 населенных пунктах¹. В качестве территории для сравнительного анализа бы-

¹ Архив Управления ФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 3. Л. 18, Ф. 6. Оп. 4. Д. 571. Л. 10а–10г. Д. 4306. Т. 4. Л. 14–15, 16об., 117; Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.Р.-520. Оп. 1. Д. 11. Л. 19, Р.-1832.

Карта интенсивности восстания по уездам

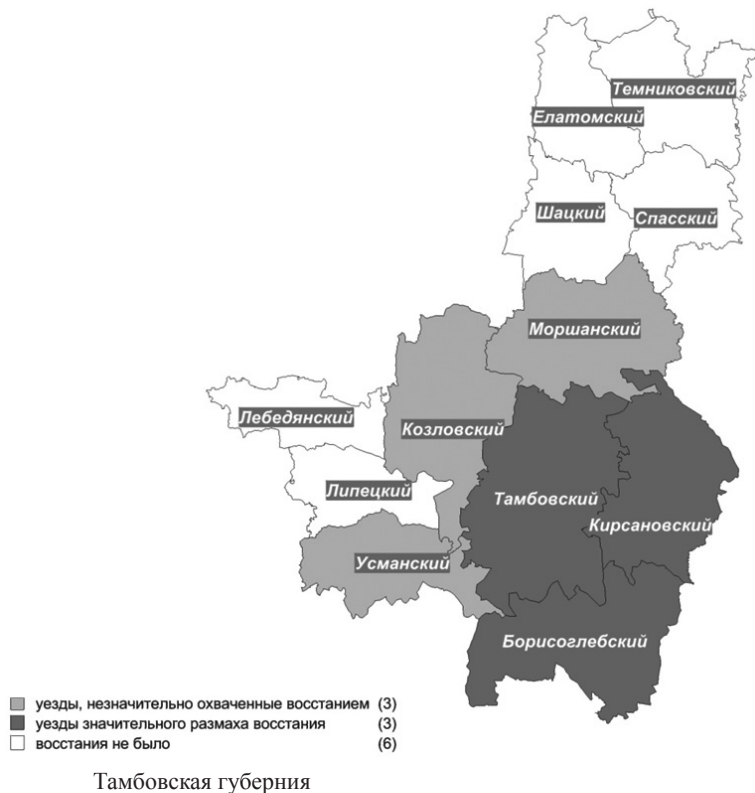

Рис. 1. Интенсивность Тамбовского восстания 1920–1921 гг. по уездам губернии

Оп. 1. Д. 631. Л. 56; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920–1921 гг. Тамбов, 2007. С. 163, 189, 205, 249, 285, 310, 346, 380–381, 647–648; Внутренние войска Советской Республики в 1917–1922 гг. Документы и материалы. М., 1972. С. 521, 609; Крестьянский фронт: 1918–1922 гг.: сб. статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. М., 2013. С. 424–442; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1919–1921 гг. («Антоновщина»). Тамбов, 1994. С. 62, 65, 70, 108, 223; Самошкин В.В. Антоновское восстание. М., 2005. С. 58, 61, 74, 76, 86, 92, 110, 112–113, 119–121, 274; Голос пахаря (Борисоглебск). 1921. № 24; 1927. № 53; URL: <http://shapkino.ru/selo-i-zhiteli/551/6402-3540>

Повстанцы. Область восстания

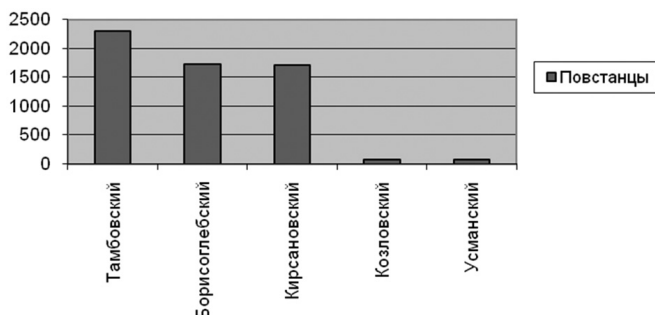

Рис. 2. Количество повстанцев по уездам губернии

ли избраны 2 наиболее активных в повстанческом отношении уезда Тамбовской губернии – Борисоглебский и Кирсановский, а также граничивший с ними Балашовский уезд Саратовской губернии, куда «Антоновщина» перебросилась весной 1921 г.

В процессе создания базы данных мы столкнулись с рядом трудностей, которые в первую очередь связаны с недостаточной четкостью информации источников.

Во-первых, во многих случаях трудно определить степень активности участия жителей тех или иных населенных пунктов в восстании. Далекое не всегда ясно, были участия конкретного населенного пункта в восстании проявлением активных действий против Советской власти или пассивным выражением сочувствия «антоновцам».

Во-вторых, источники часто неясно сообщают о том, кто осуществлял повстанческие действия: жители данного поселения или «антоновский» отряд, пришедший из другой местности.

Поэтому мы решили картографировать только те населенные пункты, в которых или рядом с которыми происходили боестолкновения повстанческих и советских отрядов. Эти столкновения были несомненным проявлением активного повстанчества. Поскольку повстанцы наверняка были тамбовскими крестьянами, мы как бы пренебрегаем тем, что участниками этих столкновений могли быть и местные жители, и бойцы партизанских полков, формировавшихся в других местах губернии. В Балашовском уезде Саратовской губернии мы учли все упоминания о связи местного населения с тамбовскими повстанцами. При всех этих ого-

ворках для нас наиболее важным было апробировать возможности привязки исторических событий к конкретному месту средствами ГИС-технологий.

Помимо проблем информативности описательных источников в ходе использования геоинформационных технологий возникали проблемы оцифровки некоторых населенных пунктов, которых не оказалось на картах-основах. В качестве таких основ были избраны карты Тамбовской и Саратовской губерний из атласа А.А. Ильина 1870-х гг., которые были созданы по единой методике и на которых наиболее подробно для периода второй половины XIX в. были отображены населенные пункты губерний¹. К сожалению, подобных карт начала XX в. не имеется.

По понятным причинам наши карты-основы не могли отразить населенные пункты, которые возникли в 1880–1910-е гг., а также учесть изменения названий поселений в этот период. В принципе эту нехватку информации можно устранить поисками на других картах. Но в данном случае мы сознательно количественно определили эту нехватку, чтобы предупредить коллег о тех проблемах, которые возникают при оцифровке географических объектов прошлого.

В ходе экспериментов по построению карт первоначально получилось, что на картах-основах не оказалось 19 населенных пунктов трех уездов из 75, вошедших в БД повстанческих акций 1920–1921 гг. После дополнительных «ручных» поисков, число не поддающихся оцифровке пунктов сократилось только на 2–3 по каждому из уездов. Но все-таки явное большинство было оцифровано, что позволяет говорить о достаточной представительности пространственной информации созданных нами карт.

В первую очередь мы построили серию карт, демонстрирующих помесячное развитие событий восстания. Оказалось, что даже самая насыщенная карта Борисоглебского уезда за январь 1921 г. отразила только 6 населенных пунктов. Поэтому в дальнейшем мы посчитали целесообразным объединить данные помесячных карт в единую для всего периода и для всей рассматриваемой территории.

Тем более, что такое объединение интересно для конкретизации понятия «локальные районы», под которыми понимаются террито-

¹ Атлас Российской Империи 1871 года. Подробный атлас Российской Империи с планами главных городов. СПб., 1871.

рии, административно относящиеся к разным регионам, но исторически и природно обособленные, имеющие общую устойчивую историческую память. В частности, такой целостной геосоциальной системой можно назвать Прихоперье с сильным казачьим, в расширительном значении, умонастроением. Из рассмотренных нами в бассейне Хопра находились Борисоглебский и Балашовский уезды, а через Кирсановский уезд протекал приток Хопра р. Ворона. Все эти уезды в процессе освоения южнорусского фронта до конца XVIII – начала XIX в. отставали в обжитости от более северо-западных уездов Тамбовской и других черноземных губерний, сохраняли немалое сходство с Областью Войска Донского¹. Видимо, к данному локальному району следует отнести и Новохоперский уезд Воронежской губернии. Но его картографирование в связи с «Антоновщиной» затруднено, поскольку туда не только перебрасывали свои действия тамбовские повстанцы, но и действовал против Советской власти отряд Колесникова, сформировавшийся на границе юго-запада Воронежской губернии и Донбасса.

Объединенная карта трех уездов признана нами наиболее оптимальной, почти полностью отражающей географию наиболее активной зоны Тамбовского восстания и смежной с ней соседней Саратовской губернией (рис. 3).

ГИС-технологии позволили пространственно представить не только места наиболее активных выступлений, но и их число на один населенный пункт, а также количественный масштаб участников. Населенные пункты, где зафиксировано несколько выступлений, обозначены несколькими концентрическими кругами. Масштаб участников выражен размером кружка. В тех случаях, когда точное количество повстанцев в источниках не было указано, мы определяли порядок цифр: несколько сел или волость – тысячи человек, минимум 1000 чел., одно село или несколько дере-

¹ Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Исторические приложения фрактального моделирования // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 1 (3). С. 71–82; Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Фрактальное моделирование исторической динамики фронтальных территорий: эвристический потенциал // *Fractalsimulation*. 2013. № 1; Канищев В.В., Баранова Е.В., Жиров Н.А. Результаты моделирования историко-географического районирования (на материалах Юга Центральной России XVII–XVIII вв.) // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 1. С. 89–108.

Рис. 3. Повстанческая активность в смежных уездах Тамбовской и Саратовской губерний в 1920–1921 гг.

вень – несколько сотен человек, в среднем 500 чел., одна деревня – несколько десятков человек, в среднем – 50 чел.

Материалы объединенной карты позволили сравнить степень распространения и интенсивности крестьянских выступлений в двух уездах Тамбовской и соседнем с ними Балашовском уезде Саратовской губернии. Понятно, что число поселений, охваченных восстанием и количество участников в самых «буйных» уездах Тамбовской губернии за весь период «Антоновщины» было большим, чем в Балашовском уезде. Но сравнение помесечных данных за март-апрель 1921 г. показывает, что проявление протестной активности в этом уезде было вполне сопоставимым с соседними тамбовскими территориями.

ГИС-технологии позволили решить невозможный для бумажной картографии вопрос о представлении справок о каждом населенном пункте, участвовавшем в восстании. Простое кликание компьютерной мышкой на кружок населенного пункта позволяет вывести на экран относительно развернутую структурированную информацию о проявлении (проявлениях) повстанчества (рис. 4).

«Попутно» создание ГИС-ресурса позволило решить и важный конкретно-исторический вопрос об отношении крестьян к провозглашенной в 1921 г. Новой экономической политике. Продолжение восстания в Тамбовской губернии, «перенос» его в Саратовскую губернию весной 1921 г. свидетельствует о том, что крестьяне этих территорий по меньшей мере не знали об «исторических» решениях X съезда РКП(б), что почти невероятно. Более вероятно предположить, что значительная часть крестьянства

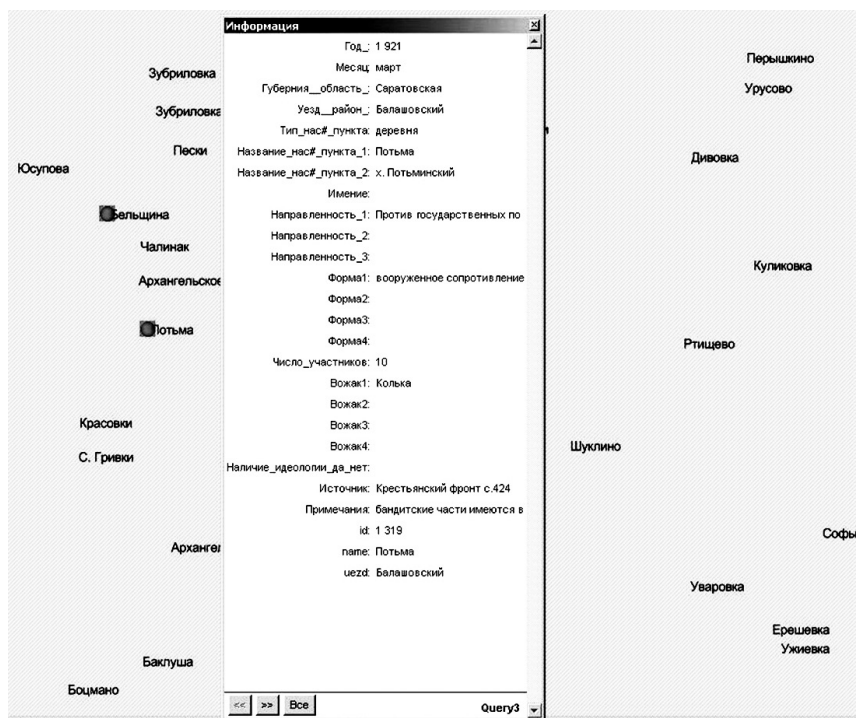

Рис. 4. Фрагменты карты Балашовского уезда с «всплывающей» информацией о восстании в д. Потыма

знала, но не верила этому шагу со стороны большевиков. Ведь в Тамбовской губернии обращение губбисполкома и губкома РКП(б) о прекращении взимания продразверстки было опубликовано еще 9 февраля¹.

С другой стороны, обращение к данному сюжету показало, что «глубина» проникновения «Антоновщины» в Саратовскую губернию была небольшой. Мы не выявили фактов того, что после мая 1921 г. крестьяне Балашовского уезда проявляли солидарность с тамбовскими соседями, которые продолжали борьбу до осени 1921 г.

В итоге можно сказать, что первые же эксперименты с применением ГИС-технологий в изучении протестного движения российского крестьянства позволили не только наглядно показать его пространственные аспекты, но и дополнительно прояснить конкретно-исторические сюжеты этого движения.

В.А. Савченко, А.В. Дубовик

Батяка Савон

Савонов («батяка Савон») Григорий Михайлович (Моисеевич) (1896, с. Голая Долина Изюмского уезда Харьковской губ. – 23.07.1921). Из крестьян-середняков. Портной. Участник Первой мировой войны, прапорщик. Член ПЛСР с 1917 г. (возможно, украинский эсер). Странник Украинской Народной Республики, в конце 1917 г. был комендантом г. Красный Оскол (Царевоборисов). Участник повстанческого движения против режима гетмана П.П. Скоропадского в июле-ноябре 1918 г., вел партизанскую борьбу в Изюмском уезде.

В 1919 г. Савонов вступил в КП(б)У, служил военным комиссаром Изюмского, Ахтырского уездов. С лета 1919 г. работал в подполье, затем партизанил против белых на Изюмщине. Командир батальона в махновской группе Сыроватского.

С восстановлением советской власти в начале 1920 г. Савонов назначен командующим войсками по ликвидации дезертирства и бандитизма в Изюмском уезде, затем начальником уездной милиции и военным комиссаром.

¹ «Антоновщина». С. 280.

В августе 1920 г. он порвал с советской властью и с частью подчиненных ему войск (три взвода Изюмского гарнизона, милиционеры) ушел в Теплинский лес «бороться против коммунии». Объявил себя «батькой» и анархистом, присоединился к махновскому движению. Савонов оперировал в Изюмском уезде, в районе Славянска, командуя отрядом в 200 сабель, 50 штыков, 8 пулеметов. Сотрудничал с махновскими отрядами Ф.И. Щуся и «Маруси».

В начале октября 1920 г. Савонов соединился с Революционно-Повстанческой Армией Украины (РПАУ), был утвержден командиром 4-го пехотного полка (700–1000 бойцов, 15 тачанок) и отправлен на Южный фронт. Участвовал в прорыве врангелевского фронта, в боях в Северной Таврии. При взятии Гуляй-Поля 25 октября 1920 г. полк потерял до 80% личного состава, а Савонов был тяжело ранен. После выздоровления он работал над воссозданием полка в с. Пологи.

При разрыве красными военно-политического союза с Махно 26 ноября 1920 г. отряд Савонова был атакован красными в Пологах, но сумел с боем прорваться из окружения. Некоторое время скрывался от ареста.

В начале января 1921 г. поднял восстание в с. Никифировке, объявил мобилизацию, собрал до 600 добровольцев, затем присоединился к Махно и участвовал в рейде по Старобельскому уезду в качестве разведки РПАУ.

24 января 1921 г. Савонов и командир 2-го Крымского кавполка Х. Общии ограбили церковь в г. Короча. Опасаясь ареста махновской контрразведкой, Савонов и Общии дезертировали из РПАУ и ушли в Изюмские леса с отрядом в 250–300 сабель и штыков при 10 пулеметах. Общии вскоре был убит в бою, но отряд Савонова, выросший вскоре до 500 чел., в феврале-апреле 1921 г. вел активные партизанские действия в Изюмском и Славянском уездах, дважды заняв Цареборисовку (6 февраля 1921 г. и 12 марта 1921 г.) и разбив 1-й сводный кавполк красных. Стремясь к дезорганизации красного тыла, Савонов неоднократно отделял от себя мелкие отряды для самостоятельных действий. По признанию чекистов, в результате «банда... стала почти неуловима и легко сбивала с толку преследовавшие ее части, получавшие сведения о местонахождении банды С. одновременно в разных концах [Донецкой] губернии». На борьбу против Савонова были брошены сводная Богучарская бригада ВНУС и части 8-й кавдивизии. Но он совершал рейды под черным и красным флагами по Восточной Украине, в

марте-апреле 1921 г. объединялся с махновскими отрядами Щуся, Ф. Кожина и «Маруси», конфликтовал с атаманом Жмуриным.

16 апреля 1921 г. отряд Савонова был разгромлен в бою у Северского Донца и распался. Скрываясь от ареста, Савонов тайно ездил на Северный Кавказ в поисках Кавказской Повстанческой армии Г.С. Маслакова.

В июле 1921 г. Савонов лечился после очередного ранения на хуторе Синичино Изюмского уезда. Выдан и арестован 11 июля 1921 г., подвергнут пыткам. Расстрелян 23 июля 1921 г.

Архивные источники: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 39. Л. 31–33; Оп. 2. Д. 46. Л. 35.

Литература и опубликованные источники: Савченко В. Атаманы казачьего войска. М., 2006; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918–1921: документы и материалы. М., 2006; Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Киев, 1993; Белый П.Ф., Дышлевой П.С. Единство действий в защите завоеваний революции: боевое содружество трудящихся Украины и России в борьбе против кулацкой вооруженной контрреволюции (конец 1920–1922). Киев, 1988; Беспечный Т.А., Букреева Т.Т. Правда и легенды о Несторе Махно. Донецк, 1996; Кучер О.О. Розгром зброїної внутрішньої контрреволюції на Україні в 1921–1923 рр. Харків, 1971.

М.Г. Ситников

Троицко-Печорское восстание¹

После падения красной Перми в конце декабря 1918 г. белые сибирские части распространялись, в том числе, и на север Пермской губернии. К 16 января 1919 г. отряд капитана Протопопо-

¹ Троицко-Печорск Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии основан в 1674 году. На начало XX века – это волостной центр, имеющий православную (Троицкую) церковь. В селе также были: церковно-приходская школа, сельское и земское училища, фельдшерский приемный покой. На февраль 1919 года в волости проживало 2 658 душ. С осени 1918 года по 1923 год Троицко-Печорская, Савиноборская и Усть-Щугорская волости входили в состав Чердынского уезда Пермской губернии.

ва, выделенный из батальона капитана Куренкова для очищения г. Чердыни, разбил красный отряд Федосеева¹ (60–70 человек) под д. Купчик, что северо-западнее г. Чердыни. Было захвачено 100 пленных, пулеметы, винтовки и патроны. Потери сибиряков: 2 убитых и 4 раненых². Красные отступили к д. Петрецово и далее на Печору. Отряд капитана Протопопова возвратился в Чердынь. В это время в город прибыл небольшой отряд (человек 15) из 18-го Тобольского полка под командованием поручика Орлова³ для очищения верховья Печоры от большевиков. Пополнив его ряды местными добровольцами, пленными красноармейцами и вооружив тобольцев двумя пулеметами, капитан Протопопов сдал район г. Чердыни поручику Орлову, а сам с отрядом отправился в город Пермь, где формировался 27-й Верхотурский полк 7-й Степной Сибирской дивизии⁴.

Поручик Орлов со своим отрядом отправился на Печору. В селе Вильгорт к нему присоединился местный добровольческий отряд самообороны штабс-капитана Демидова численностью в 40 человек. Этот отряд организовался, как только до Вильгорта дошла весть о приближении белых войск к Чердыни. Сразу же была организована следственная комиссия, по указанию которой были арестованы коммунисты и сочувствующие советской власти. Все арестованные были расстреляны. Отряд участвовал в освобождении с. Ксенофонтово, где захватил в плен 22 красноармейца, которых также расстреляли⁵.

Далее на пути поручика Орлова находилось большое село Ныроб, которое встретило отряд Орлова колокольным звоном. К Орлову также присоединился местный отряд самообороны в 30–40 человек из зажиточных крестьян и интеллигенции. Его сформировал лесничий Васильев сразу же после прохода красных войск, вооружив винчестерами и револьверами со склада лесничества. Отряд немедленно арестовал коммунистов и сочувствующих

¹ Освобождение России (Пермь). 1919. 27 марта.

² Освобождение России (Пермь). 1919. 19 января.

³ Капитан Протопопов называет фамилию ротмистра Черенцова. Он ошибся, т.к. писал воспоминания в 1940 году, тем более, что в предисловии к своим воспоминаниям сам просит извинения за возможные ошибки.

⁴ *Протопопов Н.А.* По закамским лесам. Харбин, 1940. С. 188, 189.

⁵ Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11630. Л. 121.

советской власти, которых набралось не менее 13 человек, и среди них волостной комиссар Чагин. Узнав, что к Чердыни приближаются белые, самооборонцы послали к ним нарочного с запросом, – что делать с заключенными. После возвращения нарочного арестованных под Рождество направили в Чердынь. С первых же дней была организована следственная комиссия с председателем Девятковым Петром Яковлевичем и секретарем Носовым Иваном Афанасьевичем, которая приступила к допросам жителей, сочувствующих советской власти. Васильев был и за начальника дружины, и за коменданта с. Ныроб. Вскоре дружина присоединилась к сибирякам и отправилась на Печору, где действовала очень активно. Между Якшей и Троицко-Печерском васильевская дружина выловила Ныробского председателя волисполкома Пономарева и несколько красноармейцев. Часть из них расстреляли сразу, а остальных привезли в Ныроб, здесь их высекли плетью и отправили в Чердынь¹.

¹ Государственный архив Пермского края. Ф. Р-713. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–3.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-история, 2013. 352 с.

Среди интересных и содержательных исследований о Гражданской войне в России, появившихся в последнее время, следует отметить рецензируемую монографию молодого историка из Санкт-Петербурга А.С. Пученкова. Она уже замечена в отечественной историографии и стала предметом обсуждения, проведенного на страницах журнала «Российская история». И, тем не менее, хотелось бы изложить мнение о ней на страницах этого издания, специально посвященного Гражданской войне в России.

Актуальность рецензируемой книги обусловлена как научными, так и политическими факторами. Первое связано с тем, что данный ракурс исследования стал во многом пионерским, первопроходческим. Это обусловлено немногочисленностью глубоких и содержательных исследований как об Украине, так и о Крыме в годы Гражданской войны, а с другой стороны, недостаточной изученностью их взаимоотношений в сложнейший и драматический исследуемый период, в условиях краха российской имперской государственности и попыток формирования на ее развалинах новых государственных образований. Политическая актуальность данной книги связана с очевидным: современным политическим кризисом на Украине, обернувшимся утратой для нее Крыма. Это стало предметом современных страстных дебатов в России и за рубежом, когда одни радуются возвращению Крыма в состав Российской Федерации, воссоединению его с «исторической Россией», а другие именуют произошедшее «российской аннексией Крыма», отказываясь признать это. Кроме того, на Украине в 2014 году фактически вспыхнула новая Гражданская война, говорить о завершении которой сегодня, вероятно, еще рано. Все ныне происходящее с Украиной и Крымом стало одной из причин глубокого кризиса и конфронтации в современных международных отношениях и требует осмысления современности с учетом уроков и опыта истории.

Целью исследования А.С. Пученкова явилась реконструкция политической истории независимых Украины и Крыма в 1918 г. –

начале 1919 г. и рассмотрение ее взаимосвязи с историей русской Гражданской войны. Монография состоит из четырех глав, три из которых посвящены Украине (в условиях быстро меняющихся властей – Центральная Рада, советская власть, австро-германская оккупация, гетманщина, петлюровщина, французская интервенция) и одна – Крыму. Книга основывается на широком круге источников, значительная часть которых впервые вводится автором в научный оборот. Заметим, что в шести приложениях к книге опубликованы воспоминания и размышления участников противоборства, развернувшегося в исследуемый период на рассматриваемой территории. И это является несомненным достоинством работы, ибо позволяет читателям взглянуть на события глазами их участников.

А.С. Пученков обстоятельно рассмотрел противоборство на Украине и в Крыму различных политических сил – от монархистов до украинских и татарских националистов. При этом автор книги справедливо подчеркивает, что в 1918 г. особое значение имел вопрос о внешней ориентации сил, боровшихся за власть в указанных регионах. Речь шла о том, с кем быть и на какую силу опереться – на Антанту или Германию. Но попытки опереться на иностранную силу в условиях Гражданской войны и в борьбе за независимость, указывает автор, оказались несостоятельными. «“Генеральские диктатуры” Сулькевича и Скоропадского рухнули фактически в одночасье и стали доказательством того, что националистические режимы, держащиеся лишь на силе иностранного штыка, обречены на гибель», – резюмирует Пученков. Он справедливо добавляет, что в развернувшейся борьбе внешних ориентаций «мало кто из российских политиков сумел сохранить свою репутацию незапятнанной». Наконец, еще одной силой, которую нельзя было не учитывать в развернувшейся борьбе, являлась Добровольческая армия генерала А.И. Деникина. И о ней тоже идет речь в монографии Пученкова.

В книге раскрываются взаимоотношения Крыма и Украины. Крым не считал себя продолжением Украины, подчеркивает автор, хотя и Центральная Рада, и правительство гетмана Скоропадского стремились к вступлению Крыма в состав Украины. Добиваясь своей цели, замечает Пученков, Украина развернула в июне 1918 года против Крыма самую настоящую таможенную войну, решительным сторонником которой выступал сам гетман. В результате закрытия границ Крым лишился украинского хлеба

(даже в Симферополе и Севастополе были введены хлебные карточки), а Украина – крымских фруктов. Но правительство Крыма упорно стояло на позиции сохранения независимости.

Определяющую роль в наметившемся противоборстве играла Германия, которой было выгодно существование двух вассальных режимов на Юге бывшей Российской Империи. При этом немцы последовательно проводили в жизнь свои интересы во взаимоотношениях с этими вассальными квазигосударствами. «Берлин запугивал Сулькевича угрозой превращения Крыма в часть Украины – так было легче держать Крым в узде, – замечает Пученков, – Скоропадского же успокаивали в том духе, что скоро все территориальные притязания Украины будут удовлетворены». Но в действительности немцы не собирались этого делать. Что касается генерала Деникина, то его отношение к возникшим под фактическим германским протекторатом государствам – Украине и Крыму – было презрительным. И с этим выводом автора книги нельзя не согласиться.

В рецензируемой монографии раскрываются не только перипетии драматических событий исследуемой эпохи, но подробно характеризуются и персоналии целого ряда политиков, действовавших в ту эпоху. И это «человеческое измерение» политической истории, несомненно, вызовет особый интерес читателей.

Автор уделяет значительное внимание в книге такой сложной и противоречивой странице исследуемого периода, как судьба Черноморского флота. В монографии раскрываются драматические и трагические перипетии его истории в 1918 году: дискуссия на тему, должен ли флот оставаться в Севастополе, куда вступали немцы, уход части кораблей в Новороссийск, поиск выхода из тупика здесь, новый раскол флота («самоубийство» флота осуществить было невыносимо тяжело, идти в Севастополь – унижительно») и, наконец, затопление части его кораблей в Новороссийске. «Гибель части Черноморского флота 18 июня 1918 года стала одной из самых трагических страниц в истории Гражданской войны», – подчеркивает Пученков, и с ним нельзя не согласиться.

После поражения Германии и ее союзников в войне и эвакуации из Украины и Крыма австро-германских войск диспозиция в этом регионе существенно изменилась. В Киеве к власти пришли петлюровцы, а на Юге произошла высадка войск Антанты. Но политика последних отличалась своекорыстием, и в ней, как справедливо указывается в книге, наблюдались колонизаторские тен-

денции, что вызывало конфликты между Деникиным и французами. Заметим, что это было общероссийским явлением, а надежды на то, что интервенты пришли в Россию помогать Белому делу, оказались иллюзорны, ибо они стремились реализовать здесь в первую очередь собственные интересы (политические и геополитические, экономические и др.).

Характеризуя ситуацию в Крыму к весне 1919 года, Пученков отмечает, что здесь было три силы: войска Антанты и французская военная эскадра, Крымско-Азовская армия генерала Боровского и, наконец, слабейшая, не обладавшая реальными возможностями для поддержания своей власти, – правительство С.С. Крыма. В апреле того же года союзники ушли из Крыма, который, по замечанию автора книги, «накрыла вторая волна большевизма». Здесь возникла Крымская Советская социалистическая республика, существование которой, впрочем, оказалось непродолжительным, и к концу июня войска Деникина заняли Крым, который в дальнейшем становится последним плацдармом Белого Юга.

Резюмируя же ситуацию на Украине в начале 1919 года и заглядывая вперед, автор рецензируемой книги делает обоснованный вывод о том, что ее населению предстояло пережить в этом году многочисленные перевороты, погромы, грабежи, насилия и утрату всякого доверия к любой власти.

Когда А.С. Пученков писал свою книгу, Украина еще не вошла в острейший политический кризис своей современной истории. Киевский майдан и последовавшие за ним события были еще впереди. И, вместе с тем, автор во Введении выдвинул тезис о параллелизме, а подчас и практически буквальном совпадении картины событий, происходивших тогда, почти сто лет назад, и сейчас – в наше время – на территории новообразованных государств. И рецензируемая книга представляется интересной с точки зрения осмысления и сопоставления исторического опыта событий на Украине и в Крыму в годы Гражданской войны и современности.

История Украины и Крыма в период Российской гражданской войны и в целом анализ украинской истории заставляет размышлять над более крупными проблемами: взаимоотношениями Украины и России, украинского и российского народов, а также о состоятельности украинской государственности в целом, способности украинцев и украинской элиты создать и сделать успешным, долговечным и процветающим государство на украинской земле. По крайней мере, реальности современности показывают то, что

кризис в Украине и балансирование на грани существования, экономического и политического банкротства не стали неожиданными, но выявили реальности существования нескольких территорий со своими интересами, стремлением к самостоятельности и даже государственности – Восточная, Центральная, Западная Украина и Крым. Последний ныне вошел в состав России, а на Юго-Востоке Украины образовались Донецкая и Луганская народные республики.

Резюмируя же рецензируемую книгу А.С. Пученкова, заметим, что она отличается несомненной новизной и содержательным анализом исследуемых процессов. Пожелания же сводятся к тому, что заслуживала бы более обстоятельного изучения историографии данной темы, а заключение книги могло быть более развернутым. Автор рецензируемой монографии заканчивает свое повествование выводом о том, что революционный пожар (в 1919 году) лишь только начинал разгораться, и населению Украины и Крыма предстояло пережить еще немало кровавых драм. Хотелось бы надеяться, что следующая книга А.С. Пученкова будет посвящена последующей и завершающей эпохе в истории Гражданской войны на Украине и в Крыму и окажется столь же содержательной, как и рецензируемое исследование.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Лев Григорьевич Протасов (1938–2015)

6 февраля 2015 г. ушел из жизни известный российский историк, многолетний заведующий кафедрой Российской истории Тамбовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Лев Григорьевич Протасов.

Он относился к категории «шестидесятников». Его поступление на историко-филологический факультет Тамбовского пединститута в 1955 г. совпало с началом хрущевской «оттепели», что повлияло на его формирование как человека либеральных воззрений. Конечно, о либерализме в прямом смысле слова применительно к советскому обществу того времени говорить невозможно. Тогда реальной была только относительная самостоятельность научных взглядов и постоянный поиск своего пути в науке, чем и отличался всегда Л.Г. Протасов.

В 1962 г. Л.Г. Протасов стал аспирантом Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. Он был принят на кафедру, которую возглавлял легендарный советский академик, комиссар корпуса Червоного казачества времен Гражданской войны, «красный профессор» И.И. Минц. Темой кандидатской, а затем и докторской диссертации Л.Г. Протасова стало солдатское движение в России в 1917 г. Для того времени она являлась новаторской. И.И. Минц, сам выступая в роли ортодокса, нередко «руками» своих сотрудников и аспирантов изучал темы не совсем типичные для советской историографии. Ведь в сталинские времена непререкаемой истиной считалась руководящая роль рабочего класса в борьбе за установление Советской власти в 1917–1918 гг. Аспирант Протасов, как и его коллеги по аспирантуре, вдруг стал выяснять, что в городах Центрального Черноземья и целого ряда других регионов России, где в 1917 г. почти не было фабрично-заводских рабочих, главной революционной силой становились гарнизоны, наполненные недовольными затянувшейся Первой мировой войной солдатами.

В ходе работы над диссертацией выяснялись и крамольные по тем временам вещи: многие месяцы весны-лета 1917 г. большинство тыловых гарнизонов не испытывало руководящего и направ-

ляющего воздействия большевиков, но находилось под заметным влиянием эсеров, которые в исторической литературе 1960-х гг. рассматривались как «согласатели» с буржуазией. Постепенно для вдумчивого аспиранта становилось очевидным и то, что солдатская масса в революционных событиях 1917 г. действовала больше как анархистская вольница, возбужденная протестными чувствами, нежели как сознательная сила, поднятая агитацией политических партий. Характеризуя бунтарские проявления солдатской активности, Л.Г. Протасов фактически показывал, что нужно бояться «человека с ружьем», который уже в 1917 г. становился зачинщиком Гражданской войны.

С середины 1960-х гг. Научный Совет АН СССР по истории Октябрьской революции стал почти ежегодно проводить всесоюзные конференции по тематике Октябрьской революции и Гражданской войны. Эти конференции, наряду с постоянной работой в московских архивах, позволили Л.Г. Протасову установить широкие научные связи, стать заметным специалистом по истории Октябрьской революции. В эти годы у Льва Григорьевича выходят статьи в академических журналах, в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», главы в московских коллективных монографиях по историографии Февральской и Октябрьской революций. Итогом научной работы Л.Г. Протасова того периода стал выход в свет монографии «Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов», которая стала основой его докторской диссертации, защищенной в 1979 г. в МГПИ им. В.И. Ленина.

В 1980-е гг. круг исследований Л.Г. Протасова заметно расширился. Он постоянно участвовал во всесоюзных и международных конференциях, в подготовке энциклопедических изданий «Великая Октябрьская социалистическая революция» (второе издание) и «Политические деятели России. 1917 год», атласа «Великий Октябрь». Признанием авторитета Л.Г. Протасова было проведение в Тамбове трех всесоюзных симпозиумов, посвященных роли и месту городских средних слоев в российских революциях и Гражданской войне.

Еще до «перестройки» сформировалось новое «научное увлечение» Л.Г. Протасова – история Всероссийского Учредительного собрания. В конечном итоге, результаты этого «увлечения» оказались наиболее весомыми: в московском издательстве «РОССПЭН» в 1997 и 2008 гг. вышли две его монографии: «Всероссийское Уч-

редительное собрание: история рождения и гибели» и «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи», а буквально накануне кончины – энциклопедия Учредительного собрания.

Оценивая значение «разгона» Учредительного собрания, Л.Г. Протасов считал этот акт одним из начальных событий «настоящей» Гражданской войны. В монографии о судьбах членов Учредительного собрания и энциклопедии он показал, что биографии многих «учредиловцев» были опалены Гражданской войной. Для исследователей этого трагического периода российской истории большую ценность представляют конкретные факты участия бывших депутатов в событиях этой войны и на стороне «красных», и «белых», и «зеленых», и других противоборствовавших групп.

Признанием научного авторитета Л.Г. Протасова стало приглашение его в состав авторов таких энциклопедических изданий, как «Общественно-политическая мысль России XVIII – начала XX вв.», «Государственная Дума России», «С.Ю. Витте». Немало занимался он и тамбовскими региональными исследованиями. Под его редакцией вышли «Страницы истории Тамбовского края», «Тамбовская энциклопедия», сборник документов по «Антоновщине». Последнее издание вызвало такой интерес научной общественности и читающей публики, что буквально в считанные месяцы стало библиографической редкостью. Болезненная память о трагическом столкновении тамбовского крестьянства с якобы рабоче-крестьянской властью еще сохраняется в обществе.

Л.Г. Протасова полноправно можно назвать ярким представителем русской интеллигенции. Многие члены Ассоциации исследователей Гражданской войны в России лично знали Льва Григорьевича. В их памяти он останется образцом человеческой порядочности и научно-педагогического подвижничества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Елена Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (г. Тамбов).

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (г. Москва). E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск), заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Дубовик Анатолий Викторович, историк, публицист, член Конфедерации Анархо-Синдикалистов (г. Днепрпетровск, Украина).

Иванов Дмитрий Павлович, старший преподаватель кафедры Российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (г. Тамбов).

Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, профессор кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН (г. Самара). E-mail: gippolitov@rambler.ru; irpo1953@yandex.ru

Исхаков Салават Мидхатович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций. E-mail: rusrevref@mail.ru

Канищев Валерий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (г. Тамбов). E-mail: valcan@mail.ru

Наумов Евгений Олегович, аспирант кафедры истории России Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (г. Саранск). E-mail: naumoveo@mail.ru

Пилипенко Станислав Александрович, кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного технического университета (г. Самара). E-mail: sa.pilipenko@gmail.com

Посадский Антон Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов). E-mail: posad1968@rambler.ru

Разиньков Михаил Егорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова (г. Воронеж). E-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Савченко Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, профессор Одесского государственного университета внутренних дел, главный редактор историко-краеведческого научного альманаха «Юго-Запад. Одессика» (г. Одесса, Украина).

Ситников Михаил Григорьевич, независимый исследователь (г. Пермь).

Старков Борис Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, истории и политологии Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (г. Санкт-Петербург), заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: b.starkov1@mail.ru

Научное издание

**АЛЬМАНАХ
АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ**

Выпуск 2: Гражданская война в России в контексте
международных отношений первой четверти XX века

Печатается в авторской редакции
Оригинал-макет *С.В. Пантелеевой*
Дизайн обложки *О.М. Морозовой*

Подписано в печать 26.08.2015. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 10,46. Тираж 100 экз. Заказ № 3751

Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56